

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

10
'94

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ВВКУ - 50

СПРАВИЛИСЬ!

Курсанты
Санкт-Петербургского
ВВКУ ВВ
МВД России
обеспечивали
охрану
правопорядка
на Играх
Доброй Воли.

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

10 '94

Издается с 1958 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

В НОМЕРЕ:

■ ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

КАРПОВ Б., КОЛЕСНИКОВ С. Полвека на берегах Невы 2

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ПУЧКОВ Ю. "Поощрите, Христа ради,, или Уставы на перспективу 8
МУЧАК И. Не сорвать со следа 12
ДЕВЯТКО В. "Чего же ты хочешь, Рэмбо?, ... 16

■ ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

ЗВЯГИНЦЕВ В. "Над „Россией“ солнце светит триста двадцать дней в году" 21
СЫРЕЙЩИКОВ Ю., ШАПОШНИКОВ В. "Звезда,, плюс "Профи,, равняется успех 25
ТЮРИН В. "За нами — родная Москва,, ... 29

■ РЕТРОСПЕКТИВА

ПОПОВ И., ПОЧТАРЕВ А. Под охраной — репатрианты 31
ГОРЧАКОВ О. "Народ должен знать. 36

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

КОКОШКИН П. Беломорканал. 30-е годы. 41
КОЗЛОВ И. "Правда — это и смех, и слезы. 46
ПОПОВ Б. Шлак с барабаном 48
КАЗАКЕВИЧ В. Все при мне (стихи) 56
ЗЛОТНИКОВ Р. Крылышки божьей коровки (роман, окончание) 58
Салюги всмятку (сатира, юмор) 68

***

Мировой вратарь 70

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ЛИНДЕР И. Гармония силы и души 72
Автодайджест 76
Шахматный клуб 77
Сад—огород 78

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная
коллегия:

АРТЮХОВ Е. А.,
АФНАСЬЕВ В. В.,
БОНДАРЕВ П. Т.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
ДУРБАЖЕВ В. А.,
ЕРМИЛОВ А. М.
(зам. главного редактора),
ЕРХОВ Е. И.,
ЗАЙЦЕВ А. П.,
КАВУН С. Ф.,
КАРЕВ А. Н.
(ответственный секретарь),
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КУДРЯШОВ В. И.,
КУЗЬМИН Н. П.,
МАЛЮТИН С. Н.,
ОВЧИННИКОВ В. В.,
СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного редактора),
УШАР А. Г.,
ЧЕРНЫШОВ П. П.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель — МВД России.

Издатель — Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.

© Журнал «На боевом посту», 1994

Сдано в набор 23.08.1994 г. Подписано к печати 4.10.1994 г.
Формат бумаги 70×108/16. Усл. печ. л. 7,0.
Уч.-изд. л. 11,0. Зак. № 1778. Тираж 10 300.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 480 руб.,
(индекс 70610), для предприятий и организаций — 1500 руб.
(индекс 73175), в розницу — свободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда».
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление
Э. П. Копылова.
Корректоры
И. Н. Иношина, Л. Н. Полякова.
На первой странице обложки:
фото А. Л. Александрова.

Адрес редакции:
107120, Москва, Е-120,
Сыромятинский проезд, 8.
Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

Полвека на берегах Невы

НЕСОМНЕННО, и жители, и гости Северной Пальмиры обратили внимание на симпатичных парней в курсантской форме, которые во время третьих Игр Доброй Воли обеспечивали охрану общественного порядка на центральном стадионе, улицах города. Посмотрите на снимки нашего фотокорреспондента А. Александрова на первой и второй страницах обложки журнала. Согласитесь: отличная выправка военнослужащих впечатляет. А нам вдвойне приятно сообщить, что герои фоторепортажа — курсанты Санкт-Петербургского высшего военного командного училища внутренних войск МВД России.

Но так называться наш войсковой вуз стал совсем недавно. За полувековую историю своего существования (в октябре нынешнего года училище празднует пятидесятилетие) он именовался и Центральной школой НКВД СССР по подготовке начальствующего состава для органов внутренних дел, и Ленинградской школой подготовки политсостава, и Высшим политическим училищем МВД СССР. 11 июня 1992 года постановлением правительства Российской Федерации ВПУ преобразовано в Высшее военное командное училище внутренних войск МВД России. Не одно поколение выпускников училища служит сегодня во внутренних войсках.

Мы как-то уже привыкли, что юбилей — это цветы, улыбки, награды — фанфары, одним словом. В праздники обычно забываешь о будничном. Тем не менее все, с кем довелось встретиться в училище недавно, говорили о наболевшем, о том, что сегодня тревожит и офицеров, и преподавателей, и курсантов, о перспективах. С проблем начал свой разговор с нами и начальник училища генерал-майор Олег Михайлович Латышев. Командир одной из северных дивизий, он возглавил училище в 1993 году, в самый горячий момент реформирования внутренних войск и их вузов. О первых днях службы в новой должности генерал вспоминает с болью:

— Разделение бывшего политучилища на

юридический институт и командное училище, я считаю, было не лучшим решением. Резали по живому. Достаточно сказать, что на первое сентября прошлого года у нас не было ни одной книги в библиотеке — вся литература, и учебная, и художественная, осталась у соседей. Весь 92-й и 93-й год занимались бытостроительством, формированием кафедр...

Принято считать, что офицер, уходя на новую высокую должность, старается потянуть за собой своих людей, которых знает, с которыми сработался. Возможно, это и так. Но ведь управление дивизии в училище не возьмешь. Поэтому "своя" команда у генерала Латышева сформировалась непосредственно в училище. Здесь у него быстро сложились деловые отношения как с младшими, так и со старшими офицерами, преподавателями. А о курсантах и говорить нечего. Начальник училища, как оказалось, хороший спортсмен, заядлый футболист, и о прощальном матче с выпускниками 93-го года в курсантских подразделениях до сих пор вспоминают с восторгом. Еще бы — не часто увидишь генерала, с азартом гонящего мяч.

Точно так же, как в футболе, единой командой, взялись за дело.

— На сегодняшний день мы восстановили практически все, что было потеряно училищем в процессе "развода" с юридическим институтом, — говорит Олег Михайлович. — Были определенные трудности в связи с переходом на обучение юридическим дисциплинам, но и они уже позади — четыре новые кафедры обучают курсантов конституционному, гражданскому, уголовному праву, криминалистике... На первые занятия по новым предметам преподаватели приходили к курсантам в полном смысле слова с чемоданами — в личных библиотеках подобрали все, что попадалось по заданной теме и несли в аудиторию. Сейчас на кафедрах оборудованы прекрасные классы, подобрана необходимая литература, наглядные пособия, устанавливаются технические средства...

У нынешних курсантов есть хорошая возможность подготовиться к службе в войсках: за пять лет научатся и воинским коллективом командовать, и боевую технику водить. А что касается трудностей, хочется верить, это — явление временное. Курсанты-пятикурсники, те, кого больше других затронула училищная перестройка (поступали в 1990 году учиться на замполита, через год стали готовиться на заместителя командира роты по работе с личным составом, а еще через год — на командира взвода, да еще вместо четырех лет приходится учиться пять), в этом твердо уверены. Не случайно ведь, что после четвертого курса ни один из них не написал рапорт на отчисление.

Да и что касается новобранцев — в них тоже недостатка не было. Шесть человек на место — хороший показатель престижности военного вуза.

ДА, УЧИЛИЩЕ сильно своими людьми. "С таким коллективом можно и горы свернуть", — уверен генерал Латышев. Поэтому мы с удовольствием воспользовались возможностью побывать на кафедрах, в подразделениях, поговорить с курсантами, командирами, преподавателями.

Об успехах кафедры огневой подготовки, которую возглавляет полковник Ю. Заруднев, мы были наслышаны еще до приезда в Санкт-Петербург: командующий внутренними войсками генерал-полковник А. Куликов во время своего недавнего посещения училища очень хвалил огневику за их инициативу, творческий подход к делу. В войска был направлен документ с обоб-

щением опыта работы подчиненных полковника Заруднева.

За несколько лет в учебном центре училища они создали практически с нуля стрельбище, где курсанты в полном объеме отрабатывают все предусмотренные программой обучения стрельбы. При сегодняшнем всеобщем дефиците преподаватели кафедры думать не разучились: создали макет бронетранспортера — теперь и стрельбу проводят, и горячее экономят...

На кафедре, по словам начальника, подобрался очень работоспособный коллектив профессионалов. "Ходячей энциклопедией" по материальной части оружия негласно называют в коллективе старшего преподавателя подполковника С. Гурина. Только в прошлом учебном году он внедрил три рационализаторских предложения по совершенствованию программы подготовки курсантов. Ветеранами кафедры по праву считают полковника И. Поповича, подполковника В. Витольника — признанных мастеров меткого огня.

Военная наука не оторвана от практики. Большинство преподавателей прошли через горячие точки, где в реальной боевой обстановке выполняли обязанности офицеров войсковой оперативной группы, комендатур в районе ЧП.

В связи с реформированием вуза кардинально меняется отношение к военным дисциплинам. Достаточно сказать, что сегодня будущие командиры вдвое больше времени уделяют огневой выучке. И не случайно на недавней инспекторской проверке подготовка курсантов по этому предмету была оценена высоко.

Есть все условия и для физического развития будущих офицеров оперативных и специальных моторизованных частей, подразделений спецназа. Курсанты гордятся сослуживцами — Сергеем Михайловым, чемпионом внутренних войск по рукопашному бою, Александром Быстрыко-

вым, чемпионом ВВ по самбо, удерживающим это звание уже три года...

— Без хорошей физической закалки офицеру внутренних войск нельзя, — говорит лейтенант Александр Семко, недавний выпускник училища, мастер спорта по каратэ и рукопашному бою. — В нашей службе в любой момент можно столкнуться лицом к лицу с преступником, и мы

просто обязаны взять верх в такой переделке.

А подобных ситуаций действительно бывает немало. Вот лишь несколько фактов последних месяцев.

Старший лейтенант М.Струков, командир роты, в ходе проверки войсковой стажировки курсантов при несении ими патрульной службы в метро задержал на месте преступления двух воров и доставил их в отделение милиции. Кстати, старшему лейтенанту Струкову "везет" на всякие неожиданности: в ноябре прошлого года в подъезде своего дома скрутил вооруженного преступника, за что был поощрен начальником училища.

Старший сержант Р.Портной задержал двух неизвестных при совершении преступления. Оказалось, что данные субъекты — отпетые рецидивисты, находящиеся в федеральном розыске.

Курсант О.Крутихин, будучи в составе патрульного наряда тоже обезвредил двух правонарушителей, в сумке которых при обыске был обнаружен миниарсенал: 3 килограмма тротила, взрыватель гранаты, часовой механизм. Видимо, "на дело" шли.

Важная веха в истории училища — Игры Доброй Воли, во время которых курсанты обеспечивали общественный порядок в городе. За две недели они задержали 1428 нарушителей общественного порядка (27 из них подозреваются в совершении преступлений), изъяли 1 пистолет, наркотики, боеприпасы.

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА — войска правопорядка. Прежде этот лозунг только декларировался. Теперь за высокими словами стоят конкретные дела. В будущем году впервые из стен

училища выйдут лейтенанты, прошедшие полный курс юриспруденции.

Многие спрашивают, насколько оправдано введение юридических дисциплин в командном училище. Старейший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики доцент Виктор Степанович Кувшинов по этому поводу говорит так:

— Загляните в нашу историю. В царской армии с офицерами еженедельно по 2-4 часа велась военно-правовая работа. Уже тогда делались попытки вооружить офицеров юридическими знаниями. Военнослужащим внутренних войск сам Бог велел соизмерять каждый свой шаг с законом, так как они всегда выполняли и выполняют двуединую функцию — военную и правоохранительную. Офицер должен знать о правовых последствиях принятых решений при выполнении задач службы.

А что же курсанты? Как они отнеслись к тому, что им стали преподавать юридические дисциплины?

— Мы недавно были на стажировке, — рассказывали нам пятикурсники Игорь Гончаров, Александр Коломиец, Сергей Додонов, Алексей Демин, — так офицеры, наши же выпускники прошлых лет, нередко обращались к нам с вопросами, где найти тот или иной закон, как юридически правильно оформить документ.

— Солидно помогли навыки, приобретенные на практических занятиях, при несении патрульно-постовой службы. Зная законы, с честью выйдешь из любой ситуации, не поставишь под удар себя, и подчиненных.

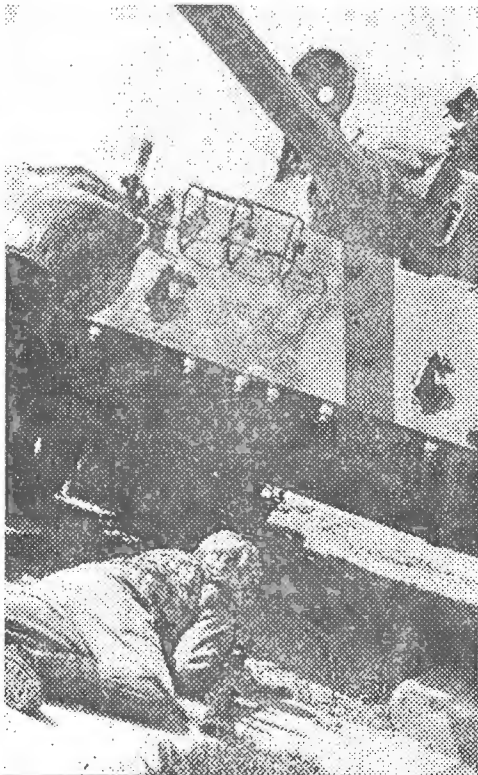
В учебной лаборатории курсанты отработывали практический вопрос — осмотр места происшествия. Чувствовалось, что к занятиям группа подготовилась добросовестно. На каверзные, запутанные вопросы преподавателя кандидата юридических наук доцента Аркадия Алексеевича Огородникова слушатели отвечали быстро. Труднее было на практике — за несколько часов предстояло провести все необходимые следственные мероприятия. Воспользоваться шпателькой или списать у соседа не получится — у каждого свое задание. Да и вообще шпательки здесь не в почете. На экзамене, допустим, вырчит, а в жизни?...

А что касается практического применения знаний, то опыт у пятикурсников тоже есть. Недавно один из курсантов при возвращении из увольнения заметил женщину, которую сбита автомашина. Он сразу организовал охрану места происшествия, не допустил, чтобы зеваки затоптали следы и вызвал милицию, которая по достоинству оценила грамотные действия своего коллеги по Министерству внутренних дел.

Естественно, кроме военных и юридических дисциплин, курсанты Санкт-Петербургского высшего военного командного училища внутренних войск МВД России получают хорошие знания и по другим предметам. Преподаватели

четырнадцати кафедр передают свои знания и опыт будущим офицерам. Мы же рассказали лишь о нескольких. Да не обидятся на нас те, рассказ о ком не уместился на ограниченной журнальной площадке.

ЗА ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ существования в училище сложилось немало добрых традиций. Хранителем истории называют начальника фи-

лиала Центрального музея ВВ МВД России в училище Геннадия Васильевича Белорусова, который познакомил нас с экспозицией. В ней размещены редкие документы, фотографии, боевые награды, личные вещи ветеранов училища и внутренних войск. Посещение музея здесь не праздное времяпрепровождение. Курсанты изучают свою историю, готовятся к занятиям, пишут научные работы, пользуясь материалами музейных фондов.

Один из залов училищного музея — мемориальный. Здесь хранится горькая память о ребятах, погибших при выполнении боевых задач в горячих точках бывшего Союза. Траурные страницы в летописи училища — безвозвратные потери. Боевых друзей не вернуть. Рассказы об их коротких жизнях, ярких подвигах передаются из уст в уста.

Курсант Владимир Акопов и старший лейтенант Виктор Новиков были подло убиты из засады, устроенной боевиками в районе абхазского

села Члоу 21 июня 1989 года. Оба посмертно удостоены ордена Красной Звезды. Это были первые жертвы междоусобных войн времен перестройки, первые жертвы боевых стажировок будущих офицеров.

В мае 1990 года на железнодорожном вокзале Еревана случилась кровавая драма, заставившая содрогнуться даже выдавших виды военнослужащих и сотрудников милиции. Караул внутренних войск, охранявший поезда в районе ЧП, подвергся нападению боевиков. Наши воины не сдали оружия, дали мощный отпор бандитам. Одна из пуль оказалась смертельной для лейтенанта Павла Терещенко. Молодой замполит роты, выпускник Ленинградского ВПУ 1988 года посмертно был награжден орденом Красного Знамени...

Еще один светлый добрый человек смотрит на

хочу, но они достают, проклятые. Достают и хватают своими грязными руками. А жизнь одна. А жизнь одна..."

Что это было — видение, сон, предчувствие, душевная смута? Теперь никто не скажет наверняка.

Уже курсантом Бабак побывал в нескольких горячих командировках. Исторический формуляр повествует лаконично: "15 июня 1988 года по приказу начальника внутренних войск МВД СССР войсковой оперативный резерв училища в количестве 700 человек убыл в г.Ереван под командованием генерал-майора Пряникова Ю.П. (тогдашний начальник училища. — Авт.). 11 июля 1988 г. войсковой оперативный резерв передислоцирован в пгт Масис для выполнения следующих задач..."

Далее следуют экзотические названия Айн-

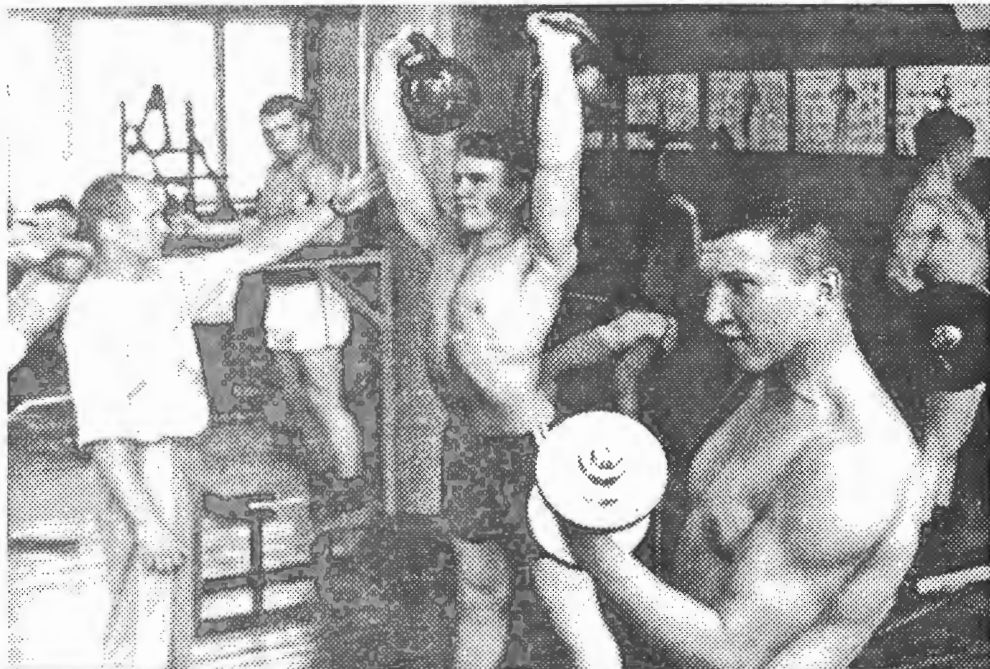

нас с портрета — лейтенант Олег Бабак, окончивший училище в 1989 году и 7 апреля 1991 года погибший в Кубатлинском районе Азербайджана при нападении армянских боевиков. Погиб он в светлое Воскресение Христово, в день православной Пасхи.

Под стеклом музейной витрины среди почетных грамот, полученных Олегом еще в школе, в полтавском селе Виктория, копия письма, которое и по содержанию тревожному, и по почерку неровному, и из-за незаконченности своей очень похоже на последнее, предсмертное письмо: "Дорогие мои мама и папа, родные мои, не волнуйтесь... Как я хочу увидеть вас, крепко-крепко обнять и поцеловать. Забыться, как в детстве, под твою руку, папка, спрятавшись от всех этих невзгод, от этих мерзких неприятностей. Забыться под теплое ватное одеяло, постеленное твоей нежной рукой, мама. Спрятаться от них

тап, Нор-Харберд, Мармарашен, Ранчпар... Для питерских курсантов они вскоре стали привычными, как Петергоф, Лиговка, Лемболово. Были в Армении и другие поселки, с азербайджанскими названиями — Зангиляр, Рахимабад, Низами и даже Делстуг, что в переводе означает "Дружба". Поселок был, а дружбы не стало. Тогдашний комбат полковник Анатолий Федорович Тарасов и сегодня без горечи не может вспомнить, как приходилось живым заслоном стоять между армянами и азербайджанцами.

Олег Бабак особо не выделялся среди товарищей. Но лучшие его друзья-то знали, что у парня тонкая душа, доброе сердце, готовое распахнуться навстречу людям. Сохранились письма Олега близким людям, по незамысловатым на первый взгляд строчкам можно воссоздать и палитру мироощущений, и становление незаурядной личности. Вчитайтесь.

... Я стал уже определенным специалистом по решению национального вопроса. Ах, мой любимый Ереван! За трое суток спал часов восемь. Сегодня первый раз, когда мы отдыхаем по-человечески. Ночью несем службу, а днем отдых, который обычно заканчивается, едва успев начаться. Мотаемся как проклятые.

Вчера охраняли железнодорожный мост и тропинку между двумя поселениями, армянским и азербайджанским, — заслоном в 10 человек. Одна смена стояла на постах, другая спала. Возле костра я возился со станцией — был радистом. Знаешь, странное чувство: все стихло, только ветки потрескивают, ребята спят прямо на земле, завернувшись в плащ-палатку. Кто-то кашляет от дыма и ругается, и опять тихо. Пройдет поезд, в каком-нибудь окне стоит военный, ветер через открытое окно треплет галстук. Покажет он: "Мужики, ни пуха..." — и растает.

А еще я впервые узнал, как может выть ветер, вырывая автомат из рук. Наш костер рассыпался на мелкие звездочки. Остальные залил дождь. Все, спасаясь от ветра, легли на землю. Промокли в две минуты. Только радист пытался что-то крикнуть в эфир.

В пять утра нас сменили. Все брели молча, изредка поднимая глаза на луч пограничного прожектора и на огоньки американской базы на Большом Арарате в Турции.

Вот так и живем. Объявили приказ о переносе отпуска на сентябрь. Мне-то ладно, а у некоторых в августе свадьба — они рвут и мечут. Но нам обещал наш генерал, что если вернемся хоть числа в двадцатых, то попробует нам пробить отпуск на август... Честно признаться, устал я, и не один я.

У меня дикое желание принять душ, по-человечески побриться и надеть чистую одежду — мое х/б можно использовать в качестве радиоак-

тивного элемента. Я даже не знаю, чего я хочу... На недельку домой. Как-то перелепила меня армия, переделала. Сегодня утром глянул в зеркало по пути в свою "казарму" и не узнал себя. На полном серьезе, даже не понял, в чем дело. Чуть не запел, упав замполиту на плечо: "Мама, забери меня домой"...

Только близкому человеку мог признаться курсант Бабак, как трудно было там, в воюющем Закавказье. Скоро он сам станет первым советчиком и опорой солдатам. Они запомнят его всегда бодрым, улыбчивым, сильным. Таким он был — Герой Советского Союза лейтенант Олег Яковлевич Бабак, единственный военный миротворец, удостоенный высшей награды Родины. Наш Олег — последний Герой Союза...

ОСЕНЬ. Золотые листья кленов у парадного подъезда. Краповые погоны в золотом обрамлении. Последняя осень для пятикурсников, первая для новобранцев, принявших недавно военную присягу. Когда они закончат училище и начнут службу в войсках, мы, хочется верить, будем отмечать очередной юбилей Санкт-Петербургского ВВКУ. Надеемся, что ветры перемен не сведут на нет усилия большого и дружного коллектива, училище по-прежнему будет готовить офицеров для внутренних войск, и конкурс здесь будет всегда высоким.

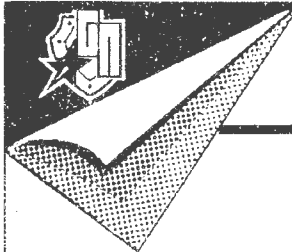
Поздравляем вас с полувековым юбилеем, боевые друзья! Уверенной вам поступи!

Полковник Б.КАРПОВ.

Старший лейтенант С.КОЛЕСНИКОВ.

Фото А.АЛЕКСАНДРОВА.

*ВВКУ внутренних войск МВД России,
г. Санкт-Петербург.*

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

Есть вопросы

"ПОЩРИТЕ, ХРИСТА РАДИ!", или Уставы на перспективу

"Какие ощутимые перемены в дисциплинарной практике произошли, на ваш взгляд, в последние годы?" — с этого вопроса началась беседа нашего корреспондента подполковника А.УЩАРА с заместителем командира по работе с личным составом специальной моторизованной воинской части подполковником Ю.ПУЧКОВЫМ.

— Что ж, жизнь в очередной раз подтвердила правоту древнего как мир присловья — лучше поздно, чем никогда. Ждали мы ждали новых общевоинских уставов...

— И, как я понимаю, дождались.

— Вот именно. Прочитали, изучили и откровенно порадовались тому, насколько обогатился арсенал дисциплинарных мер воздействия командира, и прежде всего в ротном звене, на подчиненных.

— Но он и раньше не был безоружен!?

— Раньше и теперь, как говорят в Одессе, — это две большие разницы. Ни для кого не секрет, что с годами поддерживать уставной порядок в подразделениях становится, к сожалению, все труднее и труднее: причин немало и они общеизвестны, нет смысла перечислять. Итак, диапазон прав командира расширился — очевидный плюс. Казалось бы, смело выбирай, дорогой товарищ, подходящие к конкретному случаю и пользуйся. Ан нет, робеет. С непривычки, что ли? Может, скажем, ротный за успехи в службе добавить двое суток солдату и сержанту к основному отпуску. Но он по-прежнему предпочитает, чтобы это сделал командир части. Инерция мышления? Боязнь ответственности? Трудно сказать. Другой пример: ротный ныне вправе сам написать благодарственное письмо родителям бойца. Пожалуйста, вот отличный солдат, вот бумага и конверт с его домашним адресом — приступай. Не

торопится. А коли и берется за перо, то не от хорошей жизни, а от плохой дисциплины подчиненного — нужда составляет. Необъяснимо и досадно. Вам, допустим, приятно было бы получить из армии лестный отзыв о службе сына?

— Несомненно. Я согласен даже на анонимку. Но, уверен, очень многим было бы куда приятнее, если бы под этим письмом стояла подпись «большого начальника», с солидным воинским званием. И почетнее, и весомее плюс чисто психологический аспект. Ведь о вас доброе слово может сказать и комбриг, и командующий. Чья похвала ценнее?

— А мне кажется, что мы сами вольно или невольно занизили значимость командирского спасиби в низовом звене, особенно в сержантском. Об этом же свидетельствует подробный ежемесячный анализ дисциплинарной практики. Сержанты при нашем молчаливом попустительстве упорно игнорируют свои права, охотно отдавая все на откуп и милость офицерам. Конечно, мы не сидим сложа руки, довольствуясь статистикой, а пытаемся вносить коррективы в сложившуюся ситуацию. Более того, дополняем средства дисциплинарного воздействия, на мой взгляд, эффективными моральными инъекциями. В частности, готовим заметки о лучших воинах и фотоснимки для окружной газеты, лишаем отличные характеристики увольняющимся в запас, помогая им тем самым поступить в вуз или устроиться на работу, что по нынешним временам серьезное подспорье.

— Значит, изыскиваете вспомогательные рычаги, а стало быть, подспудно сознаете, что перечисленных в уставе поощрений явно недостаточно? А из тех, что имеются, многие ли «работают»? Например, благодарность — нужна ли она офицеру, действительна?

— Судя по реакции на нее — вряд ли. Отношение спокойное, ровное, если не сказать ироничное.

— Увы... Грамота?

— Да где ж их взять? С прежней, коммунистической символикой — и то днем с огнем не найдешь, а о свежих, постперестроечных и говорить не приходится.

— Может, «верхи», их потому и не печатают массовыми тиражами, что сами не почитают за стимулы?

— Как знать! Хотя, конечно, теперь и в офицерской среде в гораздо большей чести деньги и ценные подарки — непосредственное влияние рыночной стихии на умы и сердца. Но ни того ни другого у нас, сами понимаете, нет. Бедствуем: мы всем должны, а нам никто.

— Что же делать? Из всего перечня остается занесение в Книгу почета части и...

— Вынужден остановить вас. Первое, что я сделал, когда приступил к обязанностям заместителя командира, — попытался ее отыскать. Тщетно. Никаких следов, и мало кто помнит, как она выглядит, была ли вообще. Потому-то сразу обратился с просьбой в округ — непорядок, мол, выучайте. Потом еще раз. И еще... Короче, прошло около трех лет, а воз и ныне там.

— Честное слово, даже не верится. Возможно, вы были недостаточно настойчивы? Или полагаете, что занесение в Книгу почета — тоже малоэффективное средство поощрения?

— Разве что не скандалила открыто — так ведь не по чину. Что же касается второго, пожалуй, вы правы.

— Ну я-то как раз так не считаю. Оставить свой добрый след в галерее лучших людей части — не так уж просто и весьма престижно. Однако не буду спорить. Так что у нас там осталось в уставной палитре мер поощрения офицеров? Досрочное присвоение очередного воинского звания и присвоение звания на ступень выше занимаемой должности...

— Думаю, это реально только в исключительных обстоятельствах, допустим, после действий в районе чрезвычайного положения. Иными словами, счастья не будет, если несчастье не поможет.

— И последнее — награждение именным оружием.

— Никогда не слышал о подобном и, наверно, не скоро услышу.

— Все, родник иссяк. В итоге — одни нули.

— Не совсем так. Мы-то не бьем баклуши — неустанно крепим контакты с руководителями областного и городского управлений внутренних дел, которые при подведении итогов за квартал и по особым датам включают военнослужащих в свои приказы и награждают деньгами и ценными подарками. Отдельно отмечаются солдаты и

сержанты, задержавшие правонарушителей на патрульных маршрутах.

— Щедро?

— Десять тысяч за одного.

— Уличное хулиганство не в счет?

— К сожалению.

— Выходит, оплата сдельная, но только за матерых преступников. Уж и не знаю, хочется мне задержать отпетого уголовника, рискуя жизнью, или Бог с ней, с этой десяткой, лучше бесплатно, по долгу службы, мелкую рыбешку, распивающую спиртные напитки в подворотнях, погонять. Да и где гарантия, что в случае успеха непременно возьму "приз"? Полагаться на своих начальников как-то надежнее, чем рассчитывать на милость чужого дяди. Тем паче просить Христа ради.

— Понимаю и разделяю вашу иронию. Думаєте, нам приятно находиться в столь щекотливом, незавидном положении? На душе кошки скребут. И ничего не поделаешь. Конечно, проще действительно объявить солдату или офицеру благодарность. Без всяких хлопот. Но лучше уж я похожу по кабинетам УВД. Хотя не так совестно подчиненным в глаза смотреть. Естественно, не корысти ради службу несем, но и без стимулов нельзя. Кроме того, мы постоянно чистосердечно объясняем людям — дескать, нет денег, парни, крепитесь. По два месяца зарплату не получаем, о каких тут дополнительных суммах мечтать. И, как на грех, старая добрая "командирская статья", выделявшая звонкие червонцы для поощрения, приказала долго жить.

— Юрий Вячеславович, а неровен час попадется непонятливый, который поинтересуется, почему же не подсобят средствами "верхи", коли уставом положено отличать ими военнослужащих за заслуги ратные? Или, спросит, не все уставные положения в равной степени важны? Что касается обязанностей — выполнять от и до и неукоснительно, а что касается прав — позднее, как разбогатеем, так?

— Иной вопрос проще задать, чем на него ответить. Безусловно, трудно мириться с тем, что, находясь на государственной службе, решая государственные задачи, следуя во всем государственным нормативным актам, мы не можем стимулировать людей по-государственному достойно. Понимаем: и командование округа, и ГУКВ рады

бы помочь, да нечем. Не исключено — хочется верить во всяком случае — что некоторые неработающие сегодня права начальников по отношению к подчиненным заложены в уставы на перспективу, ведь не век же мы будем в безденежье стоять с протянутой рукой, и когда-нибудь зафиксированная документально власть командира станет реальной.

— Что ж вы говорите, Юрий Вячеславович: устав — действующий, настоящий — и вдруг рассчитанный на перспективу! Нонсенс! Хотя, с другой стороны, это и впрямь единственное разумное объяснение скудности и малоэффективности имеющихся в настоящий момент мер поощрения.

— Согласен, звучит абсурдно, но не более, чем полная материальная небеспеченность отдельных обязательных к выполнению уставных заповедей, делающая последние чисто декларативными, абстрактными.

— Если логически развить вашу мысль, можно прийти и вовсе к крайнему выводу. Гипотетически допустим: я открываю устав и случайно натякаюсь взглядом на подобную, как вы говорите, декларацию, ко мне не относящуюся до лучших времен. А почему тогда я должен считать, что все остальное меня касается? Впрочем, это не вопрос, а крик души, на ответ не надеюсь. Юрий Вячеславович, но ведь дисциплинарная практика — это не только поощрения.

— Ну наконец-то, прямо камень с плеч. Со вздыханиями гораздо проще, ибо они не нуждаются в солидной материальной базе, эффективны и относительно легко реализуемы.

— Значит, вы широко пользуетесь всем из предоставленного уставом ассортимента? Хорошо, начнем с выговора.

— К солдатам и сержантам почти не применяем — как мертвому припарки. А вот лишение увольнения, отработка нарядов и отсидка на гауптвахте — меры довольно серьезные и ощутимые. Особенно последнее: если это взыскание не искупается добросовестной службой — отпуск солдата автоматически сокращается на то количество суток, которое он своей нерадивостью заработал. Жестко, но действительно. В том числе и с моральной точки зрения. Общаясь на губе с коллегами по несчастью, боец с немалым удивлением узнает, сколь тяжело приходится воен-

нослужащим в некоторых других частях — я имею в виду неуставщину и прочие напасти. Простейшее сравнение со службой у нас дает самые благоприятные результаты. Он понимает, что ему крупно повезло и, как правило, пересматривает отношение к воинским обязанностям. Еще и товарищей просвещает и наставляет на путь истинный.

— Отчасти отрядный, отчасти печальный факт: меры взыскания у нас есть, и в основном действительно воспитательного характера, а вот поощрить служивого материально, повторяю, нечем. Кстати, в последнее время все чаще и чаще приходится слышать суждения офицеров о необходимости и целесообразности внедрить рыночные отношения в армейскую среду. Дескать, провинился — плати, отличился — получи и распишись.

— Полагаю, это было бы справедливо, ибо сегодня складывается такое положение, что военнослужащие существуют в двух мирах одновременно: на территории части — по социалистическим принципам абсолютной уравниловки, за воротами КПП — по суровым законам упрямо торящего себе дорогу рынка. А человек не телевизор, легким движением руки на другой канал не переключишь. Отсюда и явная порой несуразица. Один вкалывает без выходных за себя и за того парня (мало ли вакансий?), другой потихонечку тянет служебный возок, а то и вовсе не тянет — получают же одинаково. Правда, первый шаг в этом направлении уже сделан — командиру дано право (и он им пользуется) определять подчиненным оклад по минимуму и по максимуму. Пусть не очень большая, но все же разница. Плюс возможность (также практикуемая) в конце года лишать нерадивого, провинившегося единовременного денежного вознаграждения или его части.

— Не жестоко ли это по отношению к семье офицера или прапорщика?

— Так ведь жестокость проявляет не командир, а сам военнослужащий. Знает же, что его ждет, а все равно плывет против течения.

Необходимо идти дальше. Как сказал один киногерой: нужно не шекотать деньгами, а глушить. Идеал: работаешь за двоих — за двоих и получи, трудишься вполсилы — вот тебе половина жалованья, будь доволен. И уж естественно — притча во языцах — за отправные точки окладов по должности

и воинскому званию следует взять не такие символические суммы, которыми мы нынче довольствуемся. Тут неподалеку — макаронная фабрика. Неквалифицированный рабочий, узнающий о горячих точках из теленовостей, получает в полтора раза больше, чем я, имеющий два высших образования, личный состав и постоянную головную боль о его нуждах, воспитании и выживании в спецкомандировках. Да что там макаронная фабрика — в рамках одного нашего министерства в различных ведомствах — разные зарплаты.

— Вы правы, Юрий Вячеславович, разговоры об этом уже набили оскомину, тем паче что дальше них дело не идет. Вернемся к дисциплинарной практике. Мы с вами дружно посетовали на сложность в применении мер поощрения и обсудили их объективные причины. Но в войсках бытует и еще одна точка зрения на сей счет: стоит ли вообще награждать за добросовестное выполнение воинского долга, если военнослужащий призван к этому Конституцией и присягой?

— ...И служит не за страх, а за совесть, так? Не разделяю подобного мнения. Поощрять людей надо — не дозированно, не нормированно, а по заслугам: за служебную активность, разумную инициативу, солдатскую смекалку, наконец, да мало ли за что! Позитивную роль командирского спасибо — в той или иной форме, лучше в материальной — трудно пересчитать. Мы все служим Отечеству, однако, увы, по-разному. Как же обойтись без стимулирования? Поощрение должно окрылять человека, нацеливать его на новые ориентиры, вести вперед. Уточню: любого человека — и солдата, и офицера. О последнем у нас частенько забывают. Не случайно же столь популярна расхожая фраза: для офицера отсутствие наказания — уже поощрение. И после этого мы требуем от него свято соблюдать все постулаты дисциплинарной практики! Где же логика и здравый смысл? От невнимания к себе люди черствеют душой, становятся безразличными к добрым поступкам подчиненных.

— Спасибо за откровенность, Юрий Вячеславович. Наш разговор — лишь очередная капля в море дебатов и пересудов на эту тему. Но ведь и капля камень точит...

*Московский округ
внутренних войск МВД России.*

Есть такая профессия

Человек считает себя хозяином своей собаки, но собака считает своего хозяина богом.

Джек Лондон

НЕ СОРВАТЬ СО СЛЕДА

—РОТА, СБОР! Побег!

Боевой сигнал оборвал предрассветный крепкий сон бойцов. Через несколько минут рядовой Вячеслав Славин, увлекаемый служебно-розыскной собакой, уже бежал вдоль маскировочного ограждения, опоясывающего исправительно-трудовую колонию, к месту пересечения "беглецом", запретной зоны. Вскоре Дойс, обнаружив след, до предела натянул поводок и, выбрав направление на опушку леса, потащил за собой хозяина. О том, что собака не ошиблась, красноречиво свидетельствовали путаные следовые цепочки на росяной траве. "Плохо, что приходится идти по видимому следу", — подумал Славин, сбивая тяжелыми сапогами росу. Но, словно услышав его сетования, "злоумышленники", через пару километров сделали небольшой крюк и вышли на огромную полосу, где деревья под корень были уничтожены лесным пожаром. Темп движения замедлился. Овчарка замотала головой, зафыркала, но след не потеряла. И когда он вывел ее снова на песчаную насыпь, как бы наверстывая упущенное время, пошла с такой скоростью, что солдатам из группы преследования пришлось изрядно попотеть, дабы не отстать. Даже потеряли ненадолго Дойса из виду. А настигнув, увидели, что тот, немного покрутившись на месте, резко свернул с дороги в лес. Но не далее чем через тридцать-сорок метров след оборвался. Тут уж и Славин был не в состоянии помочь другу — никаких видимых признаков. Решил хотя бы не мешать, не дергать напрасну за поводок и не пытаться навязать собаке свою волю. Но Дойс сам успешно справился с задачей и уверенно повел группу преследования

дальше по опушке. И так повторялось не раз. Видимо, "беглецы", или путали следы, или просто искали укромное местечко, где можно было спрятаться. В кругу стройных берез показался заброшенный сарай. Дойс напрягся, учуяв близкое и удачное завершение погони, с лаем бросился в покосившееся строение, и следовики, укрывшиеся там, вмиг очутились на полуразрушенном чердаке. Офицер из вышестоящего штаба, присутствующий на учениях в качестве посредника, удивился, не ожидая от собаки такой прыти, и, недовольный, потребовал от солдата: "Уходите отсюда, по вводной вы должны были след потерять". Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Такая увлекательная история и вдруг грубо сбывается на самом интересном месте. "Извините, забыл собаку предупредить", — чуть было не сорвался Славин. Но сдержался, потрепал холку разгоряченной овчарки и, как мог, одобрил ее действия: "Хорошо, Дойс! Молодец!"

А поведал мне об этом Вячеслав уже позднее. Он даже не возмущался, просто недоумевал. Планировать, что собака потеряет след, можно лишь заведомо зная, что она неважно сработает. Неужто ему первому в части пришло подобное в голову? Ведь тот, кто положил немало сил для обучения своего питомца, никогда не сорвет его со следа. В противном случае — все приобретенные навыки насмарку.

Кстати, познакомились мы, когда они с прапорщиком Петром Ефремовым прибыли к командиру части с рапортом и объемным полиэтиленовым пакетом, набитым дурманящей травкой. "Гостинец", Славин обнаружил с помощью Дойса в грузовике на КПП колонии. "И это не единичный случай,

— с удовлетворением отметил командир. — На его счету десятки изъятой водки и наркотиков при попытке переправить их в зону,».

Отличные результаты, не правда ли? Только вот нестыковка: они никак не вяжутся с выводами комплексной группы, работавшей в округе: «Эффективность применения собак низка, из всех случаев побегов ни один бежавший не задержан по следу,».

Я прекрасно понимаю, что рядовой Славин вместе со своими питомцами (а у него аж три собаки), равно как и одна ласточка, еще весну не делают. И тем не менее: пусть даже в одной роте поставлен заслон на пути запрещенных к хранению осужденными предметов, которые в последнее время нескончаемым потоком хлынули в места не столь отдаленные, — уже результат. Что в таком случае препятствует другим подразделениям столь эффективно использовать идеальные возможности специально натренированных животных: их недостаточное количество, отсутствие подготовленных кадров или низкая обученность тех и других? Резюме все той же комплексной группы неутешительное: собаками подразделения укомплектованы лишь наполовину, не хватает и четверти специалистов.

Оказывается, велик процент «уклонов», от службы и в среде четвероногих друзей человека.

А если без шуток? Сложности с призывниками в военкоматах еще как-то можно объяснить катаклизмами общественного развития. Но что мешает восполнить дефицит личного состава за счет применения служебных собак: отдавай им пайки непризванных солдат и смело выставляй на посты. Не подведут, за троих-пятерых сработают. Да и не только о караульной службе речь. В горячих точках они — незаменимые розыскники мин. «Одна собака стоит взвода саперов,» — говорят специалисты-инженеры. И по скорости работы, и по эффективности. Миноискатель, к примеру, не реагирует на различные пластиковые мины, зато дает ложный сигнал при обнаружении любой ржавой железки.

В одной из рот специального назначения солдаты вырастили овчарку и взяли с собой в спецкомандировку. Без какого-либо академического замысла на боевое применение. Мол, друг человека, случится, выручит из беды. И выручала не раз. Людей, блокирующих автобусы или здания, словно ветром сдувало при ее появлении. Не исключено, что инициатива спецназовцев и навела на мысль о введении собак в штат оперативных частей. Если для них — это день завтрашний, то для конвойников — вчерашний. Но, к сожалению,

и у тех, и у других — проблемы нынешние.

Почему же хронически не хватает собак в войсках? Начальник кинологической службы полковник Вячеслав Севодняев поясняет: «Что касается пополнения, то из всех существующих племенных питомников реально действует лишь половина. И они покрывают потребности войск едва ли на десять процентов,».

Интересная арифметика. Изворотливые дельцы от бизнеса в тесных городских квартирах содержат породистых производителей и на продаже щенков солидно «наваривают,». А наша войсковая служба, имея племенные питомники, прямо-таки бедствует. Вынуждена тратить бешеные деньги, закупая не самое лучшее поголовье. Так то ж, скажете, изворотливые. Похоже, и нас жизнь заставила зашевелиться, ведь под лежащий камень вода не течет. Мне показали еще «тепленький», устав клуба ветеранов-кинологов внутренних войск. Пока, конечно, планы, но заманчивые и многообещающие. Что ж, как говорится, Бог в помощь! Может, хоть тогда у наших специалистов закончится собачья жизнь.

А сегодня «верхи», просто не в состоянии как-то повлиять на более эффективную работу «низов,». Ибо единственное, что они способны сделать, это организовать обучение специалистов, подготовку собак и их служебно-боевое применение. Тоже, согласитесь, немало. Но реальные рычаги повышения поголовья — у тыловинов: ветеринария, вещевая и продовольственная службы, с которыми кинологи, по-видимому, не могут найти общий язык. Оно и понятно, у тех аргументы достаточно веские: солдат одевать-кормить порой не на что, а вы тут с овчарками и ротвейлерами носитесь.

Посетив один из действующих (можно писать в кавычках) племенных питомников при учебном батальоне, я воочию убедился, что у семи нянек дитя действительно без глаза.

Наверное, правы те офицеры, которые говорят, что для серьезной научной селекции у нас не хватает самой малости — специалистов-биологов. Ибо первый их выпуск в Пермском училище еще не состоялся. Впрочем, заниматься чисто воспроизводством, увеличивать количество животных, в принципе, можно, было бы чем кормить молодняк.

Мой новый знакомый рядовой Вячеслав Славин тоже «академиев,» не кончал. Но задолго до призыва на службу ратную занимался разведением собак и содержал на личные средства немалый питомник. И, смею вас заверить, успешно справлялся. Наверное, многие читатели сейчас заохают: ну любит человек животных, фанат. Ведь для успешной работы действительно нужно призвание.

А вот командир учебного батальона подполковник Владимир Бодров стал дрессировщиком по случаю: призвали на срочную и вручили здорового пса, с которым изрядно пришлось помучиться молодому солдату. Но заразился, так и не смог бросить. Прошел путь от вожатого служебной собаки до комбата. Может часами рассказывать о своих питомцах и их забавных приключениях. Однако тускнеет взгляд у подполковника, когда он смотрит на серые, недостроенные здания. И невольно возникает вопрос: на сколько у него еще хватит фанатизма и энергии, чтобы от бессилия не махнуть на все рукой? И сделано-то немало. Но куда больше упущенных возможностей из-за безденежья.

ПОКА МЫ под дружный неистовый лай обитателей собачьей колонии подходили к племенному питомнику, Владимир Александрович успел представить свое хозяйство. Территория — командиры многих частей в больших городах позавидуют. Длинные ряды пустующих каменно-бетонных вольеров. «И кому же, интересно, взбрело в голову возводить подобные памятники социалистического монументализма? — недоумевает комбат. — Этих бы архитекторов да хоть на один зимний денек запереть сюда. Тогда бы уж точно они взяли верный след на древнее, исконно собачье жилище — конуру. Вот сейчас переселяем наших питомцев в небольшие, уютные деревянные будки».

Недалеке, слозно на отшибе (то ли полуразрушенное, то ли полувозведенное), — кирпичное здание, без дверей, крыши и с пустыми глазницами окон: будущий пищеблок. Рядом — деревянные временки с брезентовыми тентами, продуваемые всеми ветрами. «Можете себе представить, как при тридцатиградусном морозе в таких условиях готовить корм? — спрашивает подполковник Бодров. — Да и воду солдатам приходится таскать на себе. Хоть и работаем не покладая рук, но я сомневаюсь, что эти аномалии воспитывают у будущих младших специалистов-кинологов любовь к собакам. Особенно у тех, кто не по желанию, а волею судьбы оказался в учебке и служит по принципу: „Масло съел — день прошел”.

Чуть в сторонке — двойник пищеблока — здание родильного отделения. Чудно, поистине собачьи условия пытаемся скрасить человеческим названием. Хорошо хоть здесь просторные и теплые деревянные вольеры пока выручают. Правда, рожать-то особенно некому. Племенное поголовье небольшое. Да многие уже и вышли из того возраста, когда способны дать пусть не полноценное, а потомство вообще. Ничего не попишешь — пенсионеры. Бродят понуру по вольеру, гавкнув на чужака для порядка, и в сторону. Только одна

с лаем до хрипоты бросается из угла в угол, ощеривая молодые белые клыки. Неделю назад Жанель стала матерью, потому-то столь отчаянно и защищает малышей. «Уже пора на довольствие ставить, да вот никак не сосчитаем, сколько их там, — сокрушается комбат. — Никого не подпускает». Напротив в вольере — Карай, отец семейства. Увидев непрошенных гостей, оскалил и зарычал.

Шенков с месячного возраста можно отлучать от матери и начинать кормить. За ними, как за малыши детьми, догляд нужен. И молочком поить, и яйцами с творожком баловать — если, конечно, хотим получить здоровую, работоспособную собаку. А где взять все это — хоть из дому тащи. По норме ничего не выдают — нет на складах сих диетических продуктов. И на закупку средств не выделяют. Куда ни кинь — всюду клин. В одно время коров и кур держали. Не только на щенячий стол продуктов хватало, солдаты молоко пили и ели яйца. Но с чьей-то легкой руки не стало в батальоне подсобного хозяйства. Вот почему по огромным прогулочным площадкам для молодняка словно пушистые шары катаются два (!) плотных карапуза, детеныши немецкой овчарки. Ничего не скажешь, весомый резерв собачьей гвардии для подразделений. И ухаживают за ними аж десять человек — небывалая роскошь в наше время.

А все-таки, как на местах выходят из положения, не имея надежды получить пополнение? Оказывается, все зависит от начальника колонии. Если его беспокоит охрана объекта — раскошеляется и закупает собак, если между ним и ротным кошка пробежала — значит, последнему придется довольствоваться тем, что имеет.

По той же причине и обрывается технологическая цепочка, о которой говорил мне полковник Севодняев: «Каждый солдат учится сам и одновременно готовит себе собаку, с которой потом и будет служить. Увольняется — его питомца возвращают в учебку и доверяют новому хозяину».

Прапорщик Ефремов возражает против подобной практики. «Служебную собаку нашей роты отправят в учебку только через мой труп, — категорично заявляет он. — Чтобы там молодые бойцы ее испортили? Здесь она худобно работает. Да ни в жисть не отдам». «Худо-бедно», конечно, не достижение. Хотя и в принцип замены изначально закладывается низкий результат. Немецкая овчарка сравнительно легко обучается, исключительно способна к разнообразной дрессировке. Но для этого у нее должен быть только один хозяин. Идеальный вариант — когда призвыник приходит со своей собакой.

К тому же если учесть, что в батальоне «возвращенцы» используются как

"ремонтные," животные, а попросту говоря, тренажеры. на которых ежегодно два призыва (каждый солдат на собственный лад) оттачивают мастерство, то, наверно, прапорщик прав.

О работоспособности собак у рядового Славина свое мнение. Он считает, что в роте многих уже необходимо менять по возрасту. На таком вредном участке, как досмотр транспорта, они могут продуктивно работать от силы пять лет. Выхлопные газы, пары бензина, ароматы различных масел — не лучшие запахи для них.

И еще один штришок: спецы просто вынуждены закрывать глаза на широкую специализацию собак. Сегодня, скажем, нужно привлечь для обыска транспорта — пожалуйста, завтра побег — вперед, по следу, а послезавтра можно и на блок-пост выставить. Чисто дилетантский взгляд на задачи: принцип-то все равно один — "нюхай и лай". Когда на встрече с немецкой делегацией кинологов наши робко поинтересовались, почему их собаки работают намного лучше, те не случайно ответили: "Вы от своих слишком много хотите..".

НА РАЗНЫХ СТУПЕНЯХ служебной иерархии проблемы так или иначе дают о себе знать. И, пожалуй, чем выше ступенька, тем решать их сложнее и сложнее. Проще всего Вячеславу Славину, рядовому бойцу, профессионалу, любящему животных и с высокой ответственностью делающему свое дело. Он и впредь будет тащить на себе возок проблем, увлекая личным примером остальных.

Но ведь такого кинолога нужно еще подготовить, обучить. "А отбор на учебу, — сетует подполковник Бодров, — осуществляется по остаточному принципу. В первую очередь — кандидаты в младшие командиры, связисты, автомобилисты. А нам — что себе не гоже. У иного испортится настроение — сорвет зло на собаке. Она же, тварь бессловесная, стерпит..".

Специалисты в батальоне подобрались неплохие: и сержанты, и офицеры — комбат доволен. Но если приходится все показывать на пальцах, не имея наглядных пособий и материальной базы, то будь ты хоть семи пядей во лбу — почти половина учебного времени уходит псу под хвост. Нет ни одного класса по специальной подготовке. На месте развалившихся — поросший сорняками, разрушенный фундамент: вприору с собаками искать следы былой роскоши. По команде дежурного курсанты берут табуретки и рассаживаются в свободных уголках спальной: помещения на занятия, кладут на колени тетради и записывают основы следопытства. А может, просто делают вид. После окончания учебы многие из горе-выпускников могут привязать свое-

го питомца в тени (хорошо хоть не на солнцепеке) и за целый день подойти к нему разок, чтобы сунуть под нос какую-нибудь похлебку. А уж позаниматься — на аркане не затащишь.

Понятно, что Вячеслав Славин, прибыв в подразделение, оказался на голову выше своих коллег. Хоть в учбате и не учился, но на питомнике не был новичком. С четырнадцати лет, как начал заниматься в клубе служебного собаководства, постоянно пропадал у военных дрессировщиков. Тянулся к ним, потому что видел: хотя у гражданских — общая, цирковая подготовка собак получше, но не сравнится им с военными по специальной — следовой и поисковой работе. К этому времени уже имел до десятка собак, нанимался для охраны складов, стройплощадок, офисов. Не был он бизнесменом, все заработанные деньги собаки и проедал. Да и не денег добивался Вячеслав, ему нужно было серьезное дело, удовлетворение от результатов работы лично обученной овчарки. Потому и оформился кинологом в органы внутренних дел. На счету — десятки задержанных преступников, раскрытых краж и ограблений. И когда его питомцев начали травить (несколько раз обнаружил у питомника подброшенное отравленное мясо), понял: в городе он кому-то с нечистой совестью действительно перешел дорогу. А пришла пора собираться на военную службу, вместе с Дойсом и Дольтом попросился в местную конвойную роту. И не случайно собаки — одни из лучших в соединении, а к его мнению прислушиваются. Хотя розыскные успешно справляются на обыске транспорта, он считает, что им это не на пользу. Вот и взял себе еще Дину, которую готовит только для выборки предметов, а если конкретнее — поиска водки и наркотиков.

Не теряя связей с клубом, на городской выставке собак показал работу своих питомцев по следу и на задержание преступников. Кстати, уникальная возможность для роты избежать остаточного принципа в подборе кадров. Сразу же после показательных занятий четыре человека попросились на службу вместе с собаками. Через несколько дней прошло точно такое же выступление в другом районном городке — и опять объявились два потенциальных специалиста. Может быть, действительно, нет неразрешимых проблем?

Перед возвращением из командировки я вновь встретился со Славиним. Он стоял в штабе части с ворохом бумаг в руке: "Решил оформиться контрактником.. Значит, жить будем !

Майор И. МУЧАК.

*Восточный округ
внутренних войск МВД России.*

“ЧЕГО ЖЕ ТЫ ХОЧЕШЬ, РЭМБО?”

РАЗМЫШЛЕНИЯ ВОЕННОГО ПСИХОЛОГА

Вам не кажется, в последнее время мы стали привыкать к тому, что, если в телепередаче или на страницах газеты предоставляется слово военному человеку, разговор обязательно будет завернут на разбитую журналистами колею старых и хорошо всем известных проблем: денежное содержание офицера меньше, чем в Бангладеш, социальная защита — лишь на бумаге, хронический дефицит жилья, безработица жен... Ну и дальше в том же духе.

Оптимистические мотивы в грустных ариях на армейские темы, увы, звучат все реже и реже. И, может, поэтому с особой силой врезаются в память. Вот и сейчас, словно наяву, слышу голос старого своего знакомого, выпускника Владикавказского командного училища внутренних войск, снимавшегося в правдивом и честном телефильме Владимира Молчанова “Скованные одной цепью”. Для меня, говорил он с экрана, самое главное — сознавать, что ты занят настоящим мужским делом, служишь в спецназе, проходишь испытания на прочность в боевых операциях. Нужен людям. Это как-то застывает трудности, помогает терпеть и ждать. Ждать и терпеть.

Размышляя над признанием однополчанина, чувствовал гордость, смешанную с грустью. Слава Богу, есть еще офицеры, для которых понятия “честь мундира”, “мужское поведение”, — не пустой звук. Но ряды их, беззаветно преданных военному делу, офицерскому корпусу, службе ратной, редкостно от государственного безразличия и общественного равнодушия, как под оружейным обстрелом. Сознать это тяжело. И страшно.

Многочисленные опросы, проводимые в армии, внутренних войсках, обнажают картину поистине безотрадную. Впрочем, и без психологических исследований видно: еще немного, и начнется массовый исход офицеров из боевых рядов на вольные гражданские хлеба. Уже сейчас в частях, дислоци-

рованных в крупных городах с растущей как на дрожжах рыночной инфраструктурой, наблюдаются явления для вооруженных сил недавнего прошлого, не говоря уж о царской армии, совершенно невероятные. Некоторые военные со звездами на погонах подражаются сторожами, охранниками в различные коммерческие “офисы”, посвящая внеслужебное время изнурительной борьбе за “лишний рубль”, в дополнение к скудному заработку. Но это еще не предел воинской смекалки и предприимчивости! Отдельные слушатели академий после лекций и семинаров спешат с баулами занять место в торговых рядах на московских вещевых рынках. Послушаешь иной раз кулуарные разговоры в перерывах между занятиями, и начинает казаться, что находишься не в военно-учебном заведении, а где-нибудь на фондовой бирже среди маклеров: ценные бумаги, курсы валют, фьючерсы, конъюнктура рынка — словом, налицо явная тенденция к переходу офицеров на самофинансирование. Я далек от того, чтобы сгущать краски: зеленые коммерческие ростки на поле ратном только-только входят в силу. Но кто даст гарантию, что в недалеком будущем они не заглушат цвет офицерского корпуса, который блекнет и увядает, как растение без полива? На словах — реформа пошла, одна за другой успешно решаются проблемы, доставшиеся в наследство от времен застоя и перестройки, в реальности — неутешительная статистика: некем прикрыть кадровые бреши в боевых порядках, все меньше офицеров изъявляют желание дослужить до седин... К сожалению, в обществе, да и в войсках, по-моему, еще не осознали всей трагичности ситуации. Мало кто задумывается о последствиях снижения общественной и психологической привлекательности образа офицера для обороноспособности страны, поддержания внутренней стабильности и государственной безопасности, патриотического воспита-

ния молодежи. А некоторые политики даже усматривают в этом позитивный момент: дескать нечего паниковать, в русле сокращения Вооруженных Сил, структурных преобразований во внутренних войсках, связанных с передачей функций охраны исправительно-трудовых учреждений ведомствам исполнения наказания, идет естественный процесс оптимизации численности военных кадров в соответствии с новыми потребностями.

Что же происходит на самом деле?

В социальной психологии существует такое понятие: кризис профессиональной идентичности. Проще говоря... Впрочем, лучше поясню на примерах.

Предположим, вы преуспевающий банкир, мотаетесь в заграничные поездки, очень прилично зарабатываете, друзья вам завидуют, а вы... Вы тяготитесь своей работой и прокидываете ее на чужбину. Спите и видите себя в офицерской форме шагающим во главе строя, демонстрирующим высший «пилотаж», на директриссе за штурвалом боевой машины. Ваше сердце учащенно бьется при звуках «Славянки». Вы страстно мечтаете изменить свою жизнь, но... поезд ушел, возраст не позволяет поступить в военное училище, и вы продолжаете маяться среди сейфов и зеленых банкнот, сознавая себя в профессиональной группе крупных бизнесменов белой вороной, чужим среди своих. Не нравится? Хорошо, вот другой вариант. Вы, офицер, постоянно испытываете материальную нужду, семья ютится в неблагоустроенном общежитии, но, даже чувствуя себя обделенным элементарными благами, ни на какие соблазны сладкой жизни не променяете горячие спецназовские командировки, краповый берет, дружное офицерское братство, в котором вы — как патрон в обойме, свой среди своих. Психологическое ощущение принадлежности к единому целому, именуемому воинским коллективом, возвышает вас в собственных глазах, растворяя без остатка горечь государственного человека, на котором оно, государство, сэкономило. Впрочем, какой-нибудь другой офицер на вашем месте пустился бы во все тяжкие, лишь бы поскорее вырваться туда, где сулят золотые горы, омываемые молочными реками с кисельными берегами. И этих «других», — легион...

Вот так чувствуют себя разные люди в процессе осознания своей принадлежности к той или иной профессиональной (общественной) группе. Хорошо, коли достигнуто положение и связанный с ним уровень жизни, материальный достаток не вступают в непримиримое противоречие. Можно как-то смириться. В противном случае... кризис, нередко взрывающий весь внутренний мир человека, неминуем.

Социологические исследования показывают: наиболее активные члены социальной группы, неудовлетворенные достигнутым положением, стремятся перейти в более высоко оцениваемую общественную прослойку, либо поднять статус «своей, профессиональной «команды». Но поскольку среднестатистическому офицеру последнее просто — на просто не под силу без державной поддержки, защитник Родины, страж порядка начинает всерьез подумывать о смене формы на respectable костюм «делового человека». А тут еще бывшие однополчане, сделавшие выбор в пользу нарождающегося рыночного бизнеса, соблазняют, жена им вторит: сколько ж можно мытарствоваться в роли государственного нищего. И волей-неволей сдает позиции честный служака, кладет на стол начальника рапорт об увольнении. Полку офицеров — убыло...

А кем будет прирастать тот поредевший не на поле брани полк?

Пришла беда — отворяй ворота.

Переживая внутривойсковой кадровый кризис, мы являемся свидетелями проявления еще одного социально-психологического феномена, наносящего серьезный ущерб интересам военной организации государства. Речь вот о чем.

У каждого народа существуют эталоны: «мужественности», (маскулинности). В России они были неотделимы от таких сфер деятельности, как защита Родины, охрана правопорядка, обеспечение государственной безопасности, ликвидация последствий аварий и стихийных бедствий... Целые сословия вырастали на ниве служения Отечеству.

Блистательное дворянство... Не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина считалось неприличным, и почти все помещики, в том числе богатые и ненуждавшиеся в дополнительном источнике средств существования в виде офицерского жалованья, служили офицерами «из чести». Заметим: служба в гвардии и в кавалерийских полках требовала гораздо больше расходов, чем составляло офицерское жалованье.

Юношество суровых тридцатых... Среди кумиров на первом месте — красный командир.

Молодое поколение шестидесятых-семидесятых... Военные училища в ряду самых престижных вузов страны.

И вот дожили. Нынешних парней маковым калачом на военную стезю не заманишь. По данным социологического опроса, проведенного среди московских школьников, профессия офицера — на критической отметке рейтинговой шкалы: 26 место — как говорится, дальше некуда.

Зато мечтают "новые романтики", испытать свои мужские качества в более привлекательных, на их взгляд, сферах: валютный бизнес, охрана банков, частные детективные агентства, а то и просто откровенный рэкет. На что им государственная служба, коли она не сулит возможности разъезжать на "мерседесах", обедать в роскошных ресторанах и проводить досуг на Гавайских островах? Отечество, говорите, священный долг? Оставьте для дураков эти химеры.

Словом, профессия Родину защищать, по мнению будущих "хозяев" жизни, — удел неисправимых идеалистов и неудачников. И хотя новые столичные "аристократы" — это еще не вся Россия, их настроения, подобно модному шлягеру, завоевывают широкие слои нашего юношества. А благородные мотивы послужить Отечеству под боевыми знаменами разбиваются о глыбы усиленно "рекламируемых" на телевидении и в прессе армейских проблем: по количеству бесквартирных офицеров — мы "впереди планеты всей", по размерам денежного содержания — увы, "рекордсмены", оставившие далеко... впереди зарубежных коллег... Как тут не потускнеть парадному золоту погон?

Да, к сожалению, армейская служба в нашем сознании менее всего ассоциируется с материальным достатком. Но я бы не стал упрощать проблему, втискивая ее в прокрустово ложе "экономического детерминизма". Prestижность, привлекательность профессии зависят не только от зарплат и социальных льгот, характеризующих ее фактический государственный статус.

Для русского офицера всегда считалось главным совершенно иное — преданность Отечеству и любовь к армии. На этом всегда делали акцент военные публицисты прошлого. "... Избирающие военную службу для карьеры или материального обеспечения — это грубое заблуждение и глубокое оскорбление основ военной службы и ее жизненного дела, офицерского труда, офицерского звания и достоинства... военной карьеры и службе посвящают себя, а не избирают это дело так же, как рабочий ищет и обеспечивает себя каким-нибудь трудом во имя того, что жить и питаться нужно", — утверждал полковник В. Райковский. "Нам нужен офицер, обожающий свой мундир, свой быт, все особенности военной службы с ее лишениями и опасностями, — офицер, которого ни за какое жалованье нельзя было бы сманить ни в акциз, ни на железную дорогу, чтобы все это казалось ему скучным, неприглядным, совершенно чуждым его сердцу", — писал генерал-лейтенант Н. Бутовский.

Вряд ли кто станет оспаривать очевидное: воспитание таких качеств немислимо в отрыве от факторов духов-

ных, в культурной среде, лишенной достойных эталонов для подражания, проникнутой недоверием к офицерскому корпусу. Среде, ориентированной на примитивные стереотипы массового потребления.

В самом деле, когда на страницах литературных произведений, в кино, на театральной сцене офицер чаще всего появляется как отрицательный или карикатурный персонаж, когда большинство представителей средств массовой информации интересуются только "жареными", фактами из армейской жизни — имидж защитника потускнеет в общественном сознании даже при наличии у военных "жирных" окладов. И наоборот: при сохранении психологически привлекательных образов, поддержании атмосферы уважения к человеку в погонах — временное снижение уровня его материальной обеспеченности не станет роковым обстоятельством в судьбе войск. История русской армии о том свидетельствует. Хотя к концу XIX века изменился социальный статус офицества, ухудшилось его материальное положение, престиж военного профессионала в русском обществе оставался и тогда достаточно высоким.

ТАК КАК ЖЕ вернуть офицерской профессии утраченный ею имидж? Взяв пример с Западной Европы и США, резко повысить денежное содержание, заставить власти в центре и на местах строго и неукоснительно выполнять принятые законы о социальном обеспечении военнослужащих? Безусловно, эти меры должны лечь во главу угла государственной политики по отношению к военным. Однако мы не вправе забывать о факторе духовно-нравственном, открывающем богатые возможности для возрождения былого престижа офицеров в условиях неадекватного экономического "компенсирования", снижения их статуса.

Кстати, о роли духовного фактора в формировании профессионального защитника все чаще говорят и на Западе, где исторически сложилось доминирование материальных ценностей и экономических рычагов во всех сферах социальной жизни. Как свидетельствуют многочисленные исследования американских психологов и социологов, при поступлении на военную службу значительное число молодых парней опираются на такие ценности, как патриотизм, стремление к самосовершенствованию, к тому, чтобы "сделать мир лучшим". По данным психолога Джеймса Берка, 83 процента новобранцев мотивировали свой выбор стремлением послужить на благо родины.

Что ж, это не удивительно: в США по всем информационным каналам ведется мощная армейская реклама, убедительно доказывающая добропорядочным американцам, что защита родины

и жизненно важных государственных интересов, чести и достоинства граждан — самое престижное дело, лучший способ проявить патриотизм, верность идеалам свободы и демократии. Под ее влиянием у подростков, обладающих от природы спонтанной активностью, подсознательно формируются общественно полезные намерения, и когда у порога самостоятельной жизни возникает вопрос «куда пойти учиться?», многие из них с благословения родителей выбирают профессию офицера. Несмотря на то, что она сулит весьма скромный, по американским стандартам, достаток.

У нас же безответственные политики и ангажированные ими журналисты лет семь предавали анафеме военно-патриотическое воспитание как синоним милитаризма, способ самовывживания тоталитарного режима, соревновались в травле армии и внутренних войск, размывая в массовом сознании традиционно привлекательный образ человека в погонах. И с мутной идеологической водой выплеснули из ванны ребенка. А теперь образовавшийся вакуум целенаправленно заполняется заемными клише «made in USA».

Трагедию, конечно, из этого делать не стоит. И все же не случайно говорят: что немцу хорошо, то русскому не здорово. У американцев классический киногерой — Рэмбо, который лихо расправляется во Вьетнаме и в Афганистане с «иванами», у нас — солдат Сухов из «Белого солнца пустыни». Поставьте их рядом, и почувствуете разницу между двумя национальными воплощениями мужества и отваги.

В России с ее многовековой героической историей и огромными культурными ресурсами — поистине безграничный потенциал воспитания патриотов, мужественных и неустрашимых защитников. Беда лишь в том, что некому привести его в действие. Военные варятся в собственном соку. До сих пор нет продуманной многозвенной программы рекламирования воинской службы в средствах массовой информации. Глухи к проблемам современной армии литература, живопись, кино, призванные пробуждать у молодых стремление Отчизне посвятить души прекрасные порывы. Остается невостребованным уникальный фактический материал из практики действий внутренних войск при выполнении миротворческой миссии в стреляющих регионах, освобождении захваченных преступниками заложников. Хотя на биографиях наших «кравовых беретов», по словам Владимира Молчанова, можно делать эффективнейшие боевики, глубоко патриотичные, с широким воспитательным диапазоном.

Что же мешает появлению на экране, на страницах книг, в эстрадных песнях ярких, привлекательных образов современного офицера, солдата, курсанта, которые помогли бы «юноше, об-

думывающему житье», сделать достойный выбор, осознать, что истинные эталоны мужества, обогащенные высокой значимостью общественного долга, неотделимы от военной, милицейской службы, — именно там, а не в охране нувориша-толстосума, не в банде рэкетилов истинная доблесть проявляется. Разъясняя причины, убеждают: все упирается в отсутствие денежных средств.

Как говаривал товарищ Сухов, это вред ли!

Государство, всюю торгующее нефтью и газом, позволяющее отдельным гражданам вкладывать миллионы вырученных на этом долларов в иностранные банки, право же, не обеднеет, оплатив десяток-другой заказов в год в интересах психологической поддержки офицерского корпуса. Не останутся внакладе многочисленные фонды и акционерные общества, пожертвовав малую толику своих средств на рекламу военной и милицейской службы. Разве не в их интересах, чтобы предпринимательская деятельность была надежно защищена от преступных посягательств?

ОСОБЫЙ РАЗГОВОР — психологические условия формирования нового профессионального самосознания российских офицеров, сплавляющего всеедино любовь к службе, верность призыванию и воинскому долгу, решимость преодолеть трудности, не меняя мундир на «статский» костюм.

Задумаемся: что превращало одетых в армейскую форму, принявших присягу мужчин в единый монолит? Достаточно ли здесь чисто формальных атрибутов? Очевидно, нет. У каждого военного человека должно быть внутреннее ощущение личной принадлежности к этому живому монолиту, всепоглощающее чувство гордости: «Я — этой силы частица». Независимо от результатов экономических реформ, политической ситуации в стране, общественных настроений, взаимоотношений в семье и прочих обстоятельств: все преходящее, кроме главного — национальных, государственных интересов России, которые кто-то должен защищать и отстаивать. И здесь как психолог усматриваю особую роль военного имени офицера, слитого с боевым наименованием его части, соединения, с памятью о славных делах однополчан. Когда-то оно являлось могучим источником поддержания профессиональной гордости служивых людей. В старину офицеры любили подчеркивать: «мы — фанаторийцы!», «мы — бутырцы!», «мы — изюмцы!», и всякий понимал, что эти командиры недаром гордятся честью своего военного имени, звучавшего гордо и победно.

В русской армии такие именны отличия издавна служили символами доблести и славы, незримыми узами свя-

зывали воинов в одну семью. Присвоение полку наименования в память боевых заслуг считалось особо выдающимся событием. Эта традиция обрела вторую жизнь в годы Великой Отечественной войны. В одних только внутренних войсках почетные имена получили семь частей и соединений.

Представление о своей славе и будущих победах российский офицер и солдат связывали с особыми принадлежностями обмундирования, отличительными регалиями.

Характерный эпизод. Еще в 1813 году знаменитые гренадерские шапки Павловского полка обращали на себя внимание многих офицеров союзных России армий особенной формой и некоторыми, казалось бы, неудобствами в боевой жизни. Было решено заменить их киверами. И вот однажды русский генерал вместе с союзным, гуляя по Елисейским полям, прошел мимо павловца-часового Лаврентия Тропина, который в виде образца был уже в кивере. Генерал обратился к нему с вопросом:

— Покойнее ли кивера шапок?

— Точно так, покойнее, — отвечал Тропин, — но в гренадерских шапках неприятель нас знал и боялся, а к этой форме еще придется причудить его.

Искренний и смелый ответ солдата, почитавшего свою форму, стал широко известен, и Павловскому полку были оставлены его прославленные шапки.

Российские офицеры стремились сделать боевое имя части, дивизии, пожалованные за победы особые регалии средством воинского, патриотического воспитания. Речь шла о том, чтобы каждая часть имела свой нравственный оттенок. «Надобно знать, — писал известный военный историк А. Норцов, — до какой степени напоминание славного имени полка действует на офицеров...»

С ТЕХ ПОР много воды утекло. Неумолимое время сильно изменило менталитет военных. Спросишь иного лейтенанта: «В каком полку служите?». Он назовет лишь номер войсковой части. А что за этими цифрами, какие славные строки начертаны воинами полка в истории войск? Пожмет плечами: «Не все ли равно?». Мол, веши боевого пути на решение квартирного вопроса не влияют, повышению престижа службы не способствуют... Так-то оно так, да только негоже была доблесть, воплощенную в боевом имени, памятных знаках, взвешивать на весах сегодняшних социальных гарантий — как бы ни было обидно за державу. Эти символы сами по себе — мощный психологический магнит, притягивающий молодежь к ратному поприщу, к нелегкой, но по-прежнему полной романтики судьбе профессионального военного. Недаром в частях и подразделени-

ях, где служба сопряжена с повышенным риском, возникла традиция торжественного вручения крапового берета выдержавшим суровый экзамен. Там же впервые появилась идея о ношении нарукавных и нагрудных знаков с «фирменной», спецназовской символикой. И не где-нибудь, а именно в солдатско-лейтенантских «низах», родились гордые наименования «Витязь» и «Росич». «Береты» сами искали и находили способы закрепить свой боевой имидж, подерживая который, выделяясь «лица необычно выраженьем», увереннее чувствуешь себя в суровом воинском деле.

А разве не заслужил права носить отличительные имена и регалии личный состав «рядовых», незлитных частей, изучавший географию многострадального Отечества в стреляющих регионах, неоднократно отличавшийся при выполнении задач по охране общественного порядка, ликвидации последствий аварий и стихийных бедствий? По-моему, вопрос риторический. Надо только позаботиться о том, чтобы появление новых войсковых символов доблести и героизма вызвало положительный общественный резонанс. Как это было с празднованием юбилея Отдельной дивизии оперативного назначения.

Словом, есть над чем поразмыслить депутатам Государственной Думы. Да и не только им. Готовить новые законы в парламентской кухне — это полдела. Дело — когда они лягут на взрыхленную почву...

Я НЕ ПОКЛОННИК боевика о приключениях супермена Рэмбо. Но один эпизод из фильма, честное слово, лег на душу. Помните заключительные кадры второй серии?

« — Чего же ты хочешь, Рэмбо?

— Я хочу того, чего хотел каждый парень, проливавший здесь кровь. Я хочу, чтобы наша страна любила нас так же, как мы любим ее».

Переболев войной во Вьетнаме, Америка полюбила своих воинов. И сделала все для того, чтобы они не чувствовали себя чужими в своей стране.

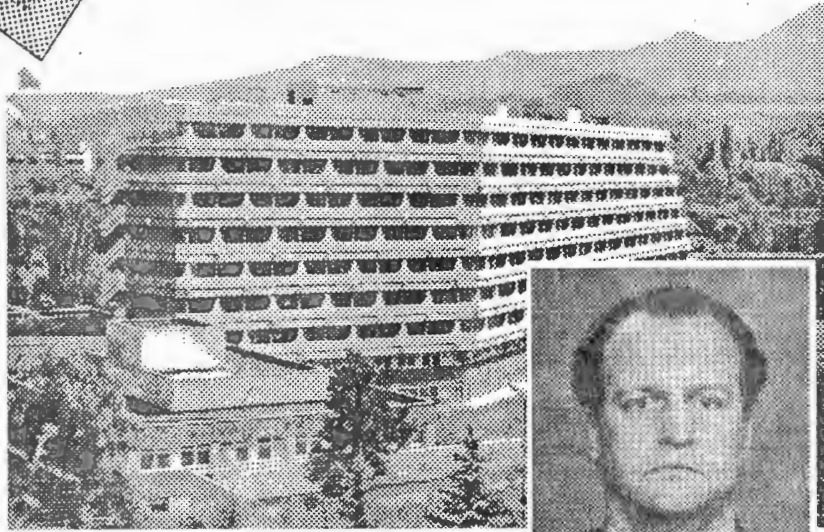
Нам ли учиться у кого-то любви к защитникам Отечества? Ведь было время, когда офицеры обладали наиболее престижным статусом в русском обществе. И вряд ли случайно, что именно этот период озаглавлен самыми славными победами русского оружия, именно в то время Россия была сильнейшей державой мира, занимающая в нем такое положение, какое не занимала никогда.

Майор В. ДЕВЯТКО,
кандидат психологических наук,
докторант Гуманитарной академии
Вооруженных Сил.

384

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

Начальник санатория "Россия" внутренних войск МВД России кандидат медицинских наук В.И.ЗВЯГИНЦЕВ:

"НАД "РОССИЕЙ" СОЛНЦЕ СВЕТИТ ТРИСТА ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ В ГОДУ"

— Василий Иванович, в майской книжке журнала за прошлый год военно-медицинский отдел управления тыла ГУКВВ пригласил военнослужащих приобретать путевки во вновь открытые войсковые санатории — "Россия", в городе Кисловодске и "Дон", в городе Ессентуки. Прошел год. Как сработала наша реклама? Много ли военнослужащих, членов их семей отдохнуло в вашей здравнице?

— В минувшем году мы приняли более двух тысяч военнослужащих внутренних войск и членов их семей, отдохнули у нас также около двух тысяч сотрудников МВД, их родных. В нынешнем году планируем продать около пяти тысяч путевок.

— А какова максимальная пропускная способность санатория?

— Семь тысяч отдыхающих в год.

— Но почему тогда вы говорите лишь о пяти тысячах путевок?

— С 25 января по 10 марта у нас проводился выборочный капитальный ремонт, и с декабря по март заезда не было.

— Я ведь неспроста спросил о загруженности санатория. В минувшем году, знаю, большинство здравниц Кавказских Минеральных Вод простояли закрытыми. В этом году положение не улучшилось. Сужу об этом хотя бы по информации июльского номера газеты "Северный Кавказ": "Более трех десятков ессентукских санаториев заполнены лишь на 8—30 процентов. Полностью заполнена лишь "Москва" — санаторий бывшего четвертого управления Минздрава СССР. Но путевка сюда стоит более миллиона рублей".

— К сожалению, многие здравницы, и прежде всего профсоюзные, сегодня пусты. В Кисловодске кроме нас, а также санатория МВД России "Эльбрус", на полную мощность работают разве что "Заря", "Красные камни", "Кавказ"...

— Только ли дороговизна сказывается или тут и нестабильность обстановки на Северном Кавказе?

— Да, пожалуй, и то и другое. Хотя, прямо скажу, все тревожные общественно-политические события происходят в стороне от Кисловодска. Сдерживают былой поток отдыхающих в наши благодатные края все-таки постоянно растущие цены на проезд и путевки.

— А как смотримся на общем фоне мы?

— Судите сами. Военнослужащий внутренних войск приобретает путевку к нам на октябрь текущего года за 153 тысячи 400 рублей. Коммерческая же цена ее — 1 миллион 100 тысяч рублей. Разница, как видите, существенная.

— И погашается она, надо понимать, из бюджета войск?

— Разумеется. Когда я перечислял санатории, работающие сегодня с полной нагрузкой, это тоже как раз были те, куда сегодня продаются путевки по льготным ценам.

— Хотелось бы побольше узнать о возглавляемой вами здравнице. Насколько мне известно, санаторий начал свое летоисчисление не с 1993 года. Да и вообще, до того, как стать войсковым, носил иное название, не так ли?

— Все верно. Свою историю он действительно начинал как маленький пансионат, принадлежавший Министерству химической промышленности СССР. Назывался "Химик", состоял из небольшого капитального здания, которое и сегодня расположено на нашей территории, и нескольких деревянных строений. Таким он просуществовал около 20 лет, пока в 1983 году не был сдан в эксплуатацию санаторный комплекс — современное девятиэтажное здание, включившее в себя спальный и лечебный корпус, плавательный бассейн, зал лечебной физкультуры, пищеблок, столовую, помещения для культурного отдыха — киноконцертный зал, танцевальный зал, библиотеку, бильярдную...

Санаторий рассчитан на 460 человек и предназначен для лечения сердечно-сосудистых заболеваний, неспецифических хронических заболеваний легких, заболеваний нервной системы. Лечатся у нас и сопутствующие им заболевания, как, например, остеохондроз, легкие формы диабета...

Остается только добавить, что, переданный с марта 1993 года в оперативное управление внутренних войск,

наш санаторий стал называться "Россия".

— Десятилетие на фоне других здравниц — а здесь, в Кисловодске, немало таких, которые основаны еще в XIX веке, — возраст младенческий. Стало быть, по сравнению с другими, более древними, скажем так, лечебными заведениями у вас "болячек" поменьше: поновее оборудование, посовременнее, комфортабельнее номера?

— Я восемь лет проработал в здравницах четвертого Медуправления, мне есть что и с чем сравнивать. Поверьте, войска приобрели очень хороший санаторий: просторный, красивый, комфортабельный (без излишеств, но со всеми необходимыми удобствами).

— Василий Иванович, вы сказали, что в Кисловодске есть еще санаторий МВД "Эльбрус". А если с ним сравнить "Россию"...

— Да мы просто несравнимы! Тот строился в послевоенные годы. Вид есть, а перекрытия деревянные, в номерах нет удобств... Там многое модернизируется сейчас, перестраивается. Но каково вести такие работы на ходу? Да и любая перепланировка, увеличение пропускной способности обрачиваются понижением комфортности. Так появляются окна, выходящие не на юг, а на север, не в парк, а в срез горы... У нас же здание очень удачно спроектировано. Солнце не обходит ни одно окно. А ведь в Кисловодске до 320 солнечных дней в году.

— А лечебная база?

— Думается, что они и в этом нам уступают.

— В таком случае читателям, безусловно, будет интересно узнать, чем вы располагаете для борьбы с нашими недугами.

— В санатории развернута мощная лечебно-диагностическая база. Тут и кабинет функциональной диагностики, клиничко-биохимическая лаборатория, рентгеновский кабинет. Лечебные кабинеты представлены отделением нарзановых ванн, оборудованных автоматикой; кабинетом водных процедур (восходящий душ, циркулярный, душ Шарко, контрастные ванны); кабинетом вихревого подводного массажа; отделением ручного массажа; кабинетом ингаляции, парафинолечения и озокерита; стоматологическим отделением с протезированием зубов, десневым орошением нарзаном.

Есть у нас сауна и бассейн, есть площадки для игры в волейбол, теннис, бадминтон, рядом — прекрасный курортный парк.

— Сегодня в стране скверно с медикаментами. В аптеках порой нет элементарного. А как у вас с лекарственными препаратами?

— Тут надо вот что хорошо осознавать: санаторий не госпиталь. Воз-

можно, такого количества лекарственных препаратов, которое необходимо для стационарного или курсового лечения больного, у нас нет. Но все необходимое, в том числе и для оказания скорой медицинской помощи, в санатории имеется. К тому же медикаментозное лечение мы используем все-таки лишь по необходимости. Основные методы нашего лечения основаны на курортных факторах: наружном и внутреннем применении углекислой минеральной воды, воздушных и солнечных ваннах, терренкуре (систематической дозированной ходьбе по гористой местности) в нашем городском парке.

А вообще хочу отметить, что с переходом во внутренние войска положение с лекарствами у нас заметно улучшилось. Приобрели мы к тому же новую стоматологическую установку, кафедру для душа Шарко, два портативных лазерных аппарата для лечения лор-заболеваний, остеохондроза, простатита, гинекологических и других заболеваний.

— Василий Иванович, а как обстоят дела с питанием отдыхающих? Сегодня ведь это тоже вопрос вопросов.

— Что верно, то верно. Для того чтобы на столе сегодня было все необходимое, приходится вести настоящие битвы. Не скрою, бывали, особенно в минувшем году, жалобы наших пациентов на то, что порции невелики и разнообразия блюд недостает. Но что делать, если нормы положенности таковы, что на взрослого человека предусмотрено в сутки всего 250 граммов мяса, 60 — птицы, 80 — рыбы, 65 — сливочного масла, 25 — растительного, 400 — овощей, столько же картофеля...

— Словом, не разъесться на таких хлебах?

— Конечно. И мы не раз ставили вопросы перед командованием войска, да и сами не сидели сложа руки. По крайней мере сегодня мяса отпускается на 150 граммов больше, чем раньше. Не раз готовили форель. Да и с овощами, фруктами стало получше: свежих огурцов много; давали вишню, абрикосы, с июля — арбузы.

— А за счет чего, если цена путевок, например, с апреля по сентябрь не изменялась?

— Во-первых, ряд продуктов приобретаем на рынке, где цены зачастую ниже государственных, а продукты более свежие, качественные. Во-вторых, заключили договоры с двумя крупными кубанскими колхозами. Ныне они поставляют нам сахар, мясо, растительное и сливочное масло, овощи.

— А расплачиваетесь чем?

— Путевками в санаторий. У крестьянина ведь с ранней весны и до поздней осени страда. Так что они просят у нас зимние месяцы для отдыха. Это

как раз тот период, когда у нас есть свободные места. И все оказываются довольны.

— Василий Иванович, вы, как и мы, военнослужащие, на госбюжете и, стало быть, получаете немного. Чем удерживаете врачей, сестер?

— А их удерживает жизнь. Вы же сами заметили, что многие здравницы Кавказских Минеральных Вод простаивают. Поэтому наш медицинский персонал дорожит своими местами. К тому же с переходом во внутренние войска наши сотрудники стали пользоваться рядом льгот, предусмотренных для войск. В общем, наша заработная плата сегодня неплохая, по сравнению с профсоюзными здравницами мы получаем чуть ли не вдвое больше. Если что меня и беспокоит сегодня как руководителя — так это хроническая нехватка жилья. Свыше пятидесяти сотрудников санатория нуждаются в улучшении жилищных условий. У тринадцати вообще нет своей крыши над головой.

— Хотелось бы побольше узнать о том, кто нас лечит, пестует, возвращает окрепшими в строй?

— У нас трудится много прекрасных специалистов. Трое кандидатов медицинских наук, консультирует наших больных профессор-кардиолог. У троих врачей высшая категория, у четверых — первая, немало категорированных медицинских сестер с большим стажем и опытом работы. В мае нынешнего года военно-медицинский отдел ГУКВВ провел аттестацию сотрудников санатория. Высшая категория врача-терапевта присвоена моему заместителю по медицинской части А.М. Чомаеву. Четыре врача и пять медицинских сестер стали специалистами первой категории, большая группа подтвердила высокую квалификацию.

Хотелось бы отметить, что среди медперсонала есть специалисты, которыми не располагают иные здравницы: гинеколог, лор-врач, невропатолог, окулист-иридолог, педиатры, уролог, проктолог, иглорефлексотерапевт, врач мануальной терапии, психотерапевт.

— Древние говорили: "Если ты проснулся и у тебя ничего не болит, значит ты уже умер...". Я это к тому, что болезни были, есть и будут, от них нам никуда не деться. Но вот раньше, знаю, в санатории рекомендовалось ехать не раньше чем через полгода после обострения основной болезни. Да и вообще существовало мнение, что здесь следует не лечиться, а оздоравливаться. А как сейчас? Я вижу в ваших стенах немало людей явно не санаторного возраста, да и детей.

— Все течет, все изменяется. Раньше больного, перенесшего инфаркт, предписывалось не менее 45 суток держать в постели, а ныне — как можно раньше

ставить на ноги в целях профилактики повторного инфаркта. Это первое.

Второе. Лечиться, безусловно, следует в стационарах — госпиталях, больницах. Мы же предназначены для профилактики заболеваний и реабилитации (восстановления) больных.

Что же касается нынешних наших пациентов, то они действительно заметно помолодели: как правило, это люди от 30 до 50 лет — основной возраст офицеров и прапорщиков войск. Изменилась и структура заболеваемости, с которой имеем дело. Если прежде к нам ехали с сердечно-сосудистыми недугами, то теперь больше страдающих различными неврозами, неврозоподобными состояниями. Учтивая это, мы взяли на полную ставку невропатолога, запросили психолога. Что же касается детей, то тут разговор особый.

— **Добавляют беспокойства и зам, и больным?**

— Не то слово. В разгар летнего сезона их прибывает с родителями до 120 человек. Это и шум, и гам, и травмы, и дополнительные заботы, хлопоты. Не скрою, иных отдыхающих детвора раздражает.

— **Не знаю, а меня детишки только радуют, глядя на них, жить хочется. Да и к тому же всю свою молодость я был вынужден отдыхать "диким" способом: дети маленькие, ни в дом отдыха, ни на турбазу с ними не пускали. Мог бы попросить путевку в санаторий, но перед женой неловко: ты, значит, решил укреплять здоровье на югах, а дети пусть в городе пыль глотают?! Словом, я всегда был и остаюсь сторонником семейного отдыха и лечения.**

— И все-таки нам трудно с детьми. От двенадцати лет и старше мы принимали еще в прошлом году, теперь берем, начиная с четырехлетнего возраста. Мы перестраиваемся. Разработаны методики лечения и обслуживания детворы. Выделили именно для них определенные сеансы в бассейне, показываем детские кино-и видеофильмы, до 20 часов оставляем открытым зал лечебной физкультуры, читаем сказки, проводим музыкальные уроки. Раз в месяц организуем посещение цирка, парка аттракционов. Делается немало. Но нам обязательно нужен профессиональный воспитатель: на летний период недостаточно одного педиатра; необходим спортивный инвентарь, игрушки...

Понимая, что сегодня большинство пионерских лагерей закрыто, я все-таки далек от того, чтобы призывать военнослужащих приезжать к нам с детьми: санаторию нужны тишина и покой. Но уж коль ситуация такова, что не брать с собой детей нельзя, подумайте заранее, чем занять их, когда вы будете на процедурах, возьмите с собой и все то, что нужно малышу в быту.

— **Василий Иванович, а обязательно ли путевка для малолетнего отдыхающего, или как-то можно решить вопрос с его размещением, питанием уже непосредственно в санатории?**

— Пока мы предлагаем родителям размещать малыша или вместе с собой на кровати, или ставить в номере раскладушку. Оплата же пребывания ребенка в санатории ничем не отличается от оплаты взрослого. Тут есть нюансы, не надо понимать, что у нас нет отдельного детского стола, да и все процедуры, которые ему прописываем, требуют затрат и усилий не меньших, чем предназначенные его родителям. Со временем, думается, мы придем к какому-то оптимальному варианту, совместно с военно-медицинским отделом ГУКВВ разрешим и эту проблему, как разрешили ряд других, в том числе продажу путевок не на весь срок — 24 дня, а лишь на полсрока.

— **А как быть с санаторно-курортной картой ребенка?**

— Справки о прививках и эпидемиологическом окружении нужно привезти непременно! Иначе какое-то время мы будем вынуждены содержать малыша в изоляторе.

— **С годами все отчетливее сознаешь, что здоровье не купишь ни за какие деньги. И то, что по мере сил делают врачи, сестры, возвращая его нам, — это все-таки от чуда, от доброй детской сказки. Вот почему, завершая наш разговор, хотелось бы услышать от вас, Василий Иванович, а каковы три основных желания сегодня у начальника войскового санатория "Россия"?**

— Помимо уже выдуманного? Я имею в виду жилье для сотрудников?

— Пусть так.

— Ну тогда что хочу сказать? За прошлый год удалось решить три большие проблемы: повысилась зарплата сотрудников; выделен нам автотранспорт (в том числе два автобуса, которые помогут с доставкой поваров ранним утром, организацией экскурсий, в том числе на Домбай и в Приэльбрусье); проведен остановочный ремонт санатория. Теперь бы нам поставить автономную котельную (в минувшем ноябре при повреждении городской теплосети мы несколько дней просто мерзли); обустроить хоздвор, ну и отремонтировать фонтан (он ведь тоже лицо санатория).

— **Ну что ж, доктор, ваши желания далеки от сказочных. Будем надеяться, что и выполнить их будет по силам отнюдь не золотой рыбке, а тем, от кого это зависит, когда они прочитают наш с вами диалог.**

Вел беседу
полковник Е. АРТЮХОВ.
Фото В. КОЧАРОВА.

Рынок и мы

"ЗВЕЗДА" ПЛЮС "ПРОФИ" РАВНЯЕТСЯ УСПЕХ

В газете "Московский комсомолец" от 14 июля с.г. была опубликована заметка "Звезда генерала Лебеда зашла". Заметка небольшая и есть возможность процитировать ее дословно, так проще и быстрее ввести наших читателей в курс дела. Итак, "самая читаемая" газета пишет: "Генерал Лебедь, вложивший свой ваучер в чековый фонд социальной защиты военнослужащих "Звезда", рискует обанкротиться. Работа фонда, членами которого стали более 15 тысяч военных, парализована, операции на фондовом рынке не производятся. Выявлена нехватка более чем 800 приватизационных чеков. Кроме того, вообще оказалось, что фонд "Звезда" проглочен другим фондом — "Профи", несмотря на то, что положение о чековых инвестиционных фондах запрещает принимать решения о прекращении их деятельности в течение первых трех лет после создания, а четкой системы обмена акций одного фонда на акции другого в России пока не существует".

Почему эта маленькая публикация привлекла к себе такое большое внимание? Дело в том, что в чековый инвестиционный фонд "Звезда" вложили свой приватизационный чек не только известный командарм, но и сотни, тысячи военнослужащих внутренних войск и членов их семей. Дабы ответить на вопрос: насколько публикация "МК" соответствует действительности, наш корреспондент подполковник А. ПЕТРОВ встретился с председателем совета директоров чекового инвестиционного фонда (ЧИФ) "Профи" Юрием СЫРЕЙЩИКОВЫМ и его заместителем, бывшим генеральным директором ЧИФ "Звезда" Валерием ШАПОШНИКОВЫМ.

КОРР. Давайте поставим вопрос ребром: так зашла "Звезда" генерала Лебеда или нет? Куда подевался ЧИФ, в который многие наши военнослужащие вложили свои приватизационные чеки?

В. ШАПОШНИКОВ. Если позволите, то давайте вначале разберемся с заметкой в "Московском комсомольце". Раз уж вы ее процитировали, то разрешите и нам процитировать читателям и наше ответное письмо главному редактору газеты господину Павлу Гусеву (копия отослана председателю Комитета Российской Федерации по печати): "Газета "Московский комсомолец", в номере 134 (16891) от 14 июля 1994 года опубликовала анонимную заметку "Звезда генерала Лебеда зашла", касающуюся деятельности фондов "Звезда" и "Профи".

Данные, изложенные в заметке, не соответствуют действительности и наносят фондам и их акционерам моральный и материальный ущерб, который, по нашим оценкам, составляет порядка двух миллиардов рублей.

Вызывает недоумение, откуда получена информация, которая была положена в основу заметки? Почему корреспондент, готовивший материал, не обратился за информацией к первоисточнику — в совет директоров или правление фонда?

Если газета "Московский комсомолец" заинтересована в объективном освещении деятельности фондов "Звезда" и "Профи", просим обратиться в совет директоров или правление по телефонам: 296-66-13, 296-66-14, 296-68-76 (факс 296-68-12).

Считаем необходимым срочное опубликование опровержения и принесения газетой извинений фондам и их акционерам. Если в течение двух недель газетой не будет опубликовано опровержение, оставляем за собой право обратиться в судбельные органы". Письмо было опубликовано нами 15 июля с.г.

КОРР. И что — срочно опубликовали, извинились перед незаслуженно обиженными фондами и их акционерами?

В. ШАПОШНИКОВ. Не опубликовали и не извинились.

КОРР. Валерий Алексеевич, но, согласитесь, в вашем письме нет ни слова о том, что же все-таки стало со "Звездой". Да и представляют вас сегодня уже как бывшего его генерального директора, и в то же время — как заместителя председателя совета директоров ЧИФ "Профи"... Давайте начистоту — что, фонд "Звезда", правда обанкротился?

В. ШАПОШНИКОВ. Да нет же! Фонд "Звезда", не обанкротился. Он ПРИ-СО-Е-ДИ-НЕН к фонду "Профи". Хотите объясню, почему так произошло?

КОРР. Хотелось бы...

В. ШАПОШНИКОВ. Когда наши фонды проводили собрания своих акционеров, выяснилось, что часть из них — и немалая! — владеет акциями обоих ЧИФов. Сами же акционеры и вышли с предложением о реорганизации фондов и создании одного единого мощного фонда. Что и было сделано. Заметьте, на законном основании! Вот распоряжение Госкомимущества за № 1326-р от 03.06.94 г. о присоединении к фонду "Профи" фонда "Звезда". наших "двойников", можно понять: ездить на собрания фонда "Профи", а потом еще и "Звезды", во-первых, накладно, а во-вторых, не каждый располагает временем на такие поездки. Но это, конечно, не главная причина. Объединение фондов пошло на пользу общему делу: увеличилось количество акционеров — стало больше привлекаться средств, увеличилось число инвестиций. Присоединение одного фонда к другому усилит наши позиции на рынке ценных бумаг. И еще один важный момент — при объединении фондов ставилось одно принципиальное условие — никто из акционеров не должен пострадать!

КОРР. Интересно, а почему фонд "Звезда", присоединили к фонду "Профи", а не наоборот?

В. ШАПОШНИКОВ. В "Профи" было привлечено в два раза больше приватизационных чеков. Поэтому никто из акционеров против такого варианта объединения не возражал. Да и, по большому счету, какая разница — "Звезду", к "Профи" присоединять или "Профи", к "Звезде". Главное — объединиться. В нынешних рыночных условиях выживут только те, кто объединит свои усилия.

КОРР. А с акциями-то, с акциями-то "Звезды", что стало?!

В. ШАПОШНИКОВ. Пользуясь случаем, спешу успокоить всех наших акционеров — сертификаты акций ЧИФ "Звезда", **ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫ**.

КОРР. Слава Богу! Вы представляете состояние наших военнослужащих, их близких? Для многих приватизационные чеки — единственное богатство, с

ними связывали надежды на светлое будущее. Помните, ведь за каждый вечер по две (!!!) "Волги" обещали. А тут такие события с АО "МММ". Леня Голубков и брат его Иван в глубокой печали. Марина Сергеевна в расстроенных чувствах. И даже непростая "просто Мария", просто ничем не может им помочь. Тут еще "МК", масла в огонь подливает. Кстати, а где гарантии, что и ваш объединенный теперь фонд не достигнет та же печальная участь?

Ю. СЫРЕЙЩИКОВ. Гарантии есть. Дабы не показаться голословным, обратюсь к цифрам и фактам. Вот основные показатели деятельности фонда по состоянию на 1 июля с.г. — все цифры приводятся в тысячах рублей. Оплаченный уставный капитал — 1.321.675,5. Нераспределенная прибыль прошлых лет — 54.552,0. Нераспределенная прибыль отчетного года — 303.981,1. Налоги — 409.566,0. Отчисления во внебюджетные фонды — 6.638,0. Активы по оценочной стоимости — 5.487.559,1. В том числе долгосрочные финансовые вложения в акции предприятий — 162.410,9. Краткосрочные финансовые вложения в акции предприятий и др. ЦБ — 567.011,5. Чистые активы по оценочной стоимости на одну оплаченную акцию — 41,4.

Долгосрочные финансовые вложения мы сделали в АО "Стоматология", АОЗТ "МЦФБ", АО "Програмпром", АОЗТ "Програмпром", АО "Легпромсистема", АО "Электросталь", Краткосрочные — в АО "ЦУМ", АО "Красный Октябрь", АО "Монтажавтоматика", АО "Микромашина", АО "Спецремкомплекс", Кубанское речное пароходство.

Как видите из нашего баланса, фонд имеет устойчивое финансовое положение. Все принадлежащие фонду пакеты акций достаточно крупны. Мы избегали распыления средств на мелкие пакеты акций большого числа предприятий, рассчитывали на долгосрочную перспективу своих вложений, активно сотрудничали с предприятиями, акционерами которых является фонд.

Не рассчитывая на быструю отдачу от вложений (в виде дивидендов), правление нашего фонда активно работает с денежными средствами, имеющимися в активе, а также с ценными бумагами, которые не рассчитаны на долгосрочную перспективу, стремясь создать базу для выплаты дивидендов своим акционерам...

КОРР. Извините, что перебую вас, Юрий Николаевич. Но от этих цифр одна каша в голове. А эти бухгалтерско-экономические термины "нераспределенная прибыль", "активы по оценочной стоимости", и т.д. — мне они, к сожалению, ни о чем не говорят. Давайте о родном, о близком — о дивидендах. Например, сколько дивидендов вы выплатили своим акционерам в этом году?

Ю. СЫРЕЙЩИКОВ. На собраниях акционеров было принято решение — дивиденды по итогам прошлого года не выплачивать и направить средства на развитие фондов.

Мы могли, конечно, и выплатить дивиденды — по три тысячи рублей на каждый приватизационный чек. Но для того чтобы акционеры получили эти деньги на руки, нам пришлось бы добавить еще по две тысячи. 38 процентов — налог государству. Итого — по пять тысяч на ваучер. И в целом за фонд «Профи», около 400 миллионов рублей. Кругленькая сумма! Выплати мы ее, и фонд оказался бы на коленях. И как жить дальше?

КОРР. А разве для фондов социальной защиты населения не установлены льготы в налогообложении?

Ю. СЫРЕЙЩИКОВ. Были подготовлены проекты двух президентских указов — мы видели их собственными глазами. Они даже были завизированы силовыми министерствами, сотрудников которых и призван защищать наш фонд в социальном плане — но ни тот ни другой указ так и не вышел в свет. А вопрос о льготном налогообложении стоял там на первом месте.

КОРР. Почему же «затормозили», эти указы? Может, бояться прецедента?

Ю. СЫРЕЙЩИКОВ. Не исключено. Льготное налогообложение — важная, но не единственная проблема. Возьмем наши взаимоотношения с предприятиями, в которые мы вложили средства фонда. Все они — перспективные, но тоже переживают далеко не лучшие времена. Напрашивается вопрос: борясь за выживание, будут ли они думать о наших акционерах, если контрольный пакет акций находится в их руках. А вдруг акционерами от предприятия на собрании будет принято решение не выплачивать дивиденды, а направить всю прибыль на развитие производства. Тогда наши акционеры могут остаться с носом.

Конечно, мы не сидим сложа руки. Со всеми предприятиями, куда мы осуществили финансовые вложения, поддерживаем тесные партнерские отношения. Нам приходится изо дня в день доказывать, что выделять средства на развитие нашего фонда дело выгодное и перспективное. Естественно, мы расширяем свое влияние на объекты наших долгосрочных финансовых вложений за счет покупки акций. Чем больше акций у тебя в руках, тем больше гарантий, что к твоему мнению будут прислушиваться.

КОРР. Если не секрет, сколько всего акционеров насчитывает ваш фонд?

Ю. СЫРЕЙЩИКОВ. На момент проведения собрания в апреле в фонде «Профи», насчитывалось свыше 30 тысяч акционеров, привлечено порядка 83000 приватизационных чеков. Ни одного приватизационного чека мы не

продали. Наш фонд владел акциями 15 предприятий, в числе которых были фабрики «Красный Октябрь», «Большевик», завод «Микромашина», Кубанское речное пароходство, АО «ЦУМ», «Програмпром», гостиница «Космос»...

КОРР. Валерий Алексеевич, а сколько у вас в «Звезде» было акционеров? Какова судьба их приватизационных чеков?

В. ШАПОШНИКОВ. На момент проведения собрания фонд «Звезда» насчитывал свыше 15 тысяч акционеров. Было привлечено около 45 тысяч приватизационных чеков. Наш фонд владел акциями только двух предприятий — АО «Стоматология» и «Легпромсистема».

КОРР. А кто выступил учредителями фондов?

Ю. СЫРЕЙЩИКОВ. Фонда «Профи» — ЦК профсоюза рабочих и служащих Министерства обороны, ЦК профсоюза работников Министерства безопасности, МГК профсоюза авиационных работников, ряд других центральных комитетов.

В. ШАПОШНИКОВ. Нашими учредителями выступили такие юридические лица, как фирмы «Парус», «Диона», «Лоди», «Арсенал», «Русьимпекс», «Эталон» и др.

КОРР. А какой статус получил новый объединенный фонд?

Ю. СЫРЕЙЩИКОВ. Нашему фонду сохранен статус фонда социальной защиты.

КОРР. Фонда социальной защиты кого?

Ю. СЫРЕЙЩИКОВ. Военнослужащих и членов их семей, гражданского персонала силовых министерств. Эти категории должны быть представлены в нашем фонде не менее чем 75 процентами акционеров. В уставе есть такое положение, оговорено это условие и в программе приватизации. О социальной принадлежности нашего акционера мы делаем специальную отметку на сертификатах акций.

КОРР. Юрий Николаевич, не в обиду будет сказано, все-таки «Профи», не АО «МММ», не Российская товарно-сырьевая биржа, не АОЗТ «Русский Дом Селенга». Даже среди нашего брата военного, наверняка не все слышали о том, что есть такой замечательный, истинно «военный» фонд. Как с привлечением новых акционеров?

В. ШАПОШНИКОВ. Конечно, нам трудно тягаться на рынке ценных бумаг с такими грандами. Есть проблемы и с привлечением новых акционеров. Но мы не сидим сложа руки. Сами идем к людям. Побывали в 14-й армии. Пришли к генералу Лебедеву. Он нас вначале выслушал, потом собрал военный совет. Мы выступили, объяснили, чем занимаемся, с какими целями пожало-

вали в Приднестровье. После этой встречи командарм подключил к работе армейских финансистов. Они в течение дня работали с нами, изучали наши финансовые документы. И только после этой тройной проверки Александр Иванович сказал: "Можете отправляться в войска искать акционеров. Сагитируете кого — это ваше дело. Никого идти к вам силком заставлять не буду. Единственное скажу, что вы люди честные и я вам верю».

Мы также выступали перед членами военного совета внутренних войск и перед офицерами Главного управления командующего внутренними войсками. Только после этого в войска ушли директивы, разъясняющие, что это за фонды такие и чем они занимаются. Директивы эти носили только разъяснительный характер! Вот Юрий Николаевич с группой наших товарищей недавно в Туркестан летал — сорок градусов жары, а они по шесть часов в вертолете. Там все удивлялись нашему появлению. А один полковник сказал: "Тринадцать лет служу в Туркестане. Но чтобы в самое пекло из Москвы к нам гости прилетели — таких вижу впервые!"

Не подумайте, что эти поездки предпринимаются нами исключительно в рекламных целях. Сам статус фонда обязывает нас идти навстречу людям при погоне, их близким. Помогать им по мере возможности...

КОРР. Действительно, а есть какие-то практические дела на счет вашего фонда?

В.ШАПОШНИКОВ. Есть. Мы отправили в 14-ю армию целый контейнер учебников для детей военнослужащих — на всю школу с 1-го по 10-й класс.

КОРР. А где еще побывали ваши люди?

Ю.СЫРЕЙЩИКОВ. В Узбекистане, на Байконуре, на Северном Кавказе...

КОРР. Чем в ближайшее время будет заниматься фонд "Профи"? Какие программы намерен претворить в жизнь?

Ю.СЫРЕЙЩИКОВ. Министерство обороны России выступило с прекрасной инициативой — создать при Доме офицеров во Владикавказе Детский музыкальный театр. К нам обратились с просьбой — помогите деньгами. Обязательно поможем. Внутренние войска приступили к реализации комплексной социальной программы Всероссийского центра переподготовки офицеров, увольняемых в запас, "Семья, подросток, безопасность" — разве мы можем остаться в стороне? Тем более эта программа утверждена правительством России и правительством Москвы.

Нам было бы проще найти средства на эти добрые дела, если бы нам разрешили использовать деньги, которые мы отдаем в абстрактные "закрома Родины", на свои конкретные программы в интересах военнослужащих и членов их семей, в интересах наших ак-

ционеров. Нам, например, предложили принять долевое участие в реконструкции, строительстве, а в перспективе, не исключено, и в покупке одной турбазы. Мы ездили, смотрели ее — замечательное место для полноценного отдыха. Почему бы там не отдыхать нашим акционерам?

КОРР. Вам приходится работать и в частях Министерства обороны, и в частях внутренних войск, и в подразделениях ФСК. Где вы встречаете наиболее полное понимание, где весомее поддержка вашему фонду?

В.ШАПОШНИКОВ. В принципе мы везде находим общий язык с людьми. Нам редко кто отказывает в помощи. Но скажу откровенно, больше всего мне нравится, как поставлено дело во внутренних войсках. Здесь у нас никогда не возникает проблем с транспортом, с местами для проживания, сохранностью ценных бумаг, перевозкой документов.

КОРР. Юрий Николаевич, увы, но рыночные отношения в России сегодня, которые зачастую называют "нецивилизованными", не располагают к сантиментам: жестокость, непорядочность, стремление любой ценой взять верх над своим конкурентом, "прокатить", партнера. Доводилось ли вам сталкиваться с подобными вещами в вашем деле? Можно поставить вопрос еще конкретнее — у вас есть недоброжелатели?

Ю.СЫРЕЙЩИКОВ. Как вы думаете, кто написал заметку в "Московский комсомолец"? Заметка-то анонимная. Зачем понадобилось газете трубить на весь свет, что генерал Лебедь является акционером нашего фонда? Разве там не знают, что существует тайна акционера? Мы сочли своим долгом извиниться перед командармом. Объяснили, почему так произошло. Но ведь сам факт появления такой информации наносит большой ущерб доброму имени нашего фонда, вызывает недоверие к нам со стороны потенциальных акционеров. Уверен, что если дело дойдет до суда, то судебный процесс мы выиграем. А вот будет ли подавать иск на "МК", генерал Лебедь — это его личное дело. А автора заметки мы знаем.

КОРР. Да, чувствуется, проблем у вашего фонда хватает. Не хотелось бы заканчивать наш разговор на такой грустной ноте. Поэтому, Юрий Николаевич, Валерий Алексеевич, разрешите пожелать вам и вашим акционерам всяческих успехов в вашем несомненно нужном и благородном деле — люди при погоне испытывают дефицит внимания к своим нуждам и мало кто может рассчитывать на поддержку. Надеюсь, что после нашего разговора ряды вашего фонда пополнятся новыми вкладчиками, готовыми не только ждать дивиденды, но и работать с вами во имя высокой цели.

К 50-летию Великой Победы

"ЗА НАМИ – РОДНАЯ МОСКВА"

Активное участие в боях с врагом принимали воины внутренних войск, в частности, Отдельной дивизии оперативного назначения. По залам музея боевой славы прославленного, трижды орденосного соединения мы и совершим небольшую экскурсию.

В то памятное, страшное воскресное утро все части дивизии находились в летних лагерях в подмосковном Реутово. Намечался военно-спортивный праздник, посвященный 17-й годовщине со дня создания соединения. Однако в 5 часов утра дивизия была поднята по тревоге и передислоцирована в Москву, где личный состав и узнал о начале войны. На состоявшихся митингах бойцы и командиры поклялись сражаться с ненавистным врагом до полной победы.

В короткий срок соединение пополнилось личным составом, получило вооружение новую боевую технику. В его состав вошли новые части. Например, 10-й мотострелковый полк войск НКВД, который еще в 1939 году за заслуги в боях с басмачами был награжден орденами Трудового Красного Знамени Туркменской ССР и Узбекской ССР. В этот период дивизией командовал генерал-майор М. Марченков, политработой руководил бригадный комиссар С. Прокофьев.

В условиях военного времени на части соединения были возложены ответственные задачи: охрана и оборона важных государственных объектов, борьба с авиадесантами противника, участие в сооружении оборонительных рубежей на ближних подступах к Москве и непосредственно в столице. Кроме того, поручались охрана линий правительственной ВЧ связи, обеспечение общественного порядка в Москве и прилегающих районах. Все это нашло наглядное отражение на стендах музея дивизии.

В конце июля 1941 года командованием Московского военного округа в радиусе 150 км от столицы были созданы два боевых участка. Начальни-

ком Западного участка был назначен генерал-майор М. Марченков.

Для своевременного обнаружения и уничтожения вражеских воздушных десантов на основных направлениях каждого сектора на расстоянии 40–60 км от Москвы действовали передовые моторизованные отряды в составе стрелковой роты, усиленной пулеметным взводом и орудием полковой артиллерии. От отряда в двух-трех направлениях на удалении до 15 км высылалась разведка в составе стрелкового отделения.

2 октября немецко-фашистские войска на ряде участков прорвали оборону наших войск и, подойдя к Можайской линии обороны, нацелили основной удар на Боровск.

Поднятый по тревоге батальон под командованием капитана И. Ключко, совершив ночной марш, вышел в район Боровска и вступил в бой. Ему противостояли до тысячи немецких солдат и офицеров, около двадцати танков. В этом бою отличились сержант Б. Егоров, орудийные расчеты рядового А. Морозова и младшего сержанта С. Фаловского. Потеряв три танка и около сотни солдат и офицеров, немцы отступили.

Сегодня на стендах нашего музея можно увидеть личные вещи героев, их награды. Здесь же – гильза с землей, взятой на месте того боя. А в деревне Ищеено Боровского района Калужской области установлен памятник воинам соединения, павшим в боях за Москву.

В дни октябрьских боев за столицу в составе 34-го мотострелкового полка НКВД, которым командовал полковник И. Пияшев (впоследствии ставший командиром нашего соединения), мужественно сражалась под Мценском артиллерийская батарея старшего лейтенанта В. Левкина. Противник бросил на рубеж, обороняемый батареей, около 40 танков с пехотой, 15 пикирующих бомбардировщиков. Воины стояли насмерть.

Артогнем противника был перебит провод, связывающий батарею с наблюдательным пунктом. Красноармеец Григорий Прокопенко вышел на линию и обнаружил обрыв. В эти минуты он

был смертельно ранен. Умирая, мужественный воин зубами сжал концы провода. Имя героя, о котором также рассказывают экспонаты музея, навечно занесено в списки родной части.

В бою артиллеристы уничтожили шесть вражеских танков, до батальона пехоты, сбили бомбардировщик. Мужество артиллеристов было высоко оценено. Старший лейтенант В. Левкин, политрук М. Строганов и рядовой Г. Кравченко удостоены ордена Красногo Знамени, высокие государственные награды получили и другие воины.

Многие экспонаты нашего музея рассказывают о малоизвестных страницах битвы за Москву. Например, мало кто знает, что именно воины дивизии уничтожили врага, ближе всего оказавшегося к столице.

16 октября 1941 года разведгруппа немецких мотоциклистов прорвалась через линию фронта у деревни Крюково и по Ленинградскому шоссе устремилась к Химкинскому мосту. Получив приказ по радио, танковая рота дивизии под командованием старшего лейтенанта Н. Стребко, входившая в подвижный резерв Западного боевого участка, выдвинулась в район Химкинского моста. Именно здесь и у водной станции "Динамо", фашистские мотоциклисты были уничтожены. Танкисты еще в течение трех суток держали оборону на одном из важнейших участков линии фронта в районе деревни Крюково.

Воины дивизии осуществляли круглосуточное патрулирование столичных улиц, несли службу на контрольно-проверочных пунктах. На двенадцати главных шоссе магистралах, ведущих к Москве, были выставлены заградительные заставы. Периодически проводились массовые проверки документов на улицах и в жилых домах. Воины достойно выполняли свой долг, постоянно проявляя высокую бдительность, мужество и стойкость. Вот только несколько документов, свидетельствующих о боевых эпизодах той поры.

"Во время одного из воздушных налетов патрульные Эрнест и Сазонов задержали "сигнальщика", пытавшегося указать гитлеровскими летчикам расположение оборонного завода..."

"На шоссе, ведущем к фронту, красноармейцы Винтов и Туркин, несмотря на вооруженное сопротивление, задержали неизвестного в форме старшего сержанта, оказавшегося вражеским лазутчиком..."

"Патрульный Козинский обратил внимание на подозрительное поведение военнослужащего в форме майора Красной Армии и доставил его в комендатуру. Там было установлено, что это фашистский агент, заброшенный в Москву с диверсионным заданием..."

В дни героической обороны столицы, в условиях участвовавших ожесточенных

налетов фашистской авиации воины продолжали нести боевую службу по охране и обороне важных государственных объектов. Значительная часть нашей экспозиции посвящена именно этому. Вот, например, стенд с рассказом о подвиге часового А. Трифонова.

...Одна из октябрьских ночей 1941 года. Красноармеец Артемий Трифонов стоял на посту по охране важного объекта. Начался очередной (16-й за сутки!) налет. Бомба попала в здание, обвалилась стена. Отброшенный взрывом, получивший ранение А. Трифонов нашел в себе силы вернуться на пост. Очередной взрыв похоронил мужественного воина под обломками здания. Имя его — навечно в списках родного подразделения.

Не только в кровопролитных боях и схватках с вражескими диверсантами проявили себя военнoслужашие соединения. Вот, к примеру, на одном из стендов мы можем увидеть фотографию начальника химической службы одного из мотострелковых полков дивизии военинженера 3 ранга кандидата технических наук К. Салдадзе.

Хорошо понимая первоочередную необходимость успешной борьбы с немецкими танками, военинженер К. Салдадзе предложил более дешевый и надежный способ изготовления горючей смеси, применяемой в огнеметах и "противотанковых бутылках". Во многом благодаря таланту военного ученого истребители танков получили на вооружение грозное средство борьбы с бронированными машинами. К. Салдадзе награжден двумя орденами Красной Звезды, впоследствии стал доктором технических наук.

Признанием заслуг воинов соединения стало их участие в историческом параде на Красной площади 7 ноября 1941 года. От дивизии в параде принимали участие мотострелковые, артиллерийский и кавалерийский полки, танковый батальон. Интересно, что оркестром дирижировал военинтендант 1 ранга дирижер дивизии В. Агапкин, автор известного марша "Прощание славянки..."

... 5 декабря 1941 года наши войска перешли в решительное контрнаступление. В результате кровопролитных боев немецко-фашистские войска были разгромлены и отброшены от столицы на 400 километров. В этой первой крупной победе в Великой Отечественной войне — немалая заслуга воинов прославленного соединения, линия фронта для которых прошла и через огненную передовую, и в глубоком тылу. Более тысячи награжденных высокими государственными наградами — тому наглядное подтверждение!

**Подполковник в отставке
В. ТЮРИН,
начальник музея.**

История, прочитанная заново

ПОД ОХРАНОЙ — РЕПАТРИАНТЫ

Весна 1945 года распахнула ворота немецких лагерей смерти, где томились сотни тысяч узников из разных стран. Но освобождение из фашистской неволи не для всех означало конец страданий и мучений. Многим суждено было пройти новые круги тяжелых испытаний. Советских военнопленных на родине ждали проверки и допросы, месяцы и годы мытарств. По-разному складывалась и судьба военнопленных и интернированных граждан западных стран, освобожденных Красной Армией: кого-то советская сторона сразу передала союзникам, кое-кого отправила в транзитные лагеря для репатрируемых, кто-то оказался в лагерях ГУЛАГа и вернулся домой через много лет, а некоторые сгинули навечно.

Об этой малоизвестной странице истории минувшей войны, имеющей отношение и к служебно-боевой деятельности внутренних войск того периода, наш рассказ.

Судьбы военнопленных и интернированных лиц — советских на Западе, из западных стран в СССР — решались странами антигитлеровской коалиции на самом высоком уровне. Для лидеров великих держав это был нередко предмет политического торга и дипломатической игры. Обсуждая проблемы репатриантов и решая их судьбы, каждая из сторон пыталась извлечь максимальную для себя выгоду, оказать давление на партнера. Разделив поверженную Германию на оккупационные зоны, союзники не спешили вернуть всех бывших узников фашистских лагерей на родину. Более того, как советское руководство, так и наши западные партнеры на основе взаимных соглашений осуществляли крупномасштабные перевозки репатриантов — граждан союзных стран в свои стратегические тылы, в специальные лагеря. Разветвленная

система сборных, пересыльных, провочно-фильтрационных пунктов была создана на территории СССР и стран Восточной Европы. «Подозрительные», иностранцы отсеивались, а остальные направлялись в транзитные лагеря для отправки на родину.

Для союзных военнопленных и интернированных граждан, освобожденных Красной Армией из фашистских лагерей, был создан ряд транзитных лагерей в Бердичеве, Слуцке, г. Старые Дороги, в Городне близ Калинина. Именно сюда с конца февраля 1945 года потянулись эшелоны с узниками-иностранцами. Главным перевалочным пунктом на пути домой, «южными воротами», из ада многолетней неволи стала Одесса. Здесь, на Черноморском побережье, в крупном морском порту на основе соглашения союзных государств в соответствии с указаниями Главного управления по делам военнопленных и интернированных граждан (ГУПВИ) НКВД СССР и директивой Генерального штаба Красной Армии, а также решениями военного совета Одесского военного округа в феврале — апреле 1945 года были образованы три транзитных лагеря для освобожденных военнопленных и граждан союзных стран. По замыслу советской стороны, в эти лагеря должны были быть собраны все граждане США, Великобритании, Франции после их освобождения из немецкого лагеря с целью последующей отправки на родину. Но с самого начала функционирования лагерей стало ясно, что при выполнении этой задачи не избежать и решения другой проблемы — поэтапной репатриации на родину военнопленных и интернированных лиц стран бывшего фашистского блока: итальянцев, венгров, австрийцев, японцев и, наконец, самих немцев. В этой связи транзитные лагеря № 138 и № 139 были ориентированы в основном на работу с гражданами союзных стран. Закончилась она уже к осени 1945 года. Лагерь № 186 отправлял граждан других государств и

просуществовал до начала 1947 года. Вместимость каждого из трех одесских лагерей определялась в 5 тысяч человек "спецконтингента".

Деятельностью лагерей руководил аппарат Уполномоченного при СНК СССР по делам репатриации, координировавший свою работу с Главным управлением по делам военнопленных и интернированных граждан НКВД СССР. На войска Красной Армии возлагались задачи по перевозке репатриантов из немецких лагерей, расположенных в Восточной Европе, в Одессу, их охрана в транзитных лагерях и при отправке на родину. Войска НКВД решали задачи по конвоированию иностранных военнопленных и граждан из внутренних лагерей СССР в Одессу, а также по охране иностранцев, не прошедших проверку в транзитных лагерях и вновь направляемых в места лишения свободы или в отдельные рабочие батальоны военнопленных, используемые при восстановлении объектов народного хозяйства. К примеру, в районе Одессы под охраной НКВД были спецлагерь № 6 и 3-й отдельный рабочий батальон, в организационном плане замыкавшиеся на отдел по делам военнопленных УНКВД по Одесской области.

Деятельность лагерей находилась под пристальным вниманием и контролем соответствующих миссий США, Великобритании и Франции. В Одессе было даже учреждено представительство французской миссии.

Положением своих военнопленных интересовались и главы союзных государств. Показателен в этом отношении ответ И. Сталина президенту США Ф. Рузвельту, датированный 5 марта 1945 года: "В настоящее время специально созданный Советским правительством аппарат по делам иностранных военнопленных располагает соответствующим количеством людей, транспортных средств и продовольствия, и каждый раз, когда обнаруживаются новые партии американских военнопленных, незамедлительно принимаются меры к оказанию помощи этим военнопленным и к их эвакуации в сборные пункты для последующей репатриации. По сведениям, которыми располагает Советское правительство на сегодняшний день, на территории Польши и в других местах, освобожденных Красной Армией, нет скопления американских военнопленных, так как они все, за исключением одиночных больных, которые находятся в госпиталях, направлены в сборный пункт в Одессе, куда уже прибыло 1200 американских военнопленных и в ближайшее время ожидается прибытие остальных".

Архивные материалы свидетельствуют, что только через одесские транзитные лагеря за 1943–1947 гг. произошло в общей сложности около 100 тысяч иностранных военнопленных и интернированных граждан из более чем 35 стран мира. Самую большую группу репатри-

антов составили французы — их насчитывалось свыше 40 тысяч человек. Одесса стала последним рубежом на пути домой для 4 тысяч бельгийцев, 3 тысяч англичан, 2,5 тысячи американцев, 2 тысячи голландцев. Были в этом нескончаемом людском потоке не только мужчины, но и женщины, даже дети. Среди репатриантов оказались офицеры и солдаты американской и английской армий, высадившиеся в Западной Европе и попавшие в немецкий плен в 1944–1945 гг.; плененные в 1940 г. военнослужащие французской армии; почти весь генералитет бельгийской армии во главе с начальником штаба генерал-лейтенантом Берженом; освобожденные Красной Армией из гитлеровских концлагерей голландские партизаны; итальянцы, отказавшиеся воевать на стороне вермахта; десятки тысяч иностранцев — узников фашистских лагерей; согнанные войной с родных мест жители стран Восточной Европы и даже 58 иностранных дипломатов — работников посольств различных стран из поверженного Берлина.

Среди прибывающих в одесские лагеря иностранцев было немало людей изможденных, обессиленных, больных. Многие сразу направлялись в госпиталь. Так, в октябре 1945 года двадцать три человека — голландцы, югославы, чехи, поляки, венгры, румыны — с диагнозом "дистрофия", нуждались в серьезном лечении. Десять английских солдат с психическими расстройствами (последствия гитлеровского плена) почти сразу же были отправлены на родину.

По неполным данным, в Одессе только в 1945 году умерло 17 иностранцев, в том числе 13 человек — в госпиталях. После войны часть их могил, разбросанных по одесским кладбищам, была найдена, останки репатриантов вывезены для перезахоронения на родину. Некоторые могилы не найдены до сих пор.

Скупые, бесстрастные строчки архивных документов напоминают и о других трагических судьбах. "Рядовой Н. Паурамуа, 1923 года рождения, подданный США, убит часовым в момент, когда вскочил в запрещенный вагон в пути от города Рембертов до Одессы, — налицо попытка уйти из-под охраны, о побудительных мотивах отчаянного побега можно только догадываться..."

Здесь самое время отметить, что транзитные лагеря для репатрируемых граждан не имели ничего общего с уютным стереотипом фашистских концлагерей или учреждениями ГУЛАГа. В качестве помещений для репатриантов были выделены, пожалуй, лучшие здания послевоенной Одессы — санатории (!), школы, жилые дома. Репатрианты размещались в комнатах, как правило, по национальному признаку, офицеры отдельно от рядового состава. Постельные принадлежности —

строго на каждого. По принципу самообслуживания производилась уборка, поддерживался порядок. Все военнопленные сводились в подразделения по национальному признаку во главе со старшим.

По договоренности с союзниками военнопленные и интернированные граждане союзных государств по нормам довольствия — продовольственного, вещевого, медицинского, денежного — приравнивались к военнослужащим Красной Армии. Получая взамен обветшалой лагерной одежды форму советских воинов, иностранцы, как отмечается в архивных документах, имели «ярко выраженное желание надеть форму и знаки различия Красной Армии на память об армии-освободительнице». Согласно постановлениям Совнаркома СССР военнопленные союзных стран получали ежемесячно карманные деньги в суммах, соответствующих окладам за воинские звания в Красной Армии: рядовому составу — 25 рублей, сержантскому и старшинскому составу — 30–35 рублей, младшему офицерскому составу — 65–150 рублей, старшему офицерскому составу — 180–275 рублей, генералам — 350 рублей, интернированным гражданам — 65 рублей.

К числу союзных нам государств советское руководство относило США, Великобританию, Францию, Польшу, Чехословакию, Югославию, Норвегию, Бельгию и Голландию. Выплату денег военнопленным других государств производить запрещалось. И лишь 23 октября 1945 года последовало директивное письмо Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, где эти ограничения были сняты: «Всех репатриантов не союзных нам государств обслуживать и обеспечивать питанием, обмундированием и другими видами довольствия наравне с союзными репатриантами».

Питание всех репатриантов в транзитных лагерях было организовано по норме N 2 и особых нареканий со стороны иностранцев не вызывало. На карманные деньги они могли покупать себе дополнительные продукты питания в военоторговских палатках и магазинах. В качестве недостатков в документах того времени отмечаются: скудость рациона для беременных женщин и детей в транзитных лагерях (отсутствие молока) и отсутствие пива и вина (!) в военоторговских лавках при лагерях.

Внутренняя жизнь в жилых помещениях-санаториях транзитных лагерей строилась в соответствии с требованиями советских воинских уставов, по единому расписанию дня, предусматривавшему и личное время, и восьмичасовой сон. Были даже политинформации, которые носили очень часто формальный характер, сводились к сообщениям о важнейших событиях в мире и СССР. Лагерной администрации запрещалось проводить агитацию, склоняющую репатриантов к невозвраще-

нию на родину, или пропаганду по преувеличению вклада СССР в войну в ущерб союзникам. Репатрианты, кроме того, имели возможность слушать радио.

Сохранившиеся в архивах документы довольно подробно рассказывают о жизни и быте репатриантов в одесских лагерях, их взаимоотношениях с советскими гражданами. Показательно в этом смысле приказание отдела репатриации при военном совете Одесского военного округа N 03 от 30 мая 1945 года: «Несмотря на ряд моих распоряжений, — отмечает начальник этого отдела полковник Доможиров, — воспретить всякий выход с территории лагерей в город всем союзным военнопленным и интернированным лицам, до сих пор серьезных мер в ликвидации этого беспорядка комендантами лагерей не принято. Союзные военнопленные и граждане продолжают ходить по городу в одиночку и группами как в дневное, так и в ночное время в нетрезвом виде, устраивают дебоши, заводят знакомство с советскими девушками». Вот такой был «режим»...

Для поддержания дисциплины среди французских военнопленных, которых было особенно много в Одессе, французская военная миссия даже вышла с ходатайством перед советскими властями об организации специальной гауптвахты при транзитных лагерях. С 1 июня 1945 года такая гауптвахта была организована. Она находилась в ведении старших французских офицеров, причем охрану ее несли часовые из состава французских репатриантов, для чего им были выданы две винтовки без патронов.

Несмотря на строгие запреты, военнопленные в лагерях имели довольно много возможностей контактировать с советскими гражданами — обслуживающим персоналом лагерей, жителями окрестных домов, случайными прохожими. Часто такие контакты выливались в сделки по купле-продаже вещевого имущества. Нередки в лагерях были и случаи воровства как среди репатриантов, так и со стороны «гостей».

Культурные мероприятия с репатриантами сводились в основном к показу кинофильмов и устройству концертов художественной самодеятельности. С марта 1945 года специальной шифротелеграммой из Москвы были разрешены коллективные экскурсии союзных военнопленных по городу, а также коллективные посещения театров при обязательном сопровождении советского офицера. Некоторым группам репатриантов посчастливилось даже посетить знаменитый Одесский театр оперы и балета.

Сроки пребывания репатриантов в одесских транзитных лагерях были различны — от нескольких дней до нескольких месяцев. Они определялись, с одной стороны, сроками убытия за рубеж морских судов и железнодорожных

зшелонов, а с другой стороны, ходом проверки репатриантов органами НКВД и Смершем. В среднем иностранцы проводили в Одессе 2–3 месяца и в абсолютном своем большинстве возвращались после долгих лет скитаний домой.

Военнопленные и интернированные граждане союзных государств прибывали в одесские транзитные лагеря, как правило, большими партиями с сопровождающими советскими представителями. Вместе с ними поступали проверочно-фильтрационные дела на военнопленных, в которые подшивались протоколы допросов, анкеты с фотографиями и отпечатками пальцев, другие документы, удостоверяющие личность военнопленного, а также характеристики. Все эти документы в очередной раз тщательно изучались органами НКВД и специально созданными комиссиями при транзитных лагерях на предмет выявления среди них военных преступников, иностранных шпионов и агентов. Выявлялись и такие. Например, в июне – июле 1945 года в транзитном лагере № 195 (Старые Дороги, Барановичский военный округ) среди французоз 5-го батальона, направляемых в Одессу, органы выявили троих немцев, выдававших себя за французоз: Боса Фредерика, Нольдена Шарля и Бейшерта Отто, а также одного французоз-гестаповца Жюстина Андре. Все они были направлены в Бобруйский лагерь НКВД.

27 июня 1945 года во все одесские транзитные лагеря поступила ориентировка: “Немедленно проверьте по спискам лагеря, не числится ли польский партизан, родившийся в Париже в 1908 году, Доушник Блостен Рихард. По имеющимся данным, он является агентом английской разведки. При обнаружении немедленно задержать. Если убыл, узнать, когда, куда, на каком корабле... Неделей раньше пришел другой запрос: “Проверьте в лагере французоз Бренна, именовавшего себя лейтенантом французской армии. Он немец, шпион. При обнаружении немедленно задержать и арестовать. Если убыл, сообщить, когда, куда и на каком транспорте. Приметы: рост – 165–170 см, шатен, глаза с поволокой, узкие. Может скрываться и под другой фамилией. Ответ представьте не позже 22 июня 1945 года...”

Раскрывая это дело, органы нашли в транзитном лагере N 139 нужную им информацию, в Смерш Одесского военного округа поступило донесение: “Бренн Мишель, 1919 года рождения, старший лейтенант. Прибыл в лагерь № 139 9 мая 1945 года из комендатуры № 130, гор.Рембертов, 1-й Белорусский фронт, во главе группы из 10 человек. Бренн именовав себя старшим лейтенантом, кадровым офицером французской армии, служившим во французских войсках на Дальнем Востоке. Утверждал, что награжден двумя

или тремя советскими орденами, но по каким-то причинам их еще не получил. Ходатайствовал перед французской военной миссией в Одессе об их получении и высылке ему. Его рост примерно 164–165 см, брюнет. Хорошо владеет французским, испанским и русским языками. Выбыл 22 мая с.г. на английском корабле „Арава”.

Из личной карточки: место рождения Дюнкерк. Находился в плену – Германия, лагерь 10-А Клерштельзеерфельд. В комендатуру N 130 (1-й Белорусский фронт, г.Рембертов) прибыл из города Данциг 1 мая 1945 года.”

Наряду с тщательной проверочной работой органы НКВД выполняли задачи по пресечению побегов иностранных граждан из лагерей и поиску так называемых дезертиров из лагерей для иностранцев. Кто же были эти дезертиры?

Побеги совершали те, кто знал за собой вину и привлек внимание органов НКВД или Смерша. К этой категории относились, например, те французы, которые воевали в составе эсэсовских и вспомогательных частей на стороне фашистской Германии, прежде всего эльзасцы и лотарингцы. Под этой маркой нередко скрывались военнопленные немцы, и проверка этой категории пленных была более тщательной.

Иностранцы, по тем или иным причинам вызвавшие подозрение советских проверочных органов, попадали в конце концов в 3-й одесский рабочий батальон НКВД, а при наличии достаточно веских оснований – в лагерь ГУЛАГа. Среди таких иностранцев были лица германского подданства, а также граждане Австрии, Испании и даже Исландии, Швеции, Швейцарии. Их возвращение домой, естественно, откладывалось на неопределенное время.

Тяжелая участь репатриантов выпала и на долю женщин разных национальностей из многих, в основном пограничных с СССР, государств: Румынии, Польши, Венгрии, Чехословакии. Разными путями они попадали в Советский Союз: легально и нелегально, добровольно и принудительно. Но дорога на родину для всех была одна – через транзитные лагеря для репатриантов.

Особую группу женщин в транзитных лагерях для репатриантов составляли иностранноподданные – жены и невесты советских солдат и офицеров, брошенные своими избранниками на советской территории. Попадали они в Советский Союз часто нелегально вместе с советскими войсками, вышедшими после победы из стран Восточной Европы. Кое-кто из них нашел семейное счастье вдали от родного дома, но других ожидало разочарование, горькое отрезвление и скитальческая судьба репатриантки.

Зинаида Колбан, 19-летняя румынка, прибыла в СССР из города Яссы вместе со своим мужем – красноармейцем Худайбергеновым. После демобилизации мужа отправилась с ним в далекий Ка-

захстан, но вскоре развелась и оказалась в транзитном лагере для репатрируемых в Одессе. Целый год продолжалась скитания молодой румынки в нашей стране, и наконец после тщательных проверок органами НКВД Зинаида в сентябре 1946 года уехала домой. А в советских архивах осталось соответствующее проверочно-фильтрационное дело на З. Колбан.

Не просто сложилась судьба тех женщин, которые вышли замуж за иностранцев — бывших военнопленных союзных держав, репатрируемых из СССР домой через Одессу. Среди них были гражданки разных стран мира, в основном из стран Восточной Европы. Естественно, брак не всегда оформлялся, не всегда были на руках даже какие-либо документы, а значит, с формальной точки зрения, таких семей не существовало.

Именно поэтому мужья, а среди них было особенно много французских репатриантов, направлялись из одесских транзитных лагерей в свои страны, а жены — в свои родные места, иногда совсем в другую сторону.

Конечным моментом репатриации иностранных граждан союзных и несоюзных нам стран была отправка. Возвращение на родину для них было возможно двумя основными путями: морским и железнодорожным. Военнопленные и интернированные граждане союзных стран были отправлены домой в основном морским путем уже в 1945 году.

С каким настроением покидали они СССР? Конечно, в волнении от скорой встречи с домом. Как будут вспоминать второй « плен »? Об этом тоже говорят архивные находки.

«Впечатления капитана де Молле, старшего группы французов, освобожденных Красной Армией и находящихся сейчас в Одессе, в помещении санатория.»

Одесса является для французов, освобожденных Красной Армией, не только последней станцией перед их отправкой во Францию, но и последним контактом между народами двух великих союзных государств.

В прекрасных условиях, в хорошем климате доживают французы последние дни перед отправкой на родину. Они тронуты гостеприимством и благожелательностью, которыми были окружены здесь. Советское командование делает все возможное, чтобы как можно лучше украсить последние дни их пребывания в Одессе. За частые кинокартины, джаз, концерты в лагере и в городе французы искренне благодарны.

Французские офицеры и солдаты, освобожденные Красной Армией, перед своим отъездом хотя и выразили свою глубокую признательность героям Красной Армии, которые, проливая свою кровь на полях сражений, отстояли свободу не только своей страны, но и всего мира.

Капитан де Молле.

Одесса, 21 июня 1945 года.»

На каждую команду, убывающую из лагеря, составлялись именные списки в двух экземплярах, один из которых

передавался сопровождающим лицам, а второй оставался в лагере. При погрузке на пароход или в эшелон присутствовали лагерная администрация, представители Смерша, погранвойск и иностранных военных миссий. Перед посадкой на пароход или в эшелон проводился краткий митинг, устраивался праздничный концерт. Все репатрианты предварительно обязательно проходили медицинский осмотр и санобработку.

Несмотря на строгости учета и передачи репатриантов представителям союзных стран на пароходы, иногда иностранцам удавалось проникать на суда бесконтрольно и даже пронести в своих личных вещах своих «жен», и подруг.

При отправке репатриантов железнодорожным транспортом в качестве сопровождающих назначались команды из состава комендантских взводов транзитных лагерей или воинских частей окружного подчинения. В их задачу входило доставить партии репатрируемых в страны Восточной Европы и передать их соответствующим советским комендантам.

Всего из одесского морского порта в Европу и Америку только в период с 7 марта по 10 августа 1945 года было отправлено 35 американских, английских, норвежских и голландских пароходов и транспортов, на каждом из которых находилось от 2 до 3 тысяч репатриантов. С железнодорожной станции Одесса-Сортировочная летом 1945 года в страны Восточной Европы было отправлено 6 железнодорожных эшелонов с иностранными военнопленными и интернированными гражданами и около сотни отдельных команд репатриантов было отправлено в последующий период.

Так закончилась для многих десятков тысяч французов, американцев, англичан, граждан стран Восточной Европы долгая, полная трудностей и лишений дорога из плена, рабства и неволи домой.

Много пришлось пережить им в фашистских концлагерях, испытать радость освобождения и долгие месяцы изнывать в ожидании отправки домой в советских лагерях и сборных пунктах. Кто-то из них сохранил в душе теплые воспоминания о пребывании на советской земле, кто-то на долгие годы озлобился. Но память об этой стороне второй мировой войны, об этой странице взаимоотношений СССР с союзниками по антигитлеровской коалиции сохраняется.

Подполковник И. ПОПОВ,
кандидат исторических наук,
подполковник А. ПОЧТАРЕВ —
научные сотрудники
Института военной истории
Министерства обороны
Российской Федерации.

А было так...

"НАРОД ДОЛЖЕН ЗНАТЬ..."

"Уважаемая редакция! С интересом прочитал главы нового романа Овидия Горчакова "Вне закона". Я давно слежу за творчеством этого писателя, стараюсь не пропускать его вещей, основанных на исторических реалиях, строго задокументированных.

А пишу я вам вот по какому поводу. В свое время в вашем же журнале прочел документальную повесть Горчакова о генерале Строкаче, разоблачавшем Берию и его приспешников. В ней Овидий Александрович ссылался на письмо генерала, направленное в 1953 году в ЦК партии. А нельзя ли целиком опубликовать этот документ. Думается, что сегодня это было бы очень полезно, так как вышедшая недавно книга сына Берии, ряд телепередач и газетных выступлений пытаются смягчить и очеловечить облик этого палача. Старший лейтенант Павел Митягин."

С этой просьбой мы познакомили автора публиковавшейся у нас повести, и Овидий Александрович Горчаков ответил: "Есть не только это письмо, есть и нигде еще не публиковавшиеся дневниковые записи Строкача, которые наверняка представят интерес для читателя". Согласился он их и прокомментировать.

ПЕРЕДО МНОЙ записная книжка Тимофея Амвросиевича Строкача. Многие записи в ней очень интересны и имеют непосредственное отношение к событиям, изложенным мною в повести. Цитирую выборочно:

"6. VII. 54 г. приступил к работе. Отпуск прошел хорошо, но здоровье не подлечил. Чувствую себя плохо, простыл, не могу войти в нормальную колею. 1953 год не прошел бесследно, здоровье пошатнулось сильно. Только благодаря бдительности ЦК КПСС, вовремя разоблачившего злейшего врага народа Берию, мне суждено жить и ра-

ботать на благо нашей Родины. Это большое счастье!

Июнь 1956 г. Получил приказ МВД СССР и постановление Совета Министров СССР о назначении меня на должность заместителя министра внутренних дел СССР.

Провел совещание руководящего состава и секретарей парторганизаций МВД УССР, на котором объявил постановление Совмина СССР и приказ МВД СССР о моем новом назначении. Поблагодарил всех собравшихся за совместную работу. Хотел сказать несколько слов на прощание, но спазмы сжали сердце, слезы потекли у меня, еле-еле овладел собой. Без слов пожал всем руки, извинился, что нервы подводят, не дают говорить, пожелал всего наилучшего. На этом закончилось мое последнее совещание в МВД УССР.

С октября 1933 г. по июль 1956 г. — 22 года 9 месяцев моей жизни работал на Украине. Из них 15 — в министерстве. Сколько пережито чрезвычайно волнующих событий! Не случайно не выдержали нервы...

39-ю годовщину Великой Октябрьской революции провожу в первой Кремлевской больнице, где с 5. XI лежу по поводу стенокардии.

Хотелось бы кое-что записать для памяти, но нет сил, болит сердце, ежедневные приступы стенокардии и бессонница разрушают мое здоровье. Мобилизую все свои усилия, но пока безрезультатно.

19 марта 1963 г. Этими днями марта были у меня два журналиста московских. Один — Вл. Павлов из журнала "Огонек", второй — Овидий Горчаков из газеты "Известия". Предложили мне рассказать о разоблачении банды Берии и его подручных. Долго колебался, но потом решился и рассказал... Я очень переживал. Поймут ли меня люди, а также те, от кого зависит разре-

шение на опубликование. Как бы меня ни поняли, но я думаю, что народ должен знать, какой страшный и опасный враг был Берия для нашего народа, для нашей страны...»

БЕСЕДЫ с генералом Строкачем нам запомнились на всю жизнь. Говорил он медленно, взвешивая каждую мысль, так что мы успевали записывать его речь почти стенографически. Логика его была железной, чувствовалось, что он продумал каждое слово. Ни одного суетливого жеста, никакой игры «на публику». Я бы мог упрекнуть его только в том, что, будучи сыном своего времени и генералом «молчаливой» службы, он ни на минуту не забывал о самоцензуре. Довольно редко добавлял, что какой-то пассаж не для печати, и это, естественно, коробило нас, журналистов.

Навсегда запомнилось, например, такое его заявление: «Конечно, чистку в органах мы провели большую, но далеко не исчерпывающую, сразу заменить все кадры бериевской школы оказалось невозможно. Тем более что в его кресло сел его бывший заместитель генерал Серов. Это так. Каждый день вижу я на Крещатике, на улицах, по которым предпочитаю ходить пешком, знакомых отставников, вижу их ненавидящие, жаждущие реванша глаза. Эти глаза уволенных из органов горят местью. И они не всегда прячут свои чувства, хотя, угодники и подхалимы, деланно улыбаются, здороваются. Но они явно угрожают нам расправой, мол, их час скоро пробьет, и они сведут с нами счеты».

Строкач считал крайне вредным тот вздорный миф, будто истинными виновниками ежовщины и бериевщины были агенты иностранных разведок, «кроты», внедрившиеся в систему НКВД и ГУЛАГа. В том-то и вся трагедия, что эти оборотни и вурдалаки имели чистейшие анкеты. Но, попав (нередко с партийной или комсомольской путевкой) сюда, они быстро превращались в опричников с партбилетами и значками почетных чекистов, с медалями и орденами. Множество имен этих заплеванных дел мастеров уже известно народу. Вечное им проклятье!

Но были и другие, настоящие чекисты.

Только сейчас узнаем мы о многих подлинных героях. Так, генерал-лейтенант юстиции в отставке Б. А. Виктороз рассказал в августе 1988 года в «Комсомольской правде», что семьдесят четыре военных прокурора в 1937 году, отлично понимая, чем это им грозит, наотрез отказались дать санкции на незаконные аресты. Среди них — П. Войтеко, И. Гай, А. Гродко, В. Малкис,

И. Стурман, Г. Суслов... Всех репрессировал Ежов. Берия расправился с Ежовым и ежовцами, оставив на службе лишь самых способных «липачей», которые могли выбить (в прямом смысле) любые признания и показания из подсудимых. Первым в списке этих мастеров числился Мешик, за ним шли Влодзимирский, Ушаков (Ушимирский)...

«Н. С. Хрущев, — говорил Строкач, — сделал великое дело: отменил Особое совещание».

Это было судилище без суда и защиты, введенное царем Александром III. Правда, царское Особое совещание было лишено права выносить смертные приговоры. Сталин милостиво даровал это право своему Особому совещанию, обязав его работать ударно, по-стахановски: за четыре часа оно «рассматривало» около 800 дел!

Чекист Зиновий Глебов заслуживает отдельной новости... Глебов отказался не только выбить, но и просто взять показания у двух героев гражданской войны Тухачевского и Корка на третьего героя — комдива Сергеева. Он же стремился привлечь к судебной ответственности... Кобулова и Багирова — подручных Берии! Его постигла судьба тех, кто верил в честь и правду.

Начальник УНКВД Дальневосточного края Т. Дерибас, член партии с 1903 года, кавалер ордена Ленина и двух орденов Красного Знамени, кандидат из члены ЦК ВКП(б), обвинил следователя Арнольдова в фальсификации показаний арестованного как «троцкиста», председателя крайисполкома Крутова, отказался санкционировать арест этого честного человека. И его постигла судьба тех, кто проявил «нежелание вести борьбу с врагами народа».

Знаменитый чекист Роман Александрович Пиляр известен миллионам по телесериалу «Операция «Трест», а также по документальным книгам. Он был одним из основных участников операции по захвату Бориса Савинкова и знаменитого британского агента Сиднея Джорджа Рейли. С помощью Пиляра бурная карьера Савинкова кончилась в 1924 году, а Рейли — в 1925-м. В партию Пиляр вступил в 1918-м, тогда же стал помощником Дзержинского, работал рука об руку с А. А. Артузовым. Вел он дело Марии Захарченко и Георгия Радковича, агентов белого генерала Кутепова, которые пытались взорвать здание ОГПУ на Лубянке.

В 1937 году Пиляр возглавлял УНКВД Саратовской области. Генеральный комиссар госбезопасности Ежов вызвал его в Москву и начал распекавать за нерешительную борьбу с «врагами народа». «Кого надо, того арестовали», — дерзко отвечал Пиляр. Он отказывался

арестовывать безо всякого основания безвинных людей. Ежов обвинил его в шпионаже в пользу иностранных разведок, а заодно и в терроризме.

Старый чекист, соратник Дзержинского Михаил Сергеевич Кедров вступил в партию в 1901 году. В 1904 году он участвовал в знаменитой операции большевистских боевиков: в подкопе под башню Таганской тюрьмы, чтобы устроить побег Николаю Бауману. Организовывал боевые дружины. После Октябрьской революции был членом коллегии Наркомвоенмора Троцкого. В 1918-24 годах — председатель Особого отдела ВЧК...

Сын Кедрова пошел по стопам своего отца — поступил на службу в НКВД. Будучи бескомпромиссным, написал в правительство письмо о перегибах в органах. За это арестовали его, затем отца. Напрасно писал Кедров-старший Молотову о пытках. Ноль внимания...

Сломить Кедрова-отца, заставить его подписать ложные показания, признать себя шпионом не удалось, и суд оправдал его и освободил — чудо того времени!

Но тогда взбешенный Берия лично распорядился расстрелять Кедрова без суда и следствия. А было это уже в 1941 году, когда таким людям, как Кедров, Артузов, Берзин, просто цены не было.

Мы сейчас не только говорим о гласности, ощущаем ее в повседневности, мы привыкли к ней. А ведь не так давно слова даже самого Ленина Сталин "упек", за стальные врата, за бронированные двери "государственных тайн", в архивохранилищах. И лежали там неопровержимые документы. Архивы пережили супостатов, и в этом залог запоздалого возрождения нашей отечественной историографии.

В конце 50-х годов, работая над первой своей книгой "Вызываем огонь на себя", я впервые столкнулся с нашим архивным делом. Прошел XX съезд партии, наступила "оттепель", тронулись льды, но торосы этих льдов еще громоздились. Я принадлежал к первому отряду "ледолазов", вместе со своим другом Сергеем Смирновым, с Юрием Корольковым, Владимиром Богомоловым, Валентином Томинным, Петром Вершигорой... Нас встречали в штыки. Так, в папке партизанских отчетов, выданной мне в смоленском партизанском архиве (а я партизан был из Смоленщины!), мне "законвертировали" запретные страницы. Их было большинство. Я заглянул в одну из них: "Партработа в партизанской бригаде". Потом неделю или две держали мои блокноты с записями. Большую часть зачеркнули густо-фиолетовыми чернилами. Тайной оказались расположение лагерей, маршруты диверсионных групп, агентурные связи с населе-

нием... Когда я потребовал объяснений, мне нехотя показали инструкцию, подписанную... одним из писарей Берии!

Из смоленского архива я вернулся в Москву со стопкой блокнотов, исчерканных и настолько изрезанных ножницами, что они походили на груды серпантина. КПД моего поиска чуть не свелся к нулю. А потом, когда вышла книга "Вызываем огонь на себя", а за ней и одноименный телесериал, смолене не отрывались от голубых экранов, не подозревая, какой урон причинил и книге, и телефильму архивариус партизанского архива Смоленска.

Волосы встают дыбом, когда подумаешь, сколько фактов и документов недодали писателям подобные деятели.

Забываясь неустанно не о благе народа, а о своем имидже (сейчас это американское словечко вошло в наш языковой обиход) и осознав магическую охранительную силу секретности, сокращения правды, Сталин разрешил всем ведомствам произвольно засекречивать любой и всякий документ грифом "ДСП", — для служебного пользования. Придя к власти, Хрущев снял этот гриф и все прочие запретные грифы, указав на необходимость реабилитации невинно осужденных жертв сталинских репрессий. Это был еще один подвиг Хрущева, закономерно вытекавший из первого и главного подвига — разоблачения Сталина на XX съезде: он сломал страшную печать на устах правды. Но после Хрущева опять всячески стала восстанавливаться сверхсекретность. Потому писали мы, первые документалисты, книги о героике Великой Отечественной в основном по личным архивам уцелевших ветеранов и героев войны, по записям их воспоминаний. А горы архивных документов оставались вне поля нашего зрения.

После того как руководящие работники КГБ прочитали мою повесть "Совесть коммуниста", и просмотрели снятый по ней в Киеве документальный кинофильм "Я шел на верную смерть", они (впервые в моей практике) пригласили меня в конце декабря 1988 года на Лубянку и вручили поистине исторический документ — то самое письмо, посланное Строчаком Хрущеву в 1953 году. В нем он обличал Берию не как князь Курбский Ивана Грозного — из зарубежья — а лежа на больничной кровати в больнице КГБ, рядом с Лубянской. Тогда он не знал, доживет ли до следующего утра, увидит ли снова свою семью в Киеве. Вот оно:

"ЦК КПСС

товарищу Хрущеву Н.С.

от члена КПСС СТРОКАЧА Т.А.

партилет N....

Считаю своим долгом как член партии до-

ложить Вам, Никита Сергеевич, о некоторых неправильных, на мой взгляд, антипартийных действиях министра внутренних дел УССР Мешика П.Я.

В апреле с.г. Мешик дал мне как начальнику областного управления МВД по Львовской области указание собрать и донести в МВД УССР сведения о национальном составе руководящих кадров партийных органов, начиная от парторганизаций колхозов, предпрятий, и до обкома партии включительно. Одновременно Мешик предложил сообщить о недостатках работы партийных органов в колхозах, на предприятиях, в учебных заведениях, среди интеллигенции и среди молодежи.

Считая такие указания неправильными, так как органы МВД не должны и не имеют права проверять работу партийных органов, я позвонил по ВЧ лично Мешику и проверил, действительно ли он дал такое указание. Мешик подтвердил, что это его указание, и потребовал ускорить исполнение. Думая, что Мешик по ошибке или по неопытности дал такое указание, я попытался убедить его, что собирать такие сведения о работе партийных органов через органы МВД недопустимо. Мешик обрушился на меня с ругательствами и с большим раздражением сказал так: "Тебе вообще наших чекистских секретных заданий нельзя поручать, ты сейчас же пойдешь в обком и доложишь о них секретарю, но знай, что это задание Берии и с выполнением его тянуть нельзя, погудите с выполнением его сегодня же". Я не поверил Мешику, что это задание исходит от Берии, так как считал, что Берия как член Президиума ЦК КПСС в любое время может такие данные получить в ЦК КПСС или в ЦК КП Украины.

Руководствуясь своим партийным долгом, я доложил секретарю обкома партии т.Сердюку о полученном мною от Мешика таком явно неправильном указании. Тов.Сердюк возмутился действиями Мешика и тут же немедленно при мне доложил об этом секретарю ЦК КП Украины т.Мельникову. Что ответил т.Мельников т.Сердюку и как т.Мельников на это реагировал, я не знаю.

В этот же день, вечером, мне во Львов позвонил Берия и сказал дословно следующее: "Что вы там делаете, вы ничего не понимаете, зачем вы пошли в обком партии и рассказали Сердюку о полученном вами задании. Вместо оказания помощи вы подставляете ножку Мешику. Мы вас выгоним из органов, арестуем и сгноим в лагерях, мы вас сотрем в порошок, в лагерную пыль вас превратим". И далее Берия в состоянии сильного раздражения несколько раз повторил следующее: "Ты понял это или нет, понял, понял? Так вот учи". На мои попытки объяснить по этому вопросу Берия не стал меня слушать и положил трубку.

Этот разговор с Берией по телефону вызвал у меня как члена партии большое удивление и недоумение. Я подумал, что Берия так резко разговаривал и сделал мне такое серьезное замечание только потому, что министр внутренних дел УССР Мешик, наверно, тенденциозно доложил Берии о том, что я обратился в обком партии. Будучи убежденным в правиль-

ности своих действий, я пытался найти пути для того, чтобы объяснить с Берией и выяснить, что же мне делать. Я доложил секретарю ЦК КП Украины т.Мельникову о полученном мною замечании от Берии и просил его вмешательства и защиты. При этом я т.Мельникову сказал, что бы со мной случилось, никакие угрозы, никто и никогда не заставит меня делать что-либо антипартийное. Я был и всегда буду предан нашей партии и за партию готов в любое время отдать свою жизнь. Мельников успокаивал меня, рекомендовал мне не волноваться. Он мне сказал: "Вас ЦК КП Украины знает, вам доверяет и никогда вас в обиду не даст. Нам известно, что вас во Львове хорошо приняли, вашей работой довольны, и вы спокойно работайте".

Несмотря на это, без всякого к тому повода, МВД СССР 12 июня с.г. меня сняло с должности начальника УМВД и отозвало в Москву. На мою просьбу оставить меня работать на Украине мне категорически в этом отказали.

О непартийном поведении министра внутренних дел УССР Мешика свидетельствуют еще и такие факты: Мешик, зная о разговоре Берии со мной, дважды напомнил мне: "Ну как, попало тебе от Берии? Впредь будешь умнее". Далее Мешик в издевательской форме говорил мне буквально следующее: "А т.Мельников — секретарь ЦК — плохой чекист. Он тебя как шпиона ЦК сразу выдал, звонит мне, — продолжал Мешик, — и прямо говорит, что Строкач доложил секретарю обкома Сердюку о том, что я, Мешик, собираю сведения о партийных органах. Разве так можно расконспирировать свою агентуру?" Меня этот разговор Мешика удивил, и я считаю его не случайным.

Характерно, что и заместитель министра внутренних дел УССР Мильштейн вел такие же разговоры. Например, в марте с.г. он мне и т.Ивашутину, бывшему заместителю министра внутренних дел УССР, говорил, что теперь все будет по-новому, партийные органы не будут вмешиваться так, как это было раньше, в работу чекистских органов. Начальники УМВД областей должны быть и будут независимы от секретаря обкома партии.

Находясь в Москве с 15 июня с.г., я несколько раз просил Берию и его заместителя Кобулова Б.З. принять меня для личного объяснения, но безрезультатно, всякий раз мне в этом отказывали. Зная особую приближенность к руководству МВД СССР генерал-лейтенанта Кобулова А.З. (брат заместителя министра Кобулова Б.З.), я однажды зашел к нему и рассказал о том, что меня сняли с работы и что я до сих пор не могу получить назначения, просил его совета. Генерал Кобулов А.З. сказал мне, что он обо всем осведомлен и также упрекал меня в неправильных моих действиях, выразившихся в том, что я доложил секретарю обкома партии о полученных мною указаниях от Мешика. "Вы, — сказал Кобулов, — не учли того, что к руководству МВД СССР пришел Берия и что теперь органы МВД не будут в такой зависимости от партийных органов, как это было раньше. Вы не представляете себе, какими правами пользуется Берия. Он решительно

сломает все старые порядки не только в нашей стране, но и в демократических странах. Не надо бояться, что начальник УМВД или министр республики попадет в опалу перед партийными органами. Вот вам свежий пример: г.Мельников — секретарь ЦК КП Украины — напоролся на Мешика и полетел, полетел даже несмотря на то, что он был в Президиуме ЦК КПСС”.

Я думаю, Никита Сергеевич, что поведение указанных выше лиц является неправильным, антипартийным. Эти действия со стороны таких людей, как министр внутренних дел УССР Мешик и других ему подобных, идут вразрез с учением Ленина—Сталина о руководящей роли партии, и если эти действия не пресечь, то они могут нанести большой вред.

Изложенное докладываю на Ваше усмотрение.

(Строкач)

1953 г.”

ВЕСЬМА знаменателен тот факт, что родственники Берии не были арестованы, хотя сам он не щадил ни вдов, ни малолетних сирот. Гуманность и великодушные Хрущева спасло от ареста жену Берии — Нину Гегечкори, уважаемого в своей среде кандидата сельскохозяйственных наук, непричастную к преступлениям мужа. Не взяли и сына Берии, женатого на внучке пролетарского писателя Максима Горького, согласно версии Ежова и Берии невинного убиенного врагами народа с помощью ядохимикатов. С Берией кончился тотальный террор, полное бесправие советских граждан.

Доподлинно известно, что во времена Ежова и Берии массовые аресты жертв террора сопровождалась повальным грабежом их имущества. Возникает вовсе не обывательский вопрос: куда девались сокровища, награбленные Берией и его янычарами? Ведь невозможно предположить, что главарь опричников и мародеров был чист на руку. Ответа на этот вопрос я пока не нашел. Но недавно в печати промелькнуло сенсационное сообщение из уголовной хроники. Под детективным заголовком “Тайна „золотого“ чемодана” газета “Советская культура”, поместила заметку об операции уголовного розыска Московской областной милиции.

Невзрачная старая дача в поселке Малаховка, две старушки, убитые на ней. Кому понадобилось убивать их? В чем мотив убийства? Ответ на этот вопрос, казалось бы, бросался в глаза: дача смахивала на музей — сервизы из дорогого фарфора, сверкающие хрустальные горки, антиквариат, старинные гравюры. Но все это богатство не тронуто! Возможно, преступники искали только золото, драгоценности?

Кем же были эти малаховские ста-

рушки? Выяснение фамилий внезапно пролило свет на таинственное дачное убийство: Гоглидзе! Вдова в возрасте “пиковой дамы”, и дочь генерал-полковника государственной безопасности Гоглидзе, заместителя Берии. Это он, грабитель и мародер, “поделился”, со своей семьей сокровищами, которым позавидовал бы сам граф Монте-Кристо. Одно лишь “ленинградское дело”, которым он руководил, было для него, надо думать, весьма прибыльным. Не из царских ли дворцов были эти гравюры и хрустальные горки?..

Чтобы не томить читателя, сообщу: убийцей был некто В.Алухтин — безработный, родственник семьи Гоглидзе. Этот тридцатидвухлетний лоботряс, претендовавший на часть феерического наследства зама Берии, заручился поддержкой беглого рецидивиста С.Крекшина, и тот бил кирпичом по черепам владелиц дачи, наследниц расстрелянного с Берией Гоглидзе. Тандем убийц был арестован на второй день поиска...

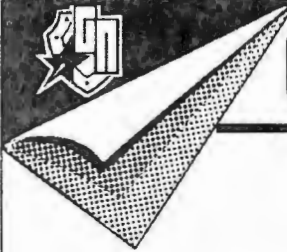
Пока неизвестно, ведется ли розыск сокровищ Берии, которые, надо полагать, далеко превосходили по стоимости “трофеи”, его подручных.

Главное, конечно, не в грабеже (хотя без учета грабительства опричнины нет полной ее характеристики). Главное — в покалеченных, изуродованных судьбах миллионов людей, в уничтожении цвета народа, оказавшегося между молотом Сталина и наковальней Гитлера.

Вспомним приговор, вынесенный Берии в мемуарах “Глазами человека моего поколения”, Константином Симоновым, который сам немало пострадал от бериевщины: “Если попытаться собрать, спрессовать в нечто отвратительное, самое жестокое, трагическое, свирепое и грязное, что было в той эпохе, отделив, вырвав из всего остального, которое тоже было, то именно Берия, его дела, сама возможность его долголетнего существования при Сталине были тем комком блевотины, политической и нравственной, который оказался исторгнутым и до конца очевидным уже после того, как сама эпоха была обрублена смертью Сталина...”

Я глубоко убежден, что мы не оказались бы в такой опасной передрыге, не потеряв цвет народа во время террора, в годы ужасной войны. Уцелевшие после лоботомии, после опустошительных потерь подвержены разного рода посттравматическим синдромам. Слишком много пролито крови, пота и слез. Слишком много...

О.ГОРЧАКОВ.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Павел КОКОШКИН

БЕЛОМОРКАНАЛ. 30-е ГОДЫ

В АРМИИ перестраховка называется ефрейторским зазором. Болезнь эта – сколь ни обманчиво ее название – поражает любого, будь он хоть рядовой, хоть генерал. Тут не в званиях дело, а в характере. У кого гаечка слабовата, тот старается другому ее подзакрутить. Вот и наш комполка приказал рассадить личный состав в клубе части чуть ли не за сорок минут до начала объявленного накануне собрания. Странное это было объявление. Раньше в таких случаях всегда указывалась повестка дня, а тут – общее собрание бойцов и командиров части и все. Позже из штаба через писарей просочились сведения о том, что ожидается прибытие высокого начальства. И теперь Грушко со свитой штабных топтался у ворот КПП, остервенело отбиваясь от комаров и высматривая в сгущающихся июньских сумерках машину командира дивизии. А мы томилась в душном зале клуба, что, впрочем, нас совсем не тяготило, поскольку более чем полугодовой опыт службы подсказывал нам, что в армии не редкость и гораздо более обременительное времяпрепровождение. Многие, проведя сутки в нарядах, наверстывали упущенное и спали. Солдат тем и отличается от гражданского парня, что готов спать и спит в любую подходящую, а иной раз и неподходящую минуту. По этой части в войсках встречаются виртуозные мастера. Передо мной на лавке сидел совершенно прямой спиной боец Кульпин из второго отделения и самозабвенно храпел. Другой бы, не имея под спиной опоры, рухнул на пол, а Кульпин для сна неудобных положений не знал и, как бы он ни храпел, просыпался моментально при любом изменении обстановки. Над другими сонями посмеивались, подтрунивали, а за ним право на сон признавали молча и безоговорочно. Всякое мастерство достойно уважения.

Я сидел у раскрытого окна и время от времени поглядывал в сторону КПП, где Грушко в стойке сеттера, почуявшего дичь, поджидал гостей. И вот по стене деревьев, вплотную подступавшей к дороге, скользнули сполохи света, из-за поворота вывернула легковая машина и горбатой букашкой заспешила к воротам, потряхивая золотыми усами, растущими из фар. Через минуту она остановилась, едва въехав в заблаговременно распахнутые ворота, и из нее вышли комдив и еще трое военных. Хотя от клуба до КПП было довольно далеко, я все же услышал, как Грушко своей луженой глоткой в остервенелом усердии рывкнул:

– Сми-и-ирно!

Окончание. Начало в № 8, 9.

Зачем так орать? Весь полк сидит в клубе и, следовательно, команды слышать не может. В свите глухих нет.

Приезжие пожалы руки встречавшим, и вся группа направилась к клубу. Грушко суетливо колбасил косолапыми сапожищами, на полшага приотстав от широко шагавшего комдива. Вытянув шею, он выглядывал из-за плеча начальника, на ходу ловя его замечания и ежесекундно кивая. Со стороны он здорово походил на циркового медведя, который бежит за дрессировщиком на задних лапах и выпрашивает сладкую подачку.

За столом президиума Грушко оказался между комдивом и командиром бригады. Он постоянно крутил головой, не зная кому больше уделить внимания, и то и дело вытирал грязным носовым платком багровую шею. Грушко мучался тем, что, поворачиваясь лицом к одному начальнику, он подставлял затылок другому, хотя комбриг отрешенным выражением лица давал ему понять, что в присутствии командира дивизии на особые почести не претендует.

Комдив первым взял слово. Он рассказал о значении для страны Беломорско-Балтийского канала, принесшего, по его словам, в глухой карельский край высокую промышленную культуру и весомую экономику. Затем выступающий сообщил, что в один из ближайших дней по каналу пройдет парход с членами Политбюро ЦК и лично товарищем Сталиным.

— Перед нами, — возвысил голос комдив, — стоит ответственная задача: обеспечить неприкосновенность высоких гостей, спокойствие и порядок на канале. Генрих Григорьевич Ягода поручил мне передать вам, товарищи чекисты, что он твердо верит: личный состав дивизии успешно справится с возложенной на него почетной миссией. Подробнее вас проинструктируют ваши командиры.

Он сделал паузу и спросил:

— Вопросы есть?

И вдруг прямо передо мной поднялась рука... Я был сражен наповал! На фоне того, что произошло, меня бы совсем не удивило, если бы независимо от моей воли поднялась моя собственная рука. Но Кульпин?! Нет, дело не в том, что в нас с первых дней службы вколачивали: когда начальство интересуется, есть ли вопросы, — это риторика и не надо понимать ее буквально. Грушко, перевирая поговорку, любил повторять: «Сто дураков зададут столько вопросов, что ни один умный не ответит». Ну а поскольку в полку «дураков» набралась не одна сотня, то их любопытство смог бы удовлетворить разве что гений. О наличии гениев в штабе дивизии Грушко сведениями не располагал, но подозревал, что на наше соединение гениев не хватило, а

потому поднявшуюся в зале руку он воспринял не иначе как провокацию, будто это была не рука, а ствол вражеской винтовки. В глазах командира полка, направленных на Кульпина, белым огнем горели ругательства: в одном — «Ну, гнида!», в другом — «Ну, падла!». А на губах застыло: «Сгною!».

Но меня потрясло не то, что нашелся желающий задать вопрос комдиву, а то, что этим любопытным оказался именно Кульпин. За секунду до того, как поднять руку, он сладко всхрапывал, и я это отчетливо слышал. Мало того, что боец спит, если можно так выразиться, по стойке «смирно», так при этом он еще все слышит! Про Кульпина говорили, будто он может зазнуть, крутя «солнышко», на перекладине. Теперь я понял, что это не шутка. Так что, дорогой товарищ Грушко, на счет отсутствия гениев в соединении вы, пожалуй, не правы.

— Слушаю вас, товарищ боец, — живо среагировал командир дивизии и вышел к краю сцены, чтобы лучше слышать вопрос.

— А мы товарища Сталина увидим? — крикнул Кульпин.

— С сегодняшнего дня можешь считать, что ты слепым родился, — шепотом озвучил взгляд командира полка сидевший рядом со мной цыган.

А комдив, усмехнувшись, покачал головой и сказал:

— Это вряд ли. Эти дни вы проведете в засадах в пятикилометровой прибрежной полосе. Большая часть из вас примет участие в прочесывании леса. Мне, конечно, понятно ваше желание увидеть величайшего из ныне живущих людей, но служба прежде всего. И потом: главное ведь не то, чтобы мы его увидели, главное, чтобы он увидел все, что наметил. Ради этого мы и должны положить все силы. Ясно?

— Я-асно, — отозвался нестройный хор разочарованных голосов.

Командира дивизии у трибуны сменил комбриг Грин. Начал он с обещаний и заверений, дескать, оправдаем, не посраим, костями ляжем и так далее, а потом из него посыпались угрозы:

— В здоровом теле единого организма полка, — кричал Грин, сотрясая трибуну ударами кулака, — находятся в наличии отщепенческие элементы, которых мы, проявив революционную бдительность, каленым железом будем вырывать из наших рядов подобно сорным злакам, засоряющим посевам...

Комбриг любил говорить красиво.

— ...Наша бдительность должна трубить тревогу с мощностью кремлевского Царя-колокола...

Цыган наклонился ко мне и зашептал:

— Слушай, ты москвич...

— Я «подмосквич»...

— Но в Кремле-то ты был?

— Был.

— Мне один пацан в детдоме говорил, что Царь-колокол на земле лежит. Это правда?

— Ну, скажем так: не лежит, а стоит, на небольшом постаменте и от него изрядный кусок откололся.

— Но в таком случае он трубить не может.

— Колокол трубить ни в каком случае не может. Эх ты! А еще Моцарт. И вообще — заткнись, дай послушать. Это же не речь, это — песня, даже гимн!

— Под балалайку без струн.

— Тс-с...

Грин тем временем заканчивал на высокой ноте, захлебываясь патетическими слюнями:

— Мы должны изжить между нас гидру жалости ко всякой контре, только потому, что она — наш сосед, брат или сват. Нет у нас родственников роднее революции и товарища Сталина. Революция — наша мать, Сталин — отец. Стоя на ихней страже, мы будем карающим чреслом Генриха Григорьевича Ягоды...

Петр снова склонился ко мне и зашептал:

— Мне кажется...

— Правильно тебе кажется, — перебил я его, — Грин задницу с десницей перепутал. Но это такие мелочи! Зато какой образ, а сколько вдохновения!

После собрания перед вечерней проверкой мы чуть ли не всем взводом дымили в беседке, когда из темноты раздался голос штабного посыльного:

— Кульпин, к командиру полка!

— Чего это вдруг на ночь глядя? — растерялся Кульпин.

— В Кремль на смотрины повезут, — не удержался цыган.

А Ковалев добавил:

— Не вовремя ты в этот раз проснулся. Видать, и на старуху бывает проруха.

— Легкого пару! — крикнул кто-то уже вдогонку.

На следующий день нас всех переехали в новенькую, пахнущую складом форму. Это был очередной ефрейторский зазор нашего Грушко. Он, видимо, считал, что бойцы его полка не могут прочесывать лес или лежать в засаде в какой-нибудь канаве в поношенном обмундировании, когда товарищ Сталин будет проплывать мимо всего в пяти километрах от них.

Старшина матерился глядя на этот маскарад и жаловался ротному:

— Ноги ж посбивают ночью сапогами.

— Я, что ты, это придумал? — огрызнулся тот, — пойди Грушко расскажи, что он... Тьфу, твою мать!...

"Тревогу" нам сыграли за час до рассвета. А когда небо меж кронами деревьев порозовело, мы уже шагали за Пацюком по лесной тропинке к дальней

границе сектора, определенного под охрану и оборону нашему взводу. Сначала тропинка шла вдоль канала, и мы в утренних сумерках видели величественный силуэт седьмого шлюза. Водную гладь то и дело бороздили военные катера. Затем мы углубились в лес, канал скрылся за деревьями, а вместе с ним на какое-то время отделилось и утро. Под плотным пологом ветвей снега сгустилась тьма, запахло сыростью, сапоги начали увязать в болотной жиже. Идти стало тяжелее. К тому часу, когда день окончательно вступил в свои права, гимнастерки наши потемнели от пота, шеи, лица и кисти рук опухли от комариных укусов, а мы все топали и топали без привалов и остановок. Наконец вышли к какому-то бугру, голый, лишенный деревьев и кустов склон которого, обращенный в противоположную каналу сторону, образовывал обширную поляну.

— Стой! — скомандовал Пацюк и, сбросив в траву вещмешок, добавил:

— Перекур, банзайцы.

Не успели мы сделать по первой затяжке, как сержант уже вскочил на ноги и быстро взбежал на пригорок. Окинув взглядом поляну, зачем-то поковыряв носком сапога мох под елью, он заявил:

— Здесь, пожалуй, и будет наша позиция.

Этим "пожалуй", Пацюк хотел дать нам понять, что место для позиции он выбрал сам. Но я-то точно знал, что каждый командир отделения получил по листочку папиросной бумаги с нанесенной на него позицией взвода. Этот листок накладывался на карту, после чего оставалось только окопаться в точном соответствии с полученной картиной. Но, как вскоре обнаружилось, Пацюк решил в этом деле проявить инициативу. Даже не дав карту из планшетки, он начал давать указания по оборудованию позиции.

— Ладно, хоть на бугре окопы рыть будем, — удовлетворенно заметил Ковалев, — там все же сухо...

— Кому сухо, а кому — по брюхо, — тут же отреагировал Пацюк. — Эй ты, Уполномоченный, ты со своим вторым номером готовь пулеметное гнездо вон промем тех двух елок.

На указанном месте блестела солнечными зайчиками внушительных размеров лужа.

— Ты, отделенный, разуй глаза! — возмутился Петр, который по боевому расчету и был моим вторым номером при "максиме". — Там не окоп, а колодец впору рыть.

— Ничего, отводную канавку прокопаете и вода уйдет.

— Из этой ямы канавку можно только в гору рыть, — возразил я.

— А вы — поглыбже, поглыбже, — ухмылялся Пацюк.

— Да там же болото...

Петр меня перебил:

— Не видишь, что ли? Он просто издевается...

— Разговорчики! Выполняйте приказ! — рявкнул Пацюк. — А то за саботажем привлечь можно. Жареного в помощь возьмите, а опосля и ему сообщка скопчик сварганите. Вон возля той коряги. Там тоже сыровато, ну так вы — тем же манером.

Он повернулся кругом и пошагал в гору, скомандовав на ходу:

— Остальные, за мной!

Я рванулся, было, за ним, но Петр меня удержал:

— Не дергайся. Я его потом «тем же манером», уделаю. Он этот окоп горстями вычерпывать будет.

Через час наших фортификационных трудов на нас не осталось ни одной сухой нитки. Даже буденовки, брошенные в стороне, оказались забрызганными болотной жижей. Во мне все кипело. Мартышкин труд кого угодно доведет до белого каления. Но цыган с непостижимым упорством черпал и черпал грязь из бесформенной ямы. Он явно что-то задумал, но делиться своим стратегическим замыслом не хотел. Даже Шурик Василий начал высказывать сомнения относительно достижимости конечной цели.

— Ну какой тут может быть окоп, — причитал он, — вода прибывает быстрее, чем мы ее вычерпываем. Бруствер, как манная каша, расплзается.

— А ты канавку поглыбже, поглыбже рой, — передразнивая Пацюка, огрызнулся цыган.

Когда мы заканчивали оборудование персональной «купальни» для Суворова, за нашими спинами раздался голос капитана Латынина, нашего ротного:

— Чем это вы тут занимаетесь?

Я, честно говоря, растерялся, не зная, что ответить. Любое объяснение прозвучало бы по-идиотски. Шурик молча счищал лопаткой грязь со штанов. А Цыганков, не моргнув глазом, отрапортовал:

— Отрываем одиночный окоп для стрельбы стоя.

— Это вряд ли, — не согласился комроты, — скорей, для стрельбы вплавь. А обмундирование на что похоже?! Старшина вас поубивает! А это что за шруд?

Латынин остановился возле нашего «пулеметного гнезда», в бруствере которого наполовину утонул «максим». Ирония в голосе командира роты сменилась все нарастающим раздражением. Он уже почти кричал:

— Какими же долбачками надо быть, чтобы в болоте окопы рыть!

— Мы выполняем приказ, — доложил Петр.

— Какой приказ? Чей?

— Командира отделения.

Ротный скомандовал Суворову:

— Бегом за Пацюком!

Шурик, вжав рыжую голову в плечи, трусой припустил к кустарнику на вер-

шине бугра. Вскоре он вернулся, сопровождая сержанта. Тот, сделав вид, что не замечает ротного, еще со склона закричал:

— Ну что, банзайцы, потренировались? Теперь — за дело...

— Подождите, Пацюк, — оборвал его Латынин и, кивнув на наши раскопки, предложил:

— Объясните, что это такое. Почему пулемет вы поставили не на господствующей высоте, а черт знает где, в болоте? Вы вчера карту получили? Что это за самодеятельность?

Пацюк, ничуть не смутившись, заявил:

— Настоящие окопы они еще откроют, время есть. А это, — он пнул сапогом обломок ветки, который, описав дугу, приводился в выкопанной нами яме, — это воспитательная работа. Учить сачков надо. А то много понимать стали, антиинтеллигентны, чистоплюи...

Ротный жестом прервал излияния нашего «наставника», и, пристально глядя ему в глаза, произнес:

— Похоже, мне сначала вашим воспитанием придется заняться.

Пацюк только было собрался разразиться оправданиями, но тут неожиданно встрял цыган.

— Его теперь уже в другом месте воспитывать следует, а до того еще на чистую воду вывести.

Латынин вопросительно глянул на Петра, и тот продолжил.

— Это Пацюк вам тут тюльку гонит про воспитательную работу. А на самом деле надо еще разобраться, с какой целью он хотел подорвать боеспособность отделения, лишив его пулемета с расчетом и одного стрелка. Ведь с позиций, которые сержант нам указал, мы не смогли бы принять действительного участия в возможном бою. И это в то время, когда со дня на день ожидается приезд товарища Сталина. Нет ли в действиях сержанта злого умысла? Все это сильно смахивает на провокацию.

Побледневший Пацюк, забыв подобрать отвисшую квадратную челюсть, уставился на Цыганкова выпученными глазами, в которых не осталось ни издевки, ни злости — только затопившая его до корней волос паника. Когда цыган замолчал, сержант рукавом стер с узкого лба испарину, в горле его что-то заклокотало, и он выдавил из себя:

— Ты это... что?... Ты как?..

Но тут заговорил Латынин:

— По-моему, вы, Цыганков, перегибаете палку. Думаю, здесь имеет место либо головоуятие, либо злоупотребление командирской властью. И за это Пацюк ответит. Но злой умысел...

Однако Петр уступить не собирался.

— Ничего, где следует разберутся, что тут имело место, — заверил он и, выдернув пулемет из трясины, взвалил его на плечо.

Уже в сумерках мы сидели на краю сухого окопа, оборудованного нами на склоне высотки по указанию ротного, которого на позиции сменил командир взвода. Латынин же, раскритиковав фортификацию, сооруженную под руководством Пацюка, отправился в расположение другого взвода и увел с собой сержанта, дабы тот посмотрел, что такое настоящая позиция.

Работа была закончена, окопы вырыты, замаскированы, сектора наблюдения определены. Запропагандированные политруками всех рангов, заинструментированные командирами бойцы пребывали в состоянии тревожной настороженности, к ночи перешедшей в легкий мандраж, когда за каждым кустом мерещится диверсант, хруст упавшей ветки ассоциируется со щелчком затвора.

Мы с Петром сидели, свесив ноги в окоп. Он перочинным ножиком вырезал узоры на коре рябиновой палки. За полдня, минувших после стычки с Пацюком, мы едва ли сказали друг другу десяток слов. Меня мучил вопрос: на самом ли деле цыган намеревается осуществить свою угрозу относительно отдаленного или он блефует. Но спросить об этом я не решался, одновременно боясь и обидеть его, и услышать подтверждение. Да, Пацюк — сволочь, но это не оправдание стукачества. Припугнуть — одно дело, но заложить на самом деле — совсем другое. Я изводил себя сомнениями и исподволь наблюдал за другом, пытаюсь угадать, что сейчас на душе у него. Петр с угрюмой сосредоточенностью продолжал свое занятие. Вдруг он выругался, лизнул порезанный палец и, казалось бы, ни с того ни с сего набросился на меня:

— Ну ты и болван! Я думал, между нами давно все ясно, а ты... Я же тебе сказал, что барабан — не мой инструмент. Никогда не стучал и не буду.

— А я чо? — с облегчением выдохнул я.

— Ага, я чо, я ничо, другие вон чо и то ничо, а я-то чо, — передразнил Петр. — А то я не вижу. Надулся, как мышь на крупу. Не скрою, я сегодня испытал злорадное удовольствие, когда наш ублюдок в штаны наложил. Но на этом и шабаш.

Июньская ночь в Карелии мало отличается от пасмурного дня. На открытом месте можно даже газету читать. Но в лесу тьма берет свое. Под кронами деревьев, в зарослях кустов она сгущается до полной непроглядности. Шурик Василич, стоя в своем окопе на правом фланге позиции отделения, едва слышно не то молился, не то причитал, тщетно пытаюсь унять охватившую его дрожь. Он вздрагивал при каждом шорохе и припадал щекой к прикладу карабина, в патронник которого уже давно был дослан патрон. Шурик сокрушался по поводу своей невезучести. Ее очередное проявление

он видел в том, что именно его окоп оказался крайним, у самого болота. Прямо перед ним на фоне серого неба чернели два силуэта елей, под которыми мы днем по приказу Пацюка пытались оборудовать пулеметное гнездо. Яму Шурику не было видно, но он знал: она там, и был уверен, что в ней уже обитают какие-нибудь упырь или кикимора. В их реальность Суворов верил непоколебимо.

Вдруг в темноте под деревьями что-то булькнуло и зачавкало, будто сам водяной решил перекусить на сон грядущий. Василич стиснул приклад карабина так, что костяшки пальцев побелели. Округлив глаза, он тарачил их в темноту, пытаясь разглядеть резвящуюся в трясине нечисть. Чавканье сделалось ритмичным, и до Суворова дошло, что по зыбкой тропинке вдоль края болота кто-то шагает, держа направление прямо на его окоп. Диверсантов Шурик боялся не меньше нечистой силы и потому заорал взвившимся до фальцета голосом:

— Стой! Кто идет?!

С болота донеслось:

— Свои.

— Кто свои? Пароль говори!

На тропинке молчали. Суворов, не помня себя, взвизгнул:

— Говори пароль, а то пальну!

— Я тебе пальну, сука!..

Карабин в руках Шурика дернулся. Вспышка озарила его перекошенное ужасом лицо. Внизу раздался вопль и всплеск от падения в воду чего-то тяжелого.

Взводный, услышав выстрел, командовал:

— Пулеметный расчет, за мной!

Мы с цыганом подхватили "максим", и помчались за командиром. Припав к земле рядом с окопом Суворова, услышали под елями плеск воды и изошренную матерщину:

— Жареный, твою мать! Это я, сержант Пацюк, долбак сопливый!.. Ну забыл я пароль... Удавлю, падаль! Горod какой-то... Не то Калуга, не то хрен его знает! Перестань палить, гнида!..

Цыган, тихо трясающийся в беззвучном смехе, вдруг повалился на спину и захохотал во весь голос.

— Ой, не могу! — задыхаясь, вскрикивал он. — Этот оглоед... Ха-ха-ха! В нашу яму... Ха-ха-ха-ха! Вырыл... Ха-ха! На свою задницу... Ой, умираю!..

Теперь уже вместе с цыганом показались со смеху и мы с Василичем. Ничего не понимавший взводный тоже начал хихикать, заражаясь от нас, а снизу все еще летели матюги.

Представляем автора

Сегодня
гость нашей рубрики —
русский актер и писатель
Борис Федорович ПОПОВ.

"ПРАВДА — ЭТО И СМЕХ, И СЛЕЗЫ..."

Корр. Борис Федорович, что на вашей визитной карточке идет первой строкой: "Народный артист России," или информация о членстве в Союзе писателей?

Б.П. Вы бы для начала вопрос полегче подобрали. Визитных карточек-то у меня нет, и потому надо сейчас быстренько сообразить, кем я себя больше считаю: слугой Мельпомены или литератором. Значит, так: артистом стал сразу после войны... Но и писать примерно тогда же начал... Уверенно почувствовал себя на профессиональной сцене в шестидесятых... И первая книга в те же годы свет увидела... Вот что, я бы в одну строку все вместил. А еще лучше, написал бы так: "Борис Попов, бравый солдат".

Корр. Это по аналогии...

Б.П. По ней. Швейк — мой сценический образ. Более шестисот раз играл его. Причем не только чисто по Гашеку. В театре ЦДСА пятнадцать лет шел двухактный моноспектакль по моему сценарию. Я его и на родине героя, в Чехии, показывал, принимали очень хорошо, приходилось дополнительно, сверх намеченного программой, выступать. Возил Швейка и в Венгрию, Германию, Францию... получал оттуда

приглашения на повторные гастроли. Швейк полюбился всем. Я, конечно, осознаю: тут не во мне, как артисте, дело. Просто повезло, что я нашел *свою* роль, понимаете? Это — классика!

Корр. Давайте поговорим об этом чуть подробней. Почему все-таки полюбился всем этот смешной находчивый мужичок, который, конечно же, совсем не являлся бравым солдатом, скорее, был пародией на ононого? Вы вышли с ним на сцену сразу после войны, когда еще в атмосфере витал дух милитаризации, когда человек в форме, в отличие от сегодняшних дней, служил символом героизма, чести, отваги. Как разрешили ставить т а к о е вообще?

Б.П. Так ведь речь шла, загибаю пальцы, не о нашем времени, не о нашей армии, не о нашем солдате. И эту подоплеку надо было все время помнить. Ведь помимо монологов, так сказать, бытового уровня, Гашек вложил в уста своего героя немало фраз, имевших острое политическое звучание. Попробуй тут допустить какую-нибудь параллель! И цензура была начеку, и другие ответственные товарищи.

Корр. Оставим цензуру в стороне. Как вы сами к Швейку относитесь?

Б.П. Со смехом до слез. Он просто мудрый человек, понимаете? Человек, которого никакая ситуация не застанет врасплох, не поставит в тупик. Причем тут насмешки над армией? Если, скажем, у Рязанова в "Карнавальная ночь", директор Дома культуры балбес, то ведь никому в голову не приходит, что Рязанов всех директоров дураками представляет. Или еще ярче пример. Градоначальников города Глухова помните? Что ни фигура, то предмет для насмешки. Можно прочесть и сказать: вот такой была Россия. И не вспомнить при этом, что сам Салтыков-Щедрин был губернатором, и очень даже неплохим, что десятки градоначальников того времени были патриотами Отечества, вписали славные страницы в его историю. Я уверен: они читали Щедрина и хохотали... А мы дожились до того, что партийными судами оценивали творчество писателей-юмористов, указывали им: вот над этим — можно смеяться, а над этим — ни в коем случае. Да над всем можно смеяться, если это здоровый смех, а не злобное зубоскальство!

Корр. Но между этими двумя понятиями такая тонкая грань...

Б.П. Нормальная грань. Во всяком случае, лично я ее вижу. Читаю любое произведение и всегда представляю, какие глаза были у писателя, когда он его создавал. Злые, ненавидящие все или человеколюбивые, смешливые? У Гашека были хорошие глаза.

Корр. В отечественной литературе с армейским юмором, скажем так, туговато. Пошлые анекдоты отбросим в сторону, и что останется? Максим Перепелица, Иван Бровкин, Василий Теркин, Иван Чонкин...

Б.П. Теркин? Но у Твардовского совершенно не юмористическое произведение! По жанру лично я назвал бы его оптимистической поэмой. Чонкин — это не смешно, это зло, это политический пасквиль, где все герои оглулены до крайности. А Перепелица и Бровкин хороши. Несколько лубочны, быть может, но это знаете почему? Действуют они не в экстремальных обстоятельствах. Почему у нас вообще мало хороших книг и фильмов о современной армии? Потому что дух военного человека можно понять лишь на поле брани, а не в классах для занятий да на спортгородках. Авторы это вроде бы понимают, вот и высасывают из пальца боевой эпизод, начинают вокруг него огород городить... Герои у них дискусируют, а не совершают поступки, понимаете? Вот говорят: и в мирной

жизни есть место подвигу. Это — бандита изловить, утопающего спасти? Да, не спорю, есть этому место. Но литературе, кинематографу, сцене не это ведь нужно: информацию о таком подвиге каждый может в газетах прочесть. Искусство в большем выражается: в том, чтоб зритель или читатель смог полюбить героев и потому сопереживал им, а не бесстрастно следил за ними. Тут одним "горяченьким", эпизодом не отделаешься.

Корр. Мы несколько отклонились от темы. Начали-то разговор о юморе, об экстремальных условиях... Хотя в таких условиях юмор зачастую пересекается с трагедией.

Б.П. А вот это как раз и называется правдой, где и смех, и слезы... Как в жизни. "Женя, Женечка и "Катюша", "Белое солнце пустыни", — это что за ленты: комедии, боевики? Затрудняюсь сказать. Но зато знаю наверняка: это то, что называется большим искусством. Вот такие вещи создавать надо.

Корр. Так же трудно определить и жанр вашего нового произведения — "Шпак с барабаном". Комизм ситуаций и страшные будни войны. В предыдущих ваших книгах, к примеру романах "Подмостки", "Без четвертой стены", такого сочетания еще не было. Уж не под влиянием ли именно выше названных фильмов и родилась новая книга?

Б.П. Пока не книга, пока рукопись, которая не лежит еще ни в одном из издательств. Вы впервые будете печатать фрагменты из нее. Что же касается влияния фильмов... Я не ощущал его хотя бы потому, что замысел "Шпака..." начал воплощаться в конкретные строки еще в сорок первом, в Керчи, где я чудом не сгорел от немецкого огня, где был и артиллеристом, и музыкантом, и санитаром. Первые боевые награды там получил: медаль, орден... Прошел войну от начала и до последнего дня, и все это время... Чуть не сказал, что выдумывал главы. Я ничего почти не выдумывал, все, что в рукописи, было в действительности. Само название ее родилось в сороковые, да и листы — видите — пожелтеть успели. Долго она писалась. А вот какой получилась, не мне судить...

Записал И. КОЗЛОВ.

Борис ПОПОВ

Шпак с барабаном

Главы из романа*

В БЛАГОСЛОВЕННОМ райском уголке в Крыму под Чатырдагом на высоком плато шли работы по обустройству военно-полевого лагеря. Кругом — красота невообразимая. В глубоком ущелье змеей извивается меж скал и огромных валунов, облизанных журчащими струями воды, вечно студёный Салгир. Плато окаймляется густыми зарослями зреющего кизила, в кущах которого пасутся козы, овцы. Вверх, сквозь кизиловую рощу, поднимается крутая тропа, ведущая к скале с зияющей пастью. Это пещера-грот, обиталище грозы тутошних мест, легендарного разбойника безухого Алима. С тропки проникнуть в пещеру можно только по узкому каменному в метр шириной барьеру между струями водопада и коварно-осклизлой стеной. Крымский разбойник Алим давно уже почил в бозе, а рассказы о нем, самые невероятные, ходят по сей день. Пещера эта глубокая, очень глубокая...

Но хватит об экзотике, о тайнах природы и красотах Крыма. Пусть себе низвергается чудо-водопад, пусть струится прозрачный Салгир, бегущий мимо прижавшейся к горе деревни Ангара, а в деревне тоже пусть — шалман, а в шалмане водка, и разные

вкуности, и умирающие от тоски и лени юные, сочные, цветущие незнамо для кого девки. Погодите чуток, девки, узнаете. Ох и насладитесь потом — трещать будете...

Все! Баста! Не о том речь. Плато! Вот — главная достопримечательность в этом раю. Плато. Лысое, раскаленное, пыльное. Ни кустика, ни травинки. Сахара! Потому что — начало июня. Пора летних учений сорок первого года. Уже каким-то отставным военинженером размечены квадраты палаточного лагеря, спортплощадка, тир, сортир. С прошлых лет сохранилось несколько кирпичных строений; остатки каменной стены, за которой укрылись военная техника, грузовики, походные кухни. Конечно же, полковой штаб, канцелярия, дом комсостава, красноармейская столовая и гауптвахта. И плац. На плацу — высоченная мачта с красным флагом.

Под ним регулярно до завтрака, взамен зарядки, идут занятия по строевой подготовке.

Душное утро. Шагает рота под охрипший, словно пересохший от жары марш. Трубаچی полковой музвзводовской команды, потные, очумевшие от непрекращающегося солнцепала, издают какие-то непотребные звуки. Глаза у сонных, уставших музыкантов

* Журнальный вариант

красные, воспаленные от натуги — дуть не хватает дышалки.

Спасают лабухов* два барабанщика. Один — с огромным барабаном, по которому здоровенный, круглолицый солдат азартно ляпает колотушкой с мягким набалдашником. Его коллега — ударник — тонкий и хилый с маленьким барабанчиком, невпопад и не под ногу всю жарит дробью двумя мелькающими палочками.

КАК РАЗ в это время в лагерь прибыл из Симферополя дивизионный штабист, инспектор-комиссар с тремя «шпалами», в петлицах и еще какие-то два командира пониже рангом.

Из палатки вылез сонный, мятый, жеваный старшина музввода с четырьмя красными треугольниками в петлицах — Илья Моргун. Сверхсрочник. Бывший беспризорник. Он же капельмейстер. Хороший музыкант. Баритонист. «Моцарик». Губастый, кривоногий, кряжистый, хитрый, но добрый и отходчивый. Вот он-то и наткнулся на инспектора-комиссара с новенькими «шпалами», который увидел и услышал на плацу, что музыканты расхлябанны, дуют вразнобой, не владеют строевым шагом, не тянут носок на тридцать пять сантиметров от земли. Илья Моргун осмелился возразить инспектору из Симферополя:

— Музыканты устали. Мы только что из похода. Жара. Губы не чувствуют мундштука. Духовые инструменты пересохла. Тяжело. У пятерых потертости в паху, на ногах...

— Отставить, — обрезал инспектор с тремя «шпалами». — Губы должны бабу чувствовать, а не мундштук. Берите пример с барабанщика. У него самый тяжелый инструмент, а он, понимаешь ли, и шаг печатает, и носок тянет, и ритм держит. И никаких потертостей. Как твоя фамилия? — обратился командир к барабанщику.

— Рядовой Шпак, товарищ подполковник, — вытянулся в струнку боец, улыбаясь и обнажая все свои белоснежные зубы. — Боец четвертой стрелковой роты. Временно прикомандирован к музвводу, товарищ подполковник.

— И правильно, — улыбнулся инспектор, — что прикомандирован. Тут и оставайся. Старшина! — окликнул ин-

спектор Моргуна. — Причислить Шпака к музвводу, взять на довольствие. Сегодня же оформить как положено. Барабанщик в армии — почетная должность.

Вот так и стал наш Шпак музыкантом.

Ночь. Сон.

В одной только музвзводской палатке никто не спал. Травили байки. Говорили по душам. Старшина по случаю перевода во взвод Богдана Шпака решил познакомить ребят с новичком, а новичка — с ребятами.

Начал с себя. Двадцать пять. Феодосиец. Детдомовец. Воспитывался в армии. На инструменте играет с восьми лет. Самоучка-слухач. Теперь возглавляет оркестр. В нем два альтиста из беспризорников — «сыновья полка», на полном армейском довольствии, Егоркин Валентин и Сухарев Константин. Алик Лужецкий, тоже феодосийский житель, рослый, голубоглазый, трубач. Парень со «смурью», но музыкально шибко грамотный, солист номер один.

Иван Гопкало, очкарик из старослужащих, с головой погружен в ноты, в сочинительство. Трезвенник, если не подносят. Замкнут, музыка в его кудлатой голове звучит беспрестанно.

— А это, — Моргун подошел к третьему слева от входа в палатку, белобрысому, скуластому, хитровато глядящему старшине в глаза, — наш чудик Васька Зайцев, басист-тубист. Он комиссован — на ногу отнят большой палец. Рядом — Гриша Чередник. Хохол, и этим все сказано. Дудит на флейте...

Беседа музыкантов зашла уже за полночь, когда старшина хлопнул в ладоши.

— А теперь послушаем новичка. Давай рассказывай, как к нам попал, как стал барабанщиком?

У Шпака физиономия веселая, левый глаз с прищуром, правая бровь вскинулась над веком.

— Я москвич, — скромно, вроде бы даже стесняясь, представился Богдан. — С Беговой улицы.

— А почему фамилия у тебя не русская? — спросил несколько беспардонно старшина.

— Почему? — как-то даже удивился Шпак. — Абсолютно русская. В словаре

*Лабух (жарг.) — музыкант.

она разъясняется как шутник, насмешник... А еще это кличка, которой военные когда-то обзывали штатских. Но вы все это и не запоминайте. Я ведь к вам ненадолго, я уже старослужащий. Инспектор из Симферополя фразернулся с назначением меня барабанщиком. В августе увольняюсь.

Ребята были ошарашены: у них в части — москвич. Небывальщина! Москвичи в армии почему-то наперечет и в почете. Днем с огнем их не сыщешь.

— Я в августе, говорю, уже демобилизуюсь. Досрочно. Призван из института. Студентам дается льгота. Месячный отпуск и прием без экзаменов.

В палатке вразной загомонили, загудели все тринадцать. В армии увольнение хотя бы на сутки — величайшая радость.

— Ты студент?! — как-то насторожено, с неверием даже спросил Моргун.

— Так точно! Пошел в армию по комсомольскому спецпризыву.

Удивлению ребят не было предела. Ну как же! И москвич, и студент! Случай необыкновенный. Шпака начали закидывать вопросами. Неверие, ощущение некоего обмана, злой шутки путали мозги ребятам.

— А в какой институт поступал?

— В театральный. Я закончил музыкальную школу, потом музтехникум. Экстерном поступил в консерваторию на композиторский факультет. Но тут меня бес попутал. Встретил на пути одного человека... Бросил музыку, пошел в театр.

— В какой? Небось травмишь?

— Нет. В Малый. Так что через два месяца я снова — в театральном институте. Сплю и во сне вижу себя актером...

— А еще что умеешь?

— Пока служил, немецкий язык изучил.

— Зачем?

— От нечего делать. Любопытный я больно, вот и вся причина.

ШЛА ВТОРАЯ половина июня. В военном лагере "Ангара", под Четырдагом подозрительно участились учебные тревоги. Подразделения полка, младший состав пребывали в полном неведении.

Вдруг среди ночи из муззвондской палатки дежурный по лагерю выдернул сигналиста. И через какое-то время

послышался на весь спящий лагерь долгий сигнал трубача: "та-та, та-тат-та, иста-драта-та-та... Тревога! Лагерь всполошился.

Командиры выводили свои подразделения в полном боевом, по форме, на плац. Построились. Перешептывались. Кто-то еще не успел намотать обмотки, в спешке держал конец поворожки в руке, кто-то спросонок затесался не в свой строй. Стоят бойцы, сонные, не успевшие застегнуть пуговицы на гимнастерках.

Командир полка полковник Юхимчук и комиссар Зарайский в потемках совершают обход.

Часа два проманежили полк на плацу. Сновали во тьме вестовые, какие-то подразделения перестраивались...

Сигналист протрубил "отбой". Командиры подразделений повзводно, поротно, побатальонно развели людей по палаткам. В штабе полка собрались командиры на разборку. Проводили совещание в глубокой тайне.

Через два дня снова подняли полк по тревоге. И та же самая канитель. Протомили полусонных людей еще дольше, чем в первый раз. Буза какая-то.

22 июня было воскресенье. Выходной день.

После побудки, после завтрака в лагере была проведена генеральная приборка. Подметали территорию, вывозили на тачках мусор, сваливали его в кусты под гору. На плацу под мачтой с красным флагом играл духовой оркестр. За отсутствием старшины музвзвода — он по семейным делам в отъезде был — дирижировать взялся Богдан Шпак. На большом барабане играл Володя Крючков. Бацали вальсы, марши военного композитора, главного дирижера армии полковника Чернецкого, мелодии популярных песен. Погода была дивная. Не жаркая, безветренная. В 12 часов по радио кинемеханик объявил: "Через несколько минут на большой эстраде начнется концерт красноармейской самодеятельности.."

Народ сходил, рассаживался на скамьях, врытых в землю перед эстрадой-раковиной. Включили микрофон. Программу концерта вел Шпак, да так, что сам комиссар Зарайский зашел за кулисы и пожал ему руку. Разговаривал со Шпаком запросто, демократично. Выдал всем участвующим артистам увольнительные записки до двадцати одного часа и разрешил сходить в деревню, на Салгир искупаться. Не за-

был справиться и об отсутствующем Моргуне, и не знает ли Шпак, чем больна жена старшины.

— Не могу знать, — ответил Шпак, — со дня на день должен вернуться.

— Если задержится — назначаю вас старшим по взводу.

Муззвонцовцы, овладев увольнительными, кубарем покатались в деревню.

День провели неплохо. Быстро, нахрапом расхватали деревенских девчат, устроили танцы под патефон... В казармы их загнал разразившийся ливень.

А еще через пару часов тишину лагеря прорезал сигнал трубача. Опять тревога! В муззвонде решили, что лабухам выходить на плац, да еще с духовыми инструментами — только трубы портить.

Дождь лил как из ведра. Траншея, прорытая посередине палатки, наполнялась водой. В ней плавали окурки.

— Отдыхаете?! — откинул полог дежурный по лагерю в чине капитана. И трехэтажным матом: — Трах-тарарах-тах-тах-тах! Боевая тревога, а вы тут... Подъем!!! Лагерь снялся до единого. Марш догонять!

И скрылся.

Километра два бежали по воде и грязи. Наконец догнали полевые кухни на конной тяге. Стало легче на душе: у лабухов в походе всегда место рядом с харчем.

Дождь поутих. Светало: в горах солнце выходит из утреннего мрака враз, мигом.

Полк шагал по Симферопольскому шоссе. Шли не в ногу, вразяжку. Отмахали уже километров восемьдесят, когда объявили привал. Полк сошел на обочину — ни лечь, ни сесть. Земля, трава мокрые. Так что отдыхай стоя. Стояли в полном неведении: полк на привале, а кухни и все боевое снаряжение на конной тяге, грузовики с фуражом, с продуктовым запасом довольствия ушли от пехоты далеко вперед по шоссе. Зато появился политрук Зарайский на коне.

Взял в руки картонный мегафон с широким ратрубом.

— По-о-о! — хрипло гаркнул. — Слушай меня... — И замер на какую-то минуту.

И полк замер, не дышал.

— Война!

Одно только слово произнес комиссар. Но это слово парализовало бойцов.

— Лагерный сбор закончился, — продолжил Зарайский. — Штабом дивизии полку предписано срочно, в боевом порядке, дислоцироваться в пункте N... В пути следования строго соблюдать воинский порядок и дисциплину. С сегодняшнего дня вступают в силу законы военного времени. — И последний — на выдохе — выкрик: — Полку построиться в колонну и ша-агом ма-а-арш!

Полк вытянулся вдоль шоссе в километровую извилистую колбасу. Опять зарядил дождь. Бойцы уже преодолели пятнадцатикилометровое расстояние по шоссе без привала. Жрать хотелось, походные кухни не успели заправиться, только баки залили водой, а сухого пайка на марше не положено.

А Богдану Шпаку было не до жратвы! Его словно обухом по голове ударили: война! Вот тебе и досрочно отслужился, два года кошке под хвост. Прощай, институт, прощай, театр...

Полк входил в город по Симферопольской улице. Здесь уже стояли десятки, нет, сотни автобусов. На тротуарах толпился взволнованный народ. Тут же бойцов обступили «шпалеры»: женщины, детишки с кулками еды, с хлебом, луком, картофелем в «мундире»: «Ешьте, хлопцы!». Хлопцы не отказывались, они были голодны. Когда еще поедят? Женщины плачут, жалеют, причитают. Крестьян, благословляют, обнимают родимых. Юных, необстрелянных. Суют красноармейцам рушники, табак, носовые платки, пачки чая, спички.

Война! Ох как много она еще преподнесет всякого этим зеленым мальчикам. Кровавому-раскровавому делу обучит, если мальцы живы останутся, если не перебьют их до единого в первом же бою.

— По маши-ина-ам!

Феодосийский гарнизон развернул оборонительные работы.

По побережью от порта к Дальним Камышам рылись окопы, траншеи, устанавливались огневые точки. Строились бетонные доты. Порт и пристань капитально маскировались, камуфлировались. В ночное время город был совершенно затемнен, зажигать спич-

ку на улице опасно — могут застрелить. Маяк-«стакан», возвышающийся на скале, сияющий при любой погоде, теперь был покрыт брезентовым, размазанным под цвет скалы колпаком. На маяке оборудован надежный НП. Вокруг маяка густо наставлены «ежи», надолбы.

В бухту вошел последний, тяжелый, водоизмещением в сто тысяч тонн, сухогруз под греческим флагом, дополнила набитый мешками с мукой. Едва успел войти в порт и ошвартоваться, как бухта была заминирована. Амба!

На рассвете наблюдатели с маяка засекли на траверсе у входа в бухту две вражеские подводные разведлодки. Двумя торпедами одна лодка была подбита, другая, не торпедируя, ушла восвояси. Уже победа моряков.

Илья Моргун, старшина муззвезда, невзирая ни на что, не имея специального пропуска, но имея непросроченную увольнительную записку, одетый по-парадному в военную форму, без труда проскочил через проходную и дунул в свою «резиденцию», где размещены лабухи.

Встреча со старшиной была и радостная, и драматичная:

— Что же это вы, друзья?! Не успел старшина отбыть, как вы уже войну развязали! — мрачно шутил Моргун.

Муззвездовцы были в казарме не полным составом. Басист Василий Зайцев. Алик Лужецкий — феодосийский житель и пара альтистов разгружали пультман с мотками колючей проволоки. А пятеро — на рытье окопов...

— Как здоровье жены? — спросил Богдан.

— Поправилась, уже лучше. Да, братцы, я справлялся в штадиве у Бабича. Он что-то темнит, этот чекист, боюсь, нам придется переквалифицироваться и «дудки» сменить на «винтари». Что нам теперь, жмуриков хоронить? А если и впрямь бой? Кто мы? — И сам себе ответил: — Балласт. Обозники. Вот выдадут нам по пулемету, что тогда? И стрелять ведь как следует не умеем.

— Освоим, — сказал Шпак, но таким тоном, что уверенности ни у кого не появилось.

Моргун продолжил:

— Я завтра иду в штаб полка, доложу: нами никто не занимается. Что нам делать с музыкальными инструментами? Если оставлять при взводе, значит, нужна машина. С тентом. Но это только фантазия, машина в войну для

музыкантов не предусмотрена. Либо нас расформируют и прикомандируют к роту, либо — к тыловому подразделению. Например, к химзводу.

— О, правильно, — ухватился Гопкало. — У нас легкие хорошие, как напрягемся, как пустим газу — не устоит фриц!

Братва засмеялась.

В штадиве суматоха, нервозность. Все спешно, все экстренно. Штабисты, потеряв голову, шастают с какими-то бумагами, сводками, списками из кабинета в кабинет.

Зарайский принял муззвездовцев вроде бы даже радостно, предложил лабухам стулья.

— Что скажете?

Начал Богдан:

— Мы должны и в войну поднимать боевой дух бойцов, так, товарищ комиссар? — И подвернул: — В газетках, между прочим, мелькнуло, что бригада артистов Малого театра выехала на фронт с концертами.

Зарайский понял намек Шпака, улыбнулся.

— И что вы предлагаете?

— Создать полковую агитбригаду на базе оркестра муззвезда силами солистов: труба, кларнет, баян, политса-тира.

Комиссар подумал и собрался что-то ответить, но тут к подъезду штаба подъехал «козел», с брезентовым верхом. Из машины вышел комполка Юхимчук. В дверях дежурный по штабу, набрав воздуха, гаркнул:

— Смирно-о!

— Вольно, — остановил рапорт дежурного Юхимчук и прошел в кабинет Зарайского. Здесь и произошло знакомство музыкантов с Батей.

Комиссар Зарайский вкратце изложил цель визита людей из муззвезда.

— Проблема, товарищ полковник. Какому, на ваше усмотрение, подразделению в части придать музыкантов?

— Я думаю, надо определить их в санбат. Начнутся боевые действия, значит, понадобятся санитары. В госпиталь уже поступают партии раненых. В санбате, между прочим, будут проводиться и культурные мероприятия. Для поднятия духа раненых. Пойдет? — посмотрел Юхимчук лукаво на старшину и на Шпака.

— Пойдет, товарищ командир полка, — немедля согласился Моргун.

Феодосийский гарнизон был поднят по тревоге на рассвете. В полном боевом. Подразделения, пользуясь временным затишьем, обленились, жили по-курортному, купались в Черном море, загорали. Боевая тревога мигом вывела солдат из сонного состояния.

Музвзвод проснулся позже всех других подразделений феодосийского городка. В казарму влетел как угорелый политрук Босых:

— Подъем, в бога мать! Тревога! Войну проспите. Даю десять минут на сборы. В шесть ноль-ноль построение в полном боевом.

Лабухи спросонок засуетились, заторопились, переругались. Минуты шли. Но к шести ноль-ноль ребята, навьюченные, стояли в строю замыкающими. При вещмешках, противогазах, при винтовках — десятизарядных СВТ, считающихся новинкой. Чистенькие такие винтовочки, блестящие, тяжелые «винтари», и ко всему еще — при музыкальных инструментах.

Иван Гопкало шипел:

— Едри его корень, нотный архив оставили. Партитуры! Это ж целое состояние!

Богдан Шпак навьючен больше всех. При полном боевом, еще и с огромным барабаном. Его вещевой мешок набит до отказа. Помимо смены белья, простыни и одеяла, бритвенного прибора и суточного сухого пайка, Богдан возил

с собой все, что осталось от «гражданки»: стопку увесистых книг. Богдана надо знать. Условий никаких, в свободное от военных, строевых и политзанятий время, которого, естественно, было ничтожно мало, но, без пяти минут артист, он поддерживал форму, и груз его был ему не в тягость: своя ноша не тянет.

И вот уже пошли по городу солдаты спешным шагом в сторону феодосийской железнодорожной станции Товарная. Туда, где два паровоза в спарке сипели, пыхтели, разводили пары. Эшелон, груженные техникой пулеманы, платформы под маскентами, красно-рыжие товарные вагоны — «сорок человек или восемь лошадей». Один вагон пассажирский, зеленый, для ком- и политсостава. Еще один — штабной.

Шли солдаты в последний раз по городу. Впереди — музвзвод. Нестройно звучали их «дудки», недружно печатали лабухи шаг. Что там впереди у них? Черт его знает, что.

В чаплинке полк Юхимчука впервые испытал силы противника, его наступательную мощь. Здесь, в Таврической степи, в ночной мгле бойцы на себе почувствовали тяжесть и горечь отступления. Этого слова, впрочем, произносить было нельзя ни в коем случае.

Отходили на "заранее подготовленные позиции".

Крещение полка в бою с врагом не состоялось. Уходили к Перекопу неорганизованно, спасаясь бегством.

Только один какой-то юркий, зоркий смельчак, изловчившись, отлучившись от сомканного, рассеянного, превращенного в толпу, в живую массу строя, на короткое время исчез. Не видать. А он — по стерне, по кукурузе, по бахче, маскируясь за зреющими головами арбузов, ужом подполз к орудийному расчету спящих фрицев, заткнул одному из них пилоткой рот. Пристукнув его, взвалил себе на спину и потащил по арбузному полю...

Устал. Тяжелый фриц. Степная, безветренная духота, соленый пот, а "переребчик", тащит измороженного фрица, всю злость на нем вымещает и только шепчет ему по-немецки: "Молчи, а то убью". Передохнул чуток, потом скрутил фрицу руки за спиной, поставил на ноги и — бегом, погоняя его сзади, гнал километра три, до расвета.

Утром бойцы полка узнали, что какой-то Шпак из музвзвода притащил немца — ефрейтора, первого "языка".

Бойцы рассматривали пленного немца, как диковину, как редкий экспонат, заговаривали с ним. Тот только глазами хлопал, дрожал от страха, из носа — сопли.

Пленного тотчас отправили к комиссару Зарайскому за Перекоп. Этот эпизод с немцем сразу слухом пошел гулять по подразделениям. "Язык" был не ахти какой, но все же... Шпак получил от Юхимчука персональную благодарность за храбрость и находчивость. Музвзводцы качали своего барабанщика...

На Перекопе — столпотворение. Десятки километровый вал, называемый Турецким, укреплялся: по оперативному плану он готовился стать неприступным. Полуразвалившийся, полузасыпанный наносным грунтом ров, созданный в стародавние века, без преувеличения, тогда считался чудом фортификационного инженерного искусства. Прорытый, перекопанный "от воды до воды", ров хитроумно перекрывался шлюзами. При наступлении врага шлюзы каким-то способом раздвигались, и гигантский ров заполнялся сивашской водой. Сейчас он "ремонтировался". Начали ладить предмостные укрепления, рыть на спелых бахчах

окопы, траншеи, ставить многокольные проволочные заграждения.

С военными строителями трудились тысячи добровольных помощников. Гребли лопатами землю. Солнце припекало, а бабы отчаянно врывались в древний горб дурацкого Турецкого вала. Для поднятия духа им подбросили музвзвод. Барабан Шпака, туго натянутый, — от жарких лучей солнца, казалось, вот-вот лопнет — заглушал собой весь оркестр. Шпак старался, баял на совесть, от души.

Алик Лужецкий солировал на томпаковой трубе с квартинтелем. Иван Гопкало соловьиными трелями разливался на кларнете, во всю мощь надувал щеки. Тенорист Петр Чарушников истадракал в такт, притопывал ногой...

Но тут сразу вдруг началось. Почти на бреющем полете проревели резвые фашистские истребители, полоснули струями пуль, прижали девок-баб, солдат к сырой земле. И скрылись, оставив на дне рва десятки убитых.

От Чаплинки пошла немецкая пехота. Через головы немцев артиллерия прицельно досылала по заграждениям перед Турецким валом "беглым". Развернутым строем, в открытую, топча уже спелые арбузы, дыни, кукурузу, шли по бахче рослые, красномордые, в бронированных нагрудных щитках и рогатых касках, с автоматами наперевес, да еще с запасными рожками в раструбах сапог, детины. Психическая атака.

Спасибо морякам: открыли артогонь с моря, били в тот жаркий день сентября кучно, точно. Приостановили немецкую пехоту, рассеяли ряды автоматчиков, дали нашим опомниться, уйти из-под огня. Бежали мы — такая вот музыка!..

В пять часов утра 24 сентября над передовыми позициями дивизии и под городком Армянском появилось несколько групп самолетов. Небо сшилось с землей, тучи пыли вздыбились до небес. Загремела немецкая артиллерия, пехотная дивизия немцев атаковала все подходы вдоль дороги Чаплинка—Армянск, окружила второй батальон полка.

Немец на маленьком пяточке у Джарылгачского залива учил наших, словно на полигоне, как надо воевать. Городишко накрылся тяжелым колпаком

401

песка, пыли и горел в адском орудийном огне. Казалось, что в Армянске не осталось ни одной живой души.

Немцу в городе уже нечего было делать, и он перенес огонь на степь, где уже несколько дней окапывались, вгрызались в сухую, непробойную землю взводы, роты полка. Как кроты, ползали бойцы по щелям, ходам, переходам, стараясь получше замаскироваться, хотя маскироваться, по сути, было нечем, кроме кукурузной ботвы да жухлой арбузной листвы. Походя жрали с голодухи арбузы, дыни. Котлы с остывшим борщом где-то застряли, отстали.

Комполка Юхимчук был вместе с бойцами. На взгорке саперы за ночь соорудили ему добротный НП, установили самодельный перископ.

Связисты с трудом поддерживали связь с соседями. Стрекотом кузнечиков лилась морзянка. Доставки никакой не было. Ни продовольствия, ни воды. Ни сухого пайка. Питались сырыми початками кукурузы. Совсем близко горела степь, спелая кукуруза. Готовились к очередной атаке врага. А враг вдруг переметнулся в направлении уже заготовленных нами позиций под Ишунью. Враг словно руководил нашими действиями, он еще и диктовал, где и как надо будет вести бой.

Четыре или пять дней — сбились со счета — лежали бойцы на дне траншей, ям, окопов. Гребешки брустверов похожи были на кучки, выкопанные прожорливыми сусликами: тех было тут множество, и они, черти, умели надежно маскироваться, отсиживаться в своих бесконечных подземных лабиринтах. Скоро, скоро и до них доберется вездесущий вражеский снаряд. Скоро, скоро начнется. Молитесь Богу, солдатики...

Горела степь, горела спелая кукуруза. Дым заволакивал небо. Годится! В дыму вылезать из окопа — ховаться способнее.

Секунда в секунду в 7.00 началась артобработка по всей передней линии наших укрытий, траншей, окопов. Казалось, немец уже пристрелялся к каждому видимому и невидимому укрытию. Все видит, сволочь!

Еще заход, еще. Да откуда же только эта прорва самолетов берется! Из Германии летят, что ли?

Бойцы уже без приказа отходили на рубеж второго эшелона. Там живая еще травка, деревья. И сансарай. Прыгают, падают, заваливаясь на зем-

лю, черные от пыли, грязи, смешавшейся с потом...

Лабухи-музвзводцы ныне пашут в санбараке, белые халаты сплошь в крови. Среди них санитар Богдан Шпак выделяется. Он и раненых носит, он и пилит им руки-ноги. От него горелой костью пахнет.

Врач вконец обессилел: с ног валится. В прямом смысле. Пока раненых на операционном столе меняют, падает и лежит, дышит, как астматик. Только и шепчет шустрому Шпаку: "Силен ты, брат!". А у того тоже на пределе и силы, и нервы. У Моргуна, кажется, крыша поехала, сдвинулся Моргун по фазе, заговаривается, смотрит на всех безумным взглядом. Уже и ходить толком не может, под руки его ребята водят. Значит, тебе, Шпак, о взводе думать надо. Лабухи — люди нежные, хоть и при погонах, в такой ситуации и запаниковать могут. А ситуация хреновая. Двух музыкантов немцы в плен взяли. Барабанщика Гопкало снаряд накрыл — только палочки остались. Теперь еще вот Моргун... Начальство о лабухах словно забыло. Оно понятно: начальству не до музыки, когда враг насеждает. Потому глупо разыскивать сейчас Юхимчука и спрашивать у него, что делать. Пока дело есть. Вот оно: халат в крови, ножовка, запах жженой кости. И будет это дело, пока не поступит какой-нибудь приказ сверху касательно лабухов или, скажем, не упадет на санбарак бомба и не разнесет все тут к едрене фене...

Свистит бомба над головой. Звенят остатки стекла, падает стена, облако пыли, красное и плотное от крови, вырастает рядышком. Вот она, эта самая феня.

Врач упал. Ничего он уже не шепчет Шпаку: мертв хирург. Стол и тот погребен под тем, что было недавно потолком и стеной. Шпака и соломиной не задело. Он смотрит в плотную красную пыль, срывает с себя уже не нужный халат:

— Эй, лабухи, кто живой? Выходи строиться!

(Окончание следует)

Вечеслав КАЗАКЕВИЧ

Вечеслав Казакевич родился в 1953 году в городе Бельничи, что на Могилевщине. Те, с кем в свое время он поступал в Высшее политическое училище МВД СССР, разменяли третий армейский десяток. Его же судьба сложилась иначе — он целиком посвятил себя литературному труду. Окончил МГУ. Пишет стихи и прозу. Член Союза писателей. Автор поэтических книг "Праздник в провинции", "Кто назовет меня братом", "У стен Царьграда".

ВСЕ ПРИ МНЕ

КЛЯТВА

Никакой и не было державы,
никакой и не было страны...
Только двор,

где на веревке ржавой
вверх ногами дрыгались штаны.

Вслед казармы каменная клетка,
голые мамзели в каждом сне,
хоботы сапог под табуреткой,
заросли портянок при луне.

А потом смурные общежития
да углы, в которых для души
все в окошке главные события:
туча мнетса, голубь шебуршит.

Ни морей, ни замков,
ни парадов,
только двор с портками
на ветру...
Пусть я буду беспримерным гадом,
если за него я не умру!

ПЕРЕСУДЫ

Говорят, что царевну Наталью
не достали уральскою далью
и, когда беляки наступали,
не пустили с семейством в расход.

Пожалели девчонку солдаты:
ведь была она придурковатой,
и ее из теплушки крылатой
за Московью столкнули в осот.

Покатилась она, как лягушка,
за кустами виднелась избушка,
и такая жила в ней старушка,
что и бывших царевен ей жаль.
Пухлой шторкой окошко затмила,
скорбной воблюю накормила
и в подарок, смутясь, получила
голубую старинную шаль.

А с утра по кисейным цветочкам
непутевая царская дочка
на Париж удалилась пешочком,
потому что в отсталой стране
все убийственным заняты делом,
и с сознанием своим неумельем
не нужна она красным и белым
ни при солнышке, ни при луне.

Закопали ее за границей,
а подарок доньине хранится,
слух идет по советской столице:
только шаль вынимают на свет,
у окна собаченция лает,
шелк никак выцветать не желает,
синим пламенем рьяно пылает
и не может сгореть много лет.

ПРОПАЩИЙ

С самого рождения мне дали
воздух, землю и большие дали!
А когда живешь на всем готовом,
поневоле станешь непутевым.

Поневоле вырастешь лентяем,
что валяться любит на диване
или бродит одичавшим краем
с головою в сказочном тумане.

Вдумчивей не сыщешь раздолбая
и грустнее нету зубоскала...
Может, вся страна моя родная
вот из-за таких людей пропала.

Зыблются в огне большие дали!
И в обговорившейся столице
можно удавиться от печали,
но нельзя душою измениться.

Снятся вновь
трехглавые драконы
и такого ж возраста хибары,
бабушкины пятки под иконой,
на заборах тучные котяры.

Все при мне!
Цветы в любом оконце.
Лес и поле к сердцу притулились.
И к тому же ни луна, ни солнце
до сих пор от нас не отделились.

ОФИЦЕР ЗАПАСА

В избе, где в окошках
зеленая грусть,
шалфей с резедою,
в такое туманное утро проснусь,
в такое седое!

И вспомню, что ливень,
что всюду война,
стекло в бородавках;
что встретила в поле
намедни сосна
с телами в удавках.

А все в облака норовил
ты глядеть,
стихов сочинитель!
Не думал, что снова
придется надеть
с погонами китель.

Но всюду война...
Пушек рев вдалеке.
Цветов позевота.
И глупо погибнуть
в таком бардаке,
и жить неохота...

ГЕОГРАФИЯ

Если б мы с Китаем не граничили,
не учились у Орды величию,
если бы турецкие обычаи
не перенимали никогда,
а напротив, с вьюгой и медведями
англичанам были бы соседями,
в римское вникали правоведенье
долгие-предолгие года —
все равно бы мы бежали к Разину,
с Пугачевым вместе безобразили
и царя при первой же оказии
грохнули в истории кювет,
и вдобавок Англия с туманами,
знойная Италия с вулканами
назывались братскими бы странами
не один уже десяток лет...

ПРАЗДНИЧНАЯ ОТКРЫТКА

Когда-то, брат, когда-то, брат,
когда-то
меня любая радовала дата,
что краскою пожарною заката
в календарях была отмечена.

С утра уже веселые родители
под марши бодрые
ботинки чистили,
летел вороной запах гуталина,
пирог с малиной
закалялся в печке.

В колоннах люди шли
миролюбивые,
никто не гнул под плакатов ношею.
И на портретах были все красивые!
А на трибуне были все хорошие!

Но с ноябрями новыми и маями
красавцы оказались негодьями,
и нынче над домами и сараями
не всходит счастье
в праздничный денек.

Лишь Дед Мороз на вате и на пакле
пока еще при блестках,
не в опале
волочит по сугробам в наши дали
с грядущими раздорами мешок...

Роман ЗЛОТНИКОВ

КРЫЛЫШКИ БОЖЬЕЙ КОРОВКИ

Фантастический детектив

8.

Весь день Дональд бродил по окрестностям ранчо, а к вечеру, когда группы стали возвращаться, он догнал «соколов», во главе с Костиком.

— Один вопрос, мистер...

— Зовите просто — Костик, мне так привычнее, — весело отозвался тот.

— Хм, ну хорошо. Так вот, Костик, я заметил, что вокруг ранчо полно птиц. Почему они не боятся ваших соколов?

Костик пожал плечами.

— Сейчас не боятся, потому что знают, а первое время очень нервничали.

— То есть? — не понял О'Рейли.

— Это была идея Ивана, позвать птиц, чтобы были сторожами, но первое время, пока они не привыкли к соколам, очень нервничали, особенно чибисы, мы их еле удержали... — Костик расхохотался. — Извините, мистер О'Рейли, но у вас такое выражение лица...

О'Рейли смутился.

— Ну, знаете ли, если это розыгрыш, признаю, что попался, пять очков в вашу пользу.

— Да нет, — Костик покачал головой.

— Понимаю, что звучит необычно, но тем не менее это правда.

Некоторое время Дональд молча шел рядом, а когда они уже входили в ворота ранчо, повернулся к Костику и сказал:

— Я думаю, мне стоит поподробнее узнать, что же такое «Собор».

Вечером, уютно устроившись у пылающего камина, Дональд затаил с сигарой и повернулся к Ивану.

— Вы знаете, мистер Воробьев, когда мне поручили это дело, я перелопатил кучу литературы и изучил все, что было

в наших архивах касательно «Собора», но сегодня выяснилось, что я ни черта в этом не понимаю. Вы хотя бы немного просветите меня?

Иван улыбнулся.

— Вообще-то, я не очень умелый рассказчик.

— Ну да? — нарочито удивился Дональд. — Что-то после вашей передачи мой сын откликается только на кличку Волк Иван и изрисовал все стены гаража изображениями Перуна. Там у него святилище.

Иван расхохотался:

— Даже так? Что ж, тогда слушайте. Начнем, пожалуй, с истории. «Собор», как воинское искусство, возник невероятно давно. Первым письменным упоминанием о воинах из «Собора Перуна» является дошедшее до нас в списках «Сказание об Обровом побоище».

— Каком? — не расслышал Дональд.

— В шестом-седьмом веках нашей эры племени обров, или авар, создали огромное государство от Эльбы до Кавказа, но были быстро разгромлены страшными воинами-оборотнями, которые «волком по земле бегут, соколом в небесах летают, выдрой в воде плавают». Это я цитирую.

— Ха! Тотемные животные!

— Совершенно верно. Волк, сокол, выдра, ласка и медведь — пять тотемных животных. Кстати, упоминания о людях-оборотнях встречаются во многих народных сказках, поверьях и даже официальных летописях, причем почти всегда человек оборачивается в кого-то из этих пяти. У нас от той поры сохранилось очень много обрядов.

— Надо же.

— Но к шестому веку искусство «Собора» уже приняло практически современный вид, а его зарождение скорее всего относится к тому времени, когда

Окончание. Начало в № 9.

славянские племена для защиты от "степи" стали создавать слободы — поселения воинов-профессионалов. До того, как мы узнали о "Соборе", способность этих слобод держать границу "степи" казалась невероятной. Представьте себе: маленькие укрепленные селения с несколькими десятками воинов, отстоящие друг от друга на сотни километров, не пропускали в глубь славянских земель ни одного набега. Только крупные орды, численностью в несколько тысяч человек, прорывались через кордон. Оказывается, слободы были центрами гигантской разведывательной сети. Тотемные волки, соколы служили разведчиками и, в свою очередь, получали информацию от диких животных. Есть такое присловье: "Сокол-востроглаз весть принес, волк-степняк силу счел, выдра хвостата лошадей пугала, медведь-хозяюшко засеки ставил, ласочка-разумница в слободу бежала, руссов подымала, к месту вела, на бой звала". Именно тогда появились легенды о людях-оборотнях. Там, где не мог пройти человек, шел зверь, но зверь с разумом и хитростью человека, а если человеку не хватало силы, нюха, реакции, зверь помогал ему во всем, чем мог.

— То есть?

— А вы понаблюдайте за нашими занятиями. На пальцах это я объяснить не смогу.

— Ну, хорошо. А как все это дошло до нашего времени? Насколько мне помнится, лет двадцать назад о "Соборе" никто и не слышал. Или я ошибаюсь?

— Все верно. Но только это не означает, что до того времени "Собора" не было.

— Допустим. Что же тогда это означало?

— "Собор" как школа существовал достаточно открыто еще очень длительное время и после принятия на Руси христианства, ибо фоды и князя нуждались в хороших воинах, а, по оценкам древних летописей, воины "Собора" имели, как мы говорим, коэффициент боевой эффективности где-то 1:30, 1:50 в зависимости от условий боя; былины о богатырских заставах, когда двое-трое воинов наголову громили налетчиков, не такой уж вымысел. Но затем постепенно, с упрочением христианства, "Собор" стал подвергаться гонениям как ересь и был вынужден уйти в своеобразное подполье. О нем забыли, в лучшем случае, сделали сказкой. А в конце двадцатого века раскопали всемирно известные ныне рукописи — памятники языческой культуры.

— То самое "Сказание об Обровом побоище"?

— Да, и сказка, как говорится, стала былью. Но какой? Не очень чистоплотные люди начали организовывать шоу, где устраивали бои фальшивых воинов "Собора", подготовленных якобы по методикам, разысканным в этих книгах. Но это абсолютно противоречит этике "Собора". Ни один из нас никогда не поднимет руку на другого.

— Но это же соревнования.

Иван покачал головой.

— Все равно. Тем более вместо волков они использовали специально тренированных собак. Это было эффективно: человек и зверь против человека и зверя. Бои стали приносить бешеные деньги, но они часто заканчивались смертью бойцов. Против школы началась шумные кампании, и тогда старейшины решили, что "Собор", истинный тот, члены которого все время жили среди нас, передавая свое искусство из поколения в поколение, должен вернуть свое доброе имя. Несколько воинов стали участвовать в боях, и в течение одного сезона все прежние чемпионы оказались не у дел.

— Черт возьми! Я вспомнил, откуда мне показалось знакомым ваше лицо. Вы один из тех...

Иван кивнул.

— Вы правы. Когда мы заняли все высшие ступеньки, мы смогли диктовать свои условия. Любой доморощенный чемпион слетал в первом же бою, а между собой мы не дрались. Так от "Собора" ушли грязные деньги: на схватках безвестных новичков со знаменитыми мастерами боя, какими мы стали, много не заработаешь, а мастера между собой драться не хотят. И мы смогли спокойно заняться настоящим возрождением "Собора". За сотни лет тайны удалось сохранить только общую методику. Исследованием возможностей, накоплением данных заниматься невероятно сложно, но за последние десять лет мы сумели расширить наши возможности больше, чем за предыдущие семьсот.

Они проговорили весь вечер. В конце концов Дональд бросил в камин очередную сигарный окурочек и задумчиво сказал:

— Потрясающе интересно, но, убой Бог, я не могу понять, почему эти ребята так остервенело за вами охотятся?

Весь следующий день он, обрядившись, как и все, в холщовые рубаху и штаны, подвязав волосы полоской кожи, бродил по лесу вместе с группой "волков". А вечером, вновь устроившись в кресле у камина с неизменной сигарой, заново принялся потрошить Ивана вопросами.

— Мистер Воробьев, я понаблюдал сегодня за группой и хочу сказать, что

у этих ребят нет никакого понятия о дрессировке.

— Совершенно верно.

— Тогда объясните, откуда такие потрясающие результаты? Ваши волки демонстрируют такие вещи, что у любого циркача челюсти сведет от зависти.

— Ну, механика этого явления вам известна. Психоконтакт. Мы понимаем друг друга на ином уровне, чем язык команд.

О'Рейли недоверчиво покачал головой.

— Вы хотите сказать...

— Вспомните передачу Дерома.

О'Рейли с минуту молчал, потом, сплюнув сигару, вскочил с кресла и прошелся по комнате.

— Я считал это срежиссированным трюком.

— Это не так.

— Так что же, волк самостоятельно отыскал ни разу не виденного им человека, причем не по запаху, а по костюму, цвету волос, очкам и часам "Ролекс"? Но это же вздор!

— Не совсем так. Если хотите, я попытаюсь объяснить.

Дональд сделал шаг к креслу и опустился на него, устремив на Ивана нетерпеливый взгляд. Иван шумно вздохнул, не зная с чего начать.

— Если позволите, я начну издалека. Прежде всего надо сказать, что "Собор" — языческое искусство. Язычество — наиболее древняя и продолжительная духовная среда, в которой жил человек. Две — две с половиной тысячи лет христианства, буддизма, ислама или иных современных религий, я уж не говорю об атеизме — ничто по сравнению с десятками тысяч лет язычества. Понимаете?

— Не совсем.

Иван улыбнулся.

— Конечно, это пока не объясняет умение волка отличать твидовый костюм от прочих. Но я хочу, чтоб вы поняли сущность того, что мы называем "Собором".

Дональд хмыкнул.

— Валяйте.

— Если за сотни тысяч лет человек, постоянно ощущая на себе воздействие физической окружающей среды, приобрел кое-какие неистребимые признаки — цвет кожи, разрез глаз, — то этот же человек за те же сотни тысяч лет воздействия духовной среды язычества так же должен был приобрести какие-то неистребимые признаки этого воздействия. Логично?

Дональд кивнул.

— Идем дальше. Сегодня негр, где бы он ни родился: в Африке, в Кана-

де, в Антарктиде, все равно рождается с черной кожей.

— Ну и что?

— А то, что в какой бы духовной среде человек ни родился — христианином, буддистом, атеистом, он рождается язычником.

Дональд с минуту молчал, уставя взгляд на свои ботинки и задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику кресла, потом поднял глаза на Ивана.

— А вы рискован человек, мистер Воробьев: обозвать ирландца язычником... — и он улыбнулся. — Продолжайте.

Иван кивнул.

— Я рад, что вы поняли. Понимаете, язычество — это не совсем религия, это — уклад жизни. На протяжении сотен тысяч лет человек приспосабливался к среде обитания, вырабатывал приемы взаимоотношений с ней, и многое, что мы сегодня воспринимаем как дикий ритуал, бессмыслицу, на самом деле является лишь дошедшим до нас из седой древности остатком механизма воздействия на окружающий мир. Посмотрите, сколько открытий в этой области принес ушедший век. Мы вспомнили, что каждую травинку надо рвать в свое время, одну на рассвете, другую в полнолуние. А как вспомнили? Благодаря чему, а? Благодаря общему духу всего живого! Грубо говоря, все живое излучает волны, которые можно принять и понять, если очень этого хочешь. Понять на молекулярном уровне.

— Это как? Вот, к примеру, на теле-студии...

— Мне не нужно было описание Спенсера, меня не интересовали его костюм, часы, волосы, просто, пока Дером говорил о Спенсере, я идентифицировал его, а передать приметы, знак этого Спенсера волку не составляло труда, поскольку мы — вроде как единое целое. Спенсер мог бы переодеться, наклеить усы, сделать операцию и стать женщиной, но и я, и волк все равно бы узнали его.

Иван замолчал. Дональд некоторое время сидел и смотрел на огонь в камине. Потом зашевелился. Бросил взгляд на потухший окуроч сигары.

— Черт возьми, за сегодняшней вечер я не выкурил даже одной сигары. Послушайте, Иван, но ведь Дером не член "Собора", как он мог идентифицировать этот, как вы говорите, дух или душу Спенсера и передать его приметы? Он же не ваш тотемный волк?

Иван улыбнулся.

— Так ведь и его предки сотни поколений были язычниками. А что касается нашего контакта... Я ведь старейшина.

— То есть?

— Когда человек заканчивает нашу школу и становится членом "Собора", он, как правило, способен на психо-контакт только со своим тотемным животным и со своими Перуновыми братьями. Следующая ступень — воин, он уже умеет, как мы выражаемся, "говорить" с другими членами "Собора", животными, некоторыми людьми. Я — старейшина, это еще более высокий уровень.

Дональд хмыкнул.

— А выше есть?

— Да, волхвы.

— А эти волхвы есть в Штатах?

Иван покачал головой.

— Не знаю, но, видимо, нет. Если бы были, то, вероятно, мы узнали бы об этой войне, объявленной нам, гораздо раньше. Америка вообще пока молодая страна для "Собора".

— Послушайте, Иван, а мог бы кто из ваших соратников заняться идентификацией преступников, стать супер-детективом?

Иван пожал плечами.

— Не думаю, мы предпочитаем сидеть в сельской местности или по самым окраинам городов. В больших городах зверям жить труднее. Но в принципе все может быть. Я в начале своей деловой карьеры тоже оказывал кое-какие услуги.

О'Рейли кивнул.

— Отец наводил о вас справки, и знаете, что он мне после этого сказал?

Иван вопросительно посмотрел на Дональда, тот усмехнулся.

— Он сказал: "Дональд, его, конечно, нельзя назвать добропорядочным, но он до конца верен друзьям и у него есть святая в душе".

Иван опустил глаза.

— Что ж, спасибо ему за такую оценку.

Дональд кивнул.

— А еще он сказал, что никому не советует записывать вас в свои враги.

— Почему?

— Отец считает, что вы слишком страшный враг.

На следующий день О'Рейли уехал.

9.

Вернулся он почти через месяц, суб-ботним утром. У ворот ранчо остано-вился яркий оранжевый микроавтобус, из которого выбрались Фил Сноурт, О'Рейли-младший и двое незнакомых мужчин. Иван из окна кабинета заметил подъезжающий микроавтобус и уже стоял на пороге. Увидя Фила, он бро-

сился к нему, обнял его за плечи и крепко прижал к себе.

— Спасибо, брат, спасибо, Волк, — растроганно запричитал Фил.

— Как я рад тебя видеть, Сокол!

Фил отвел повлажневшие глаза.

— Мой сокол погиб. А я выжил только благодаря ему.

Иван вздохнул.

— Они верны нам больше, чем мы им. Они верны нам до смерти.

Он повернулся к прибывшим.

— Добрый день, прошу в дом.

Все поднялись по ступенькам и вошли в просторный холл.

— У вас по субботам тоже занятия, мистер Воробьев? — удивленно спросил О'Рейли.

— Нет, просто эти люди предпочли провести уик-энд здесь.

О'Рейли покачал головой.

— Вы меня продолжаете удивлять, Иван. Ну ладно, дело не в этом. Я бы хотел, чтобы вы собрали всех инструкторов.

— Эльха уехала в город. Какие-то общие секреты с Памелой, — пояснил он Филу. — Келли я отпустил домой на весь уик-энд, а Конрад и Костик уже идут сюда.

— Вот и хорошо. Это профессор Джексон и доктор Хаммер, они согласились оказать нам услуги в решении наших проблем, но у них есть несколько вопросов.

Иван кивнул.

— Ясно. Прошу прощения, но я бы хотел, пока подойдет остальные, побыть наедине с мистером Сноуртом.

Они прошли в кабинет.

— Как ты? — Иван озабоченно смотрел на Фила.

— Да все в порядке.

— Ну-ну, пережить такую передра-гу... То-то Эльха к тебе зачастила каж-дый уик-энд, я думал, так глядишь и... Фил грустно покачал головой.

— Никаких "и", Иван.

"Елки-палки, — подумал Иван, — как я неуклюж..."

Они помолчали.

— Слушай, а почему ты не женишься на ней? — обратился к нему Фил.

Иван поморщился.

— Фил, на этот вопрос я ответил семнадцать лет назад самой Эльхе.

— И с тех пор никаких изменений?

— Да.

— Вот и у меня никаких изменений.

Он вновь грустно замолчал. Иван почувствовал, что надо срочно менять тему.

— Где ты взял такого потрясающего секретаря?

Фил оживился.

— О, это целая история. У меня в Джорджии есть банкир. Очень почтен-

ный человек, один из самых родовитых. Его предки были плантаторами и входили в число именитых граждан еще до войны Север — Юг. Ну так вот, это его дочь. Тарлтоны всегда очень строго относились к чести семьи. А этот чертенок Памела спуталась с каким-то шоу и прокатилась по всему восточному побережью. Когда она заявила домой, отец первым делом загнал ее к гинекологу, а потом, узнав, что она в порядке, тут же отослал ее ко мне со слезной просьбой последить за ней.

Иван рассмеялся.

— Ну и как?

Фил сокрушенно махнул рукой.

— Она меня чуть в гроб не свела своим ехидством, но работник прекрасный.

В дверь стукнули, потом она распахнулась, и в кабинет скользнули Костик и Конрад. Пока они тискали Филя в объятиях, Иван пригласил зайти остальных. Он подождал, пока все рассядутся, и повернулся к Дональду.

— Итак, что вас интересует?

Первый вопрос задал доктор Хаммер.

— Мистер О'Рейли нам в общих чертах рассказал о том, что такое "Собор". Кроме того, мы имели еще кое-какую информацию, поэтому пришли к некоторым выводам. Если ваши ответы их подтвердят, то можно сказать, что мы нашли причины, по которым на вас шла, так сказать, охота. — Тут он сделал паузу и перешел к собственно вопросу. — Скажите, с кем вы можете устанавливать психоконтакт?

— Все зависит от "соборника". Сначала тотемные животные, потом твои Перуновы братья, потом люди, близкие тебе, потом не очень близкие, птицы, животные. В принципе, планка может подниматься бесконечно высоко. Волхвы, например, умеют, как мы выражаемся, "говорить", не только с людьми, животными, но и с травой, ветром, деревьями.

Ученые переглянулись.

— А эти контакты всегда имеют одну природу?

— Вы имеете в виду, всегда ли это только психоконтакт?

— Именно.

Иван покачал головой.

— Природа нашего контакта до сих пор не совсем ясна, в основе действительно лежит психоконтакт, но что касается остального...

— Но как же вы можете применять эту форму контакта, не зная его природы?

— Мне кажется, что мы немного отклонились от темы, — сердито заметил О'Рейли.

— Да, да, — Джексон помассировал виски. — Скажите, а вы можете воз-

действовать на физическое состояние человека?

— Да, можем.

— Это воздействие строго индивидуально или может быть коллективным?

— Все зависит от цели воздействия.

— Значит, может быть коллективным?

— Да, естественно.

— Так-так, — Джексон, удовлетворенно потирая руки, повернулся к Хаммеру, подмигнул ему, а затем вновь обратился к Ивану. — Скажите, воздействие, которое вы можете оказывать на людей, оно всегда целенаправленно и осознанно?

Иван, Конрад и Костик обменялись быстрыми взглядами.

— Нет, не всегда.

— Вот! — Хаммер вскочил и забежал по кабинету. — Поподробней, пожалуйста, как можно подробней!

Иван повернулся к Конраду.

— Давай, это же твой конек.

Конрад задумчиво потер подбородок.

— Ну, ближайший пример — школа. Трое и более членов "Собора", в ранге воинов создают некую зону, которая благотворно воздействует на способности обучаемых и даже на здоровье, характер и так далее. Мы же имеем много подтверждений подобному подходу.

— Нет. Нас интересует возможность нецеленаправленного, побочного воздействия на абсолютно посторонних людей.

— Вот оно что, — Конрад улыбнулся и повернулся к Дональду. — Мистер О'Рейли, вы, помнится, отличались пристрастием к сигарам.

Дональд весело кивнул.

— Был грех, но знаете, уже месяц, как бросил. Даже удивительно, не тянет, с тех пор как... То есть, вы хотите сказать, черт возьмись!..

О'Рейли ошарашенно оглядел окружающих.

Конрад повернулся к ученым.

— Те, кто общается с нами, гораздо легче избавляются от вредных привычек. По отношению к ним не применяются какие-то специальные приемы лечения, есть только наши мысленные пожелания...

О'Рейли поднялся и подошел к компьютеру. Вынул из кейса дискету, вставил в дискковод:

— Смотрите, что еще вы волей-неволей, но желаете.

На экране высветился график.

— Что это за график? — спросил Иван.

— Количество общеуголовных преступлений в Чикаго за последние десять лет. Видишь, четыре года назад резкое падение, почти на порядок, потом более пологое, но непрерывное

снижение, а полгода назад снова резкий рост.

Иван кивнул.

— Это разгадка, о которую уже три года ломают зубы наши аналитики. В Чикаго преступность была в десятки раз ниже, чем в других крупных городах. В десятки раз!

О'Рейли надавил кнопку, картинка сменилась, но новый график был почти идентичен старому.

— А это уровень потребления наркотиков.

— Вот и ответ на вопрос, почему меньше преступлений, — нетерпеливо влез Костик.

О'Рейли ехидно посмотрел на него.

— Прекрасно, молодой человек! А не подскажите ли, почему снизился уровень потребления наркотиков?

— Ну, — Костик смутился, — не знаю, может, привозить стали меньше.

Дональд расхохотался. Костик совсем смешался, потом улыбнулся.

— Ладно, мистер О'Рейли, давайте вашу версию. Вы ведь именно для этого сюда приехали?

Дональд, все еще смеясь, надавил на клавишу, и на экране появился график, являющийся зеркальным отражением первых двух.

— А это число членов "Собора" в Чикаго. Обратите внимание, именно четыре года назад число членов "Собора", в Чикаго увеличилось в два раза. Чикагцы заинтересовались "Собором", и наборы в школах Чикаго и Вермонта были почти сплошь из них. Запомните эту цифру — сто сорок человек. А полтора года назад — падение: началась охота за вашими людьми. Четыре года назад, когда членов "Собора" было сто сорок, падение преступлений на порядок, а полгода назад, когда "Собор" стал терять людей, столь же резкий взлет и преступлений, и потребления наркотиков.

Иван задумчиво покачал головой.

— Вы хотите сказать, что если в Чикаго будут жить более ста сорока членов "Собора", то...

— Да, вполне возможно, есть некая критическая масса, влияющая на нравы окружающих, но я хочу сказать, что каким бы невероятным это ни казалось, мы нашли мотив в действиях преступников. Они раньше нас поняли, что "Собор" страшен для них.

Дональд окинул взглядом присутствующих.

— Теперь понимаете, почему они не считаются с расходами? Вы — их смерть. Черт возьми! Я удивлен, почему они вас до сих пор не тронули...

В кабинете на некоторое время повисла зловещая тишина. Ее прервал Конрад.

— Довольно смелый вывод. Но эти ваши факты — их можно объяснить случайностью, не так ли? Логика не строится на трех цифрах...

Джексон воодушевленно заговорил:

— О, у нас не только три цифры!

В разговор вновь вступил Хаммер.

— Мы уже два года изучаем странную аномалию: в Чикаго зародилась и стала разрастаться, если можно так сказать, зона благополучия радиусом миль в семьдесят с центром на четыре мили юго-восточнее географического центра города. В ней — резкое снижение потребления наркотиков, никотина, алкоголя. Почти трехкратное, за последние четыре года, увеличение площади зеленой зоны. И только сейчас мы связываем это с тем, что там расположен ваш "Собор". Точка, я бы так выразился, мыслесигналов, положительно влияющих на среду, очищающая нравы, саму природу... Что это?

Далекий рев раздался со стороны леса. У окна замерла, трепеща крыльями, крупная птица. Кто-то настойчиво заскреб в дверь.

Иван рванулся с кресла, распахнул дверь, окно. Тотчас в комнате оказались сокол и волк. Одновременно с этим во дворе послышался шум подъехавшей машины, затем стук каблучков, и вот уже бледная, без кровиночки в лице Памела вбегает к ним и кричит:

— Эльху... убили!

10.

Памела открыла глаза. Комната, в которой она лежала, была погружена в сумерки. Сквозь задернутые шторы пробивались лучи солнца. Памела откинула плед, которым была укрыта, и села на диване. Снизу не доносилось ни звука. Она нахмурилась, потеряла виски, слякя припомнить, каким это ветром ее занесло сюда, на ранчо Сноурта.

Вспомнила.

Они уже час бродили с Эльхой по второму этажу самого шикарного в городе супермаркета.

— Посмотри, какая прелесть, — Эльха обернулась к Памеле, держа на ладони великолепную вазочку кипенно-белого фарфора с росписью золотом. — У Ивана сегодня день рождения, а это его любимые цвета. Я беру, — бросила она продавцу и повернулась к Памеле. — Знаешь, он русский, до кончиков ногтей, до мозга костей русский, а это цвета древней Руси. Все древние храмы на Руси строили белокаменными с золотыми куполами.

Они уже подходили к выходу, как вдруг ласка на плече Эльхи вздыбилась

шерсть и, хищно изогнувшись, зашипела. Эльха замерла, жестом остановив Памелу.

— Что случилось?

— Впереди опасность. — Эльха, не отрывая взгляда от сверкающих хрусталем и бронзой входных дверей, отступила к колонне и как бы прислушалась к сидящему на плече зверьку, нервно поводящему оскаленной мордочкой.

— Очень плохо, — она повернулась к Памеле. — Вот что, девочка, нам обеим не уйти. — Сунула ей коробку с подарком. — Держи, сейчас побежишь к другому выходу, но выйдешь не раньше, чем через полминуты после того, как услышишь выстрелы. Прыгай в любую машину и сразу же езжай на ранчо.

— Но... почему? Что случилось?

— Сейчас не место для объяснений. Уходи же!

Памела в каком-то трансе прошла через весь супермаркет, когда впереди уже замаячил другой выход, сзади раздалась лающая звуки пистолетных выстрелов. Потом застучали пулеметы. Ошалевшая толпа вынесла Памелу из дверей и выплеснула на автостоянку, натолкнув на мужчину в белой ковбойской шляпе, пытающегося попасть ключом в замок на двери своего "джипа". Памела вырвала у него ключ, открыла дверцу, села, включила зажигание, на сумасшедшей скорости влетела на площадку перед центральным входом. "Ох, если бы Эльха успела вскочить в кабину..."

Но было уже поздно. Посреди площадки в огромной луже крови лежала Эльха, исполосованная автоматными очередями, в нескольких шагах от нее — трое мужчин: один с проломленной переносицей, другой со стальным шипом в глазнице, а у третьего на шее, в районе сонной артерии, застыл, намертво сжав челюстью, зверек с коричнево-бурым мехом...

Стук в дверь прервал тяжелые воспоминания. Она отворила ее, вошли Иван и волк. Увидев заплаканную девушку, Иван погладил ее по голове:

— Скоро все кончится, малыш, очень скоро.

Он был одет в маскировочный балахон армейского типа.

— Что все это значит, Волк? — она впервые назвала его так, как звали только самые близкие друзья.

Он ничего не ответил. На пороге выросли Конрад и Костик в таких же комбинезонах.

— Что вы задумали, ребята?

Конрад и Костик переглянулись и, пожав плечами, опустили в кресла.

— Почему вы молчите? Объясните, что здесь происходит?

— Сейчас сюда приедут полиция и твой отец, — сказал Иван. — Он увезет тебя домой...

Памела посмотрела на него долгим взглядом.

— Мне наплевать, что будет со мной! Идет охота за вами, и я хочу знать, что вы решили.

Мужчины переглянулись. Конрад шумно вздохнул.

— Ты очень хорошо сказала — охота. Есть такой охотничий термин — риверси. Это когда загнанный кабан вдруг разворачивается, ломает хребты собакам и бросается на охотников.

Минуту стояла тишина.

— Господи! — Памела повернулась к Ивану. — Это же опасно! Пусть полиция... Это ее дело...

— Мы обязаны помочь, — спокойно сказал Иван. — Мы знаем, что надо делать. Иначе будет много ненужных жертв.

— Что ж, идите и сражайтесь с этими...

Конрад и Костик повернулись к Волку. Тот сказал:

— Здесь остается Фил. Пока не приедет полиция... Ты посмотри за ним, ладно?

— Могли бы и не говорить мне этого.

— Спасибо, малыш.

11.

Тому Хайдеру до пенсии оставалось два месяца. Поэтому он был совсем не рад, когда его сунули старшим патруля в эту дыру. Его, настоящего профессионала-полицейского, забросили в Богом забытый округ и держали здесь уже неделю. Хреновое настроение скрашивала только двойная ставка — он уже с десяток раз пересчитывал, сколько долларов это ему добавит к пенсии. Еще были здесь и полицейские из соседних штатов. И ФБР прислало сюда группу по борьбе с терроризмом. Не скучно, конечно, но страшновато. Уж кто-кто, а ФБР умеет считать деньги и просто так не раскошелится. Значит, ожидается приличная заварушка. Но Том Хайдер твердо решил ни при каких обстоятельствах не лезть в герои. Еще бы, надо быть идиотом, чтобы рисковать за два месяца до пенсии. Поэтому, когда перед их машиной, стоящей в густом кустарнике на обочине сельской дороги, в четырех милях от ранчо "Красные маки", выросла фигура человека в маскировочном балахоне, похожем на армейский, Том первым делом вцепился в своего напарника, схватившегося за кольт: "Не спеши!"

Как оказалось, он поступил абсолютно верно. Мужчина в маскировочном балахоне сделал шаг вперед, открыл дверцу и произнес:

— Прошу извинить, мистер сержант, но мне необходимо срочно связаться с федеральным агентом Дональдом О'Рейли.

В открытую дверцу тотчас втиснулся огромный волк, впрыгнул на заднее сиденье. Хайдер без промедления и лишних вопросов включил рацию.

— 512-й вызывает "Яблоко".

Через несколько мгновений рация ожила.

— В чем дело, 512-й? Вы что, забыли приказ?!

— Приказ, приказ, — ворчливо заговорил Хайдер. — Сержант Хайдер говорит. У меня проблема!

— Вы с ума сошли, — ахнула рация голосом лейтенанта Раевски. Приказ предписывал полное радиомолчание, и уж тем более под страхом самых жесточайших взысканий запрещалось называть звания и фамилии должностных лиц. Но этот Раевски, законник конченый, за прошедшую неделю успел так надоест Хайдеру, что тот был рад возможности хоть немного насолить ему, нарушив его строжайшее указание.

— Лейтенант, вы помните ориентировку о трех ребятах, со своими дрессированными зверюшками?

— 512-й! — ледяным тоном засипела рация. — О вашем нарушении приказа я немедленно донесу рапортом...

— Да пошли вы со своим рапортом! — взорвался Хайдер. — Один из этих парней стоит сейчас у моей машины и требует, чтобы его соединили с федеральным агентом О'Рейли.

Рация немного помолчала, переваривая информацию.

— Везите его сюда.

Хайдер вопросительно посмотрел на незнакомца, но тот отрицательно покачал головой.

— Он не хочет, лейтенант.

— Что значит не хочет?! — взорвалась рация. — Вы полицейские или шлюхи из ночного клуба?!

— Послушайте, Раевски, вы помните, в одной из ориентировок сообщалось о зверюге, который запрыгнул в окно микроавтобуса и загрыз четырех киллеров из группы Макса?

Рация возмущенно булькнула и недоуменно спросила:

— Ну?

— Так вот, эта тварь сейчас дышит нам в затылок. И я бы очень не хотел ее раздражать.

— Это что, нападение на полицейского при исполнении служебных обязанностей?

Хайдер вновь вопросительно посмотрел на незнакомца, но тот был абсолютно невозмутим. Том вздохнул и поднес микрофон к губам.

— Да нет. Сдается мне, что парню действительно позарез нужен О'Рейли.

— Хорошо, ждите.

Их соединили довольно быстро.

— Алло, Иван, алло!

Хайдер передал микрофон незнакомцу.

— Привет, Дональд, рад тебя слышать.

— Вы живы? Все? Черт! Я надеюсь, вы не натворили никаких глупостей?! Немедленно возвращайтесь, это не ваше дело, этим делом занимается ФБР. Ты меня слышишь? Да ответь же!

— Я тебя слышу.

— Ты понял, что я сказал? Немедленно возвращайтесь.

— Я тебя понял.

Рация растерянно замолчала. Видимо, собеседник ждал решительного "нет", или того, что с ним начнут спорить.

— Так вы возвращаетесь?

— Да, сразу же после того, как ты отдашь приказ об эвакуации всех полицейских сил из зоны, ближе пятнадцати миль от ранчо "Красные маки".

— То есть... А откуда вы знаете?

— Это долгая история.

Рация замолчала.

— Дональд, ты меня слышишь? Немедленно отдай приказ об эвакуации.

— То есть? Я ничего не понимаю.

— Я тебе все объясню. Когда приеду.

Рация опять помолчала.

— Слушай, Иван, ты ставишь меня в дурацкое положение.

— Дональд, пойми, то, о чем я тебя прошу, действительно необходимо. А времени очень мало.

— Ладно, но чтоб через час были у меня.

— Ты отдашь приказ?

— Да.

— Немедленно?

— Да, да!

Хайдер тихонько присвистнул. О'Рейли был большой шишкой и руководил всей операцией, кем же тогда был этот парень, если по его устной просьбе, не подкрепленной никакими аргументами, шеф согласился немедленно снять патрули? Незнакомец отдал микрофон Хайдеру, открыл заднюю дверь и, выпустив волка, сам влез на сиденье. Рация вновь ожила.

— "Яблоко" вызывает 512-го, 542-го, 514-го!

Хайдер потянулся к микрофону и лениво ответил.

— Всем — немедленная эвакуация, повторяю, всем — немедленная эвакуация! — потом, немного помедлив,

продолжила: — 512-й, ответьте “Яблоку”.

— Здесь 512-й.

— Вам вместе с пассажирами немедленно прибыть в управление полиции округа. Как поняли?

— Хорошо понял, — буркнул Хайдер, заводя мотор и наблюдая за тем, как к машине подходят и усаживаются на заднее сиденье еще двое, в таких же балахонах, что и первый.

Дональд О’Рейли встретил их на ступеньках перед входом.

— Живы? Все? Черт! Вы меня в гроб загоните своими заскоками! Какого черта вы исчезли с ранчо Сноурта?

Иван сжал его за плечи.

— Что-то ты слишком часто стал черта поминать, а, Дональд?

— Черт! Тьфу! — Дональд сокрушенно махнул рукой. — С ума с вами сойдешь. Пошли.

Они поднялись на второй этаж, оказались в небольшом кабинете.

— Садитесь. — Дональд указал на стулья и, когда все расселись, грозно сказал: — Ну?

— Дональд, ты знаешь, кто собрался на ранчо “Красные маки”?

— Я-то да, но откуда ты...

— Ты знаешь, зачем они собрались?

Дональд решил ответить более осторожно.

— Мы предполагаем, что их основной вопрос — это вы. С тех пор, как вы исчезли, они ведут себя очень нервно. Наши информаторы сообщают, что доны* озабочены, и это совещание — попытка наладить еще более широко-масштабную координацию для решения вашей проблемы.

— Они смогут наладить такую координацию?

— В этом-то все и дело, — Дональд сокрушенно покачал головой. — Никто никогда не мог объединить в своих руках ресурсы всей мафии, но вы для них оказались настолько опасны, что можно ожидать всего. Черт бы побрал этот ваш “Собор”!

Мужчины переглянулись.

— Пару недель назад он тебе нравился.

Дональд тяжело вздохнул.

— Извините, ребята, нервы. Понимаете, мы никак не можем их достать, охрану ранчо осуществляют отборные боевики Барзини, и может пролиться много крови. К тому же там “отдыхает” десяток солидных борзописцев, мы знаем, что они на содержании у донов, но доказать этого в суде не можем, так что если мы сделаем какой-то неосторожный шаг, завтра все газеты начнут поливать полицию грязью.

— Дон Аббандо мудрый человек, — произнес Иван. Дональд вдруг почувствовал, как при этих словах его обдало холодом.

— Ты не обратил внимание на одну деталь, Дональд... — повернулся к нему Иван, но, заметив, как тот побледнел, спросил: — Что с тобой?

Дональд пошевелил плечами, разгневая застывшую кровь.

— Как ты сказал? Откуда ты узнал про дона Аббандо?

— Я еще многое знаю. К примеру, то, что приехали представители всех девяти семей. Группы киллеров, которые занимались “Собором”, доверенные лица, адвокаты, как ты сказал, борзописцы — все, кто имеет для семьи хоть какой-нибудь вес. Мы, конечно, для донов серьезная проблема, но разве такой всеобщий сбор диктуется необходимостью или хотя бы не противоречит элементарной осторожности?

Дональд минуту ошарашенно молчал. — Черт возьми!

— Опять черт? — улыбнулся Иван. Но Дональд не принял шутки.

— Так это вы их вызвали?!

Иван кивнул.

— Да, мы имеем к этому отношение. А сейчас извини, я должен сделать еще один звонок. — Он подошел к телефону. Дональд молча смотрел, как Иван набрал номер, но экран остался темным, видимо, разговор шел с переносного аппарата.

— Мистер Уилкс? С вами говорит Иван Воробьев. Вы привезли животных? Уже выпустили? А вы уверены, что в зоне нет ни одной полицейской машины? Да, с рассветом вы можете забрать всех, кто останется, только будьте осторожны, я думаю будет много диких... Всего хорошего! — Иван положил трубку.

— Кто такой этот Уилкс?

— Директор Североамериканского центра тотемных животных.

О’Рейли угрюмо посмотрел на сидящих.

— Чувствую, втянули вы меня в историю.

Иван улыбнулся и положил руку ему на плечо.

— Расстроен?

Дональд усмехнулся.

— А наплевать! Скорей бы все кончилось!

— Скоро кончится, — Иван обменялся быстрыми взглядами с Конрадом и Костиком. — Извини, Дональд, мы должны еще немного поработать.

О’Рейли насторожился.

— Я вас отсюда не выпущу.

Иван успокаивающе поднял руки.

— И не надо, найди нам только ком-

*Доны — главы мафиозных кланов.

натку, где бы нас не особо беспокоили.

— Дональд минуту подумал.

— Располагайтесь здесь, я скажу, чтоб сюда никто не заходил, — и вышел из комнаты.

12.

Майкл Барзини широким шагом двинулся вдоль ограды ранчо. Полтора часа назад его вызвал сам дон Аббандо и предупредил, что сегодня ночью охрана должна быть особенно внимательной. «Слухачи», что-то там перехватили на полицейской волне. Но Барзини, о зверином чувстве опасности которого ходили легенды, и сам чуял неладное. Лишь только стемнело, зажгли все прожектора, и ранчо, все подступы к нему были залиты такими потоками света, что можно было различить каждую травинку на расстоянии двухсот ярдов от ворот. Он острым взглядом выхватил фигуры стрелков, скрючившихся за пулеметами. Все в порядке. Но тут Барзини посмотрел на будку у ворот и вдруг почувствовал, как волосы на его голове поднимают шляпу. Внутри будки на табурете виднелась обмякшая фигура охранника, распределительный щит был вскрыт, и на аккуратно освобожденных от изоляции проводах сидело несколько зверьков с коричнево-бурым мехом, а еще один такой зверек тянулся с плеча охранника к кнопке открытия ворот. Барзини заорал, выхватывая автомат из наплевчатой кобуры, но уже медленно раздвигались створки ворот. Он успел всадить очередь в стены будки, пытаясь достать спрятавшихся где-то внутри налетчиков, но в следующую секунду распределительный щит засиял искрами короткого замыкания и ранчо погрузилось во тьму. Какое-то время спустя из подвала здания послышался рев генератора, но было уже поздно. Сквозь открытые ворота во двор влетали серые поджарые силуэты, опомнившиеся пулеметчики полоснули было по ним длинной очередью, но через несколько мгновений из бетонного колпака раздались душераздирающие крики и пулемет замолчал. А серые тени уже мчались к зданию, слышался звон разбиваемых окон. Барзини видел, как сквозь раскрытые створки ворот входили медведи. Ночь наполнилась звериным ревом, грохотом дверей, разлетающихся в щепки от ударов медвежьих лап, очередями, волчьим воем и криками людей. Из окон показались языки пламени. Он побежал вдоль забора, натываясь на трупы своих подчиненных. Зверей тут не было, види-

мо, все находились в доме. Впереди себя он увидел еще несколько фигур. Наверно, кто-то успел выбраться из гаража и конюшен.

И вдруг сверху на бегущих с яростным клекотом стали падать птицы, похожие на орлов. Барзини метнулся к небольшой буковой аллее, которая спускалась к реке, а за спиной еще звучали отчаянные крики. Хоронясь за кустами, он спустился к реке, скользнул в воду и поплыл. Быстрее бы добраться до противоположного берега, и там подобраться к небольшому лесу, за которым проходил хайвей, где в любое время дня и ночи можно поймать машину. Барзини сделал глубокий вдох, решив не рисковать и остаток пути до берега преодолеть под водой, и вдруг почувствовал, что какая-то тварь вцепилась ему в руку. Он затряс рукой, пытаясь освободиться, но новые враги вонзали свои острые маленькие зубки в его тело. Он рванулся, пытаясь вырваться, глотнуть воздуха, но уже не смог. Последнее, что он увидел — это оскаленную мордочку выдры, смотрящей в его глаза...

13.

Утром полицейский вертолет сел на площадку перед управлением округа, и пилот доложил О'Рейли:

— Все: ни звука, ни шевеления. По реке плывут трупы боевиков Барзини.

— Только ли боевиков?

— Не беспокойтесь, — ответил Иван.

— Ни один невинный человек не пострадал. Звери действовали избирательно, О'Рейли, они уничтожили кого надо. Главарей мафии они охраняют в ранчо, и те готовы дать любые показания, лишь бы их освободили от таких конвоиров. Настал конец их царству.

— И все — благодаря «Собору»?

— Человек исторически появился как носитель добра, но сам же забыл об этом. «Собор» воскресил память — вот и все.

Помолчали. Затем О'Рейли обратился к пилоту:

— Маковое поле не пострадало? Что вокруг ранчо?

— Оно теперь похоже на крылышки божьей коровки, мистер О'Рейли.

— Не понял, — опешил Дональд.

— Посреди красных маков боевики в черных комбинезонах. Как дерьмо.

— Ничего. Поле скоро очистится. Не так ли?!

САЛОГИ ВСМЯТКУ

САТИРА - ЮМОР

Овен

Лейтенантам, родившимся под этим знаком, рекомендовал бы воздержаться от праздной жизни. Им будет полезно заступить дежурными, выезжать на проверку караулов. В свободное время хорошо бы заняться строевой подготовкой с подчиненными.

Командирам батальонов и рот лучше на ближайший месяц в отпуска и не проситься. Какие там отпуска, если звезды указывают на то, что надо готовиться к приему очередного пополнения.

Капитана Сидорчука будет пилить жена, потому как при стирке обмундирования найдет у него заначку.

Старшинам звезды Зодиака ясно указывают на то, что сейчас надо повернуться лицом к подсобному хозяйству: продолжить заготовку кормов, ремонт складов и т.д.

Офицерам соединения рекомендовано воздержаться от командировок в нашу часть с целью различных проверок.

Телец

Лейтенанты-Тельцы, удачу в этом месяце вам принесет высокий уровень занятий по строевой подготовке. Успехам в личной жизни будет сопутствовать то, насколько ответственно вы отнесетесь к выполнению служебных задач.

Командиры батальонов и рот, Телец будет благоскло-

нен к вам, если вы забудете про отпуска и займетесь вопросами укрепления воинской дисциплины, профилактики неуставных взаимоотношений.

Капитан Сидорчук, если бы вы даже родились под

жу вам на провалы в служебной деятельности.

Капитан Сидорчук, хоть под чем вы родитесь, а жена вас будет пилить. Не оставляйте себе заначек!

Старшины-Близнецы, когда закончится ваш служеб-

Астрологический прогноз

(Составлен командиром части полковником Н.)

Тельцом, то жена бы вас все равно пилила: прячьте заначку тщательней.

Старшинам положение звезд советует лучше следить за порядком на вверенных им территориях: у кого нет порядка, те пусть ждут неприятностей.

Тельцы из соединения, не спешите к нам с проверками, — ни вам, ни нам это не принесет удовлетворения.

Близнецы

Лейтенанты, родившиеся под этим знаком, выгодно отличаются от тех, кто Овен и Телец. Им будет очень полезно в ближайшие выходные надеть повязки дежурных.

Командиры батальонов и рот, пришло ваше время подавать рапорта об отпусках. Но сразу предупреждаю, что их не подпишу — не та раскладка звезд. При этом ука-

ный день, поднимите головы и посмотрите на звезды: вы увидите, что они рекомендуют вам обратить внимание на заготовку кормов, на улучшение функционирования банно-прачечных комбинатов, на оборудование бытовых комнат.

Если среди офицеров соединения есть Близнецы, то пусть они пока забудут об инспектировании нашей части...

От отдела "Салоги всмятку": на этом астрологический прогноз полковника Н. прервался: в часть приехала-таки комиссия из соединения, и ему уже стало не до составления гороскопа. Но поскольку гадание по звездам дело модное и популярное, мы ждем, что наши читатели завершат данный труд и пришлют свои варианты в редакцию.

— Товарищ генерал, докладывает командир танкового корпуса лейтенант Тютюкин.

— У нас уже лейтенанты командуют танковыми корпусами?

— Никак нет, я командир танка, от которого остался один только корпус.

***

Командир:

— Товарищи офицеры, на вооружение к нам поступает всевидящая техника, мы будем ее ста-

вить на танках, бронетранспортерах, тягачах... На всем подвиж-

ХОДЯЧИЙ АНЕКДОТ

ном составе. Все ясно, вопросов нет?

— Товарищ полковник, а эта техника из ламп или полупроводниках?

— Слушать надо внимательно. Повторяю: на танках, бронетранспортерах...

***

На птичьем рынке к восточному человеку, продававшему попугаев, подошел покупатель и заинтересовался:

— А почему попугай стоит двадцать пять рублей?

— Поэт, — ответил продавец.

— А этот — пятьдесят?!

— Разговаривает...

— А вот этот, который сто рублей? Он что, поэт и разговаривает?

Подняв палец, продавец гордо произнес:

— Начальник!

(Из коллекции Бориса ЛЕОНОВА)

В канцелярии роты — двое: старшина и рядовой Сюртуков.

— Я ведь чувствовал, Сюртуков, что нельзя тебя в увольнение отпускать. Чувствовал, честное слово. Тебя же только выпустишь за территорию части — ты сразу по значным местам бежишь. А возвращаешься мало того, что с опозданием,

терию изучать. Толкую я им об этом, а время идет, идет, идет...

— Ты молодец, конечно, Сюртуков, людей просвещать надо. Но проще же было бы обратиться в справочное бюро.

— Так я с танцплощадки сразу туда и пошел! А за окошком — девушка, молоденькая, симпатичная. Ни-

искусство, культура требуют жертв, и я пошел на эту жертву с осознанием того, что в части меня поймут.

Старшина почесал затылок:

— Вон оно как... Ладно, ты о самом музее расскажи.

— А чего рассказывать? Музей у них прямо при институте есть, специфический, правда. Анатомический. Повели меня туда. Кости, скелеты... Жуть. Я им прямо так и сказал — жуть, мол, тут у вас, девочки, ни одного целостного тела даже нет, все ребра да черепа. Смотреть не на что! А они говорят: где ж его, тело, возьмешь? Сами, говорят, сто лет не видели...

— Ну и?... — спросил старшина.

— А что? Надо же было пойти навстречу их пожеланиям. Наш долг — идти навстречу, так же? Вот и пришлось раздеться, послужить моделью...

— Так-так, — перешел на шепот старшина. — И дальше-то что?

— Что и следовало ожидать, товарищ прапорщик. Опоздал из увольнения... Но

Виктор КНЯХИН

Дела музейные

(Рассказ)

так еще и с запахом спиртного. Вот и вчера... "Я в музей, я в музей пойду, товарищ старшина!". А сам где был? Почему не вовремя пришел, почему водкой от тебя разило?

— Не пил я водку, честное слово, товарищ прапорщик! Спирту — да, приняла малость, но это как раз из-за того, что больно в музее мне попасть хотелось.

— Что-то не пойму я тебя, Сюртуков. Какая тут связь?

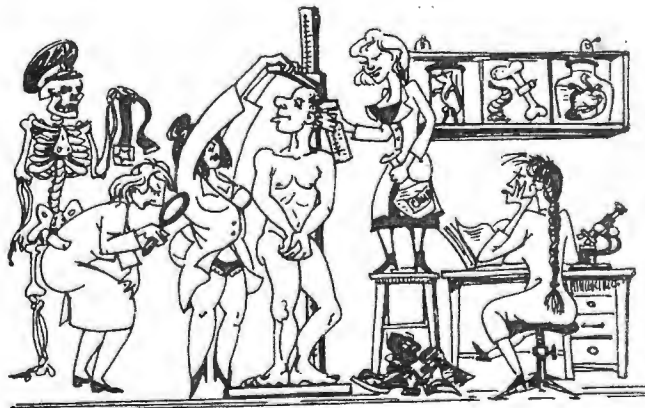
— Да самая прямая. Не знал я, как пройти к этому самому музею. Ну и решил для начала посетить какое-нибудь людное место, чтоб у знающих людей расспросить. В парк, естественно, пошел. На всех аттракционах побывал, в кафе поси-дел, по аллеям погулял, но все с какой целью? Выведала дорожку к музею.

— Ясно, выведал, а дальше что?

— Так ведь в том-то и дело, что не выведал! У кого ни спрошу, никто не знает. Старушенция одна посоветовала: ты, говорит, до вечера подожди, тут молодежь на танцы собирается, может, из молодых-то кто дорогу эту и знает. Вот и пришлось часы увольнения прожигать бездарно, пока танцплощадка не заработала. Дождася я этого момента, приглашаю на танго одну девушку, вторую, третью... Никто из них ничего путного сказать не может. Слышали, мол, что-то о нем, а вот где это... Пришлось им подсказать, что нельзя жизнь лишь на танцуйках прожигать, что надо тянуться к культуре, к настоящему искусству, ис-

чего не знает. Но хороший совет дала. Достопримечательные места лучше всего приезжим известны, потому посоветовала по молодежным общежитиям походить: студенты, мол, народ и образованный, и любопытный. — А что, в этом есть логика.

— Так и я об этом же подумал. Взял у нее адрес общежития мединститута и туда

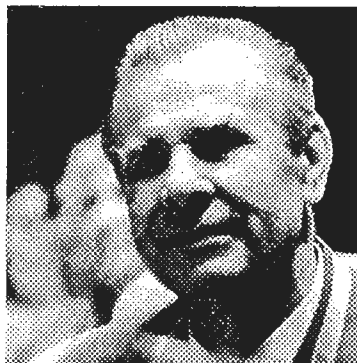
поспешил: времени-то мало у меня оставалось. Захожу там в первую попавшуюся комнату, вижу, девочки сидят, все в белом. Не успела рта раскрыть, как они налетели со всех сторон: ах, ох, вы, мол, с улицы, а у нас стерильная чистота, дезинфекция просто необходима... По соображениям профилактики и плеснули мне спирту. Мог ли я отказаться, скажите? Мог, но тогда бы никогда не узнал дороги в музей. Конечно, поступил нехорошо, сознаю, но ведь

музей я все равно разыщу, слово даю! Вот если меня в очередное воскресенье отпустят...

Вышел Сюртуков, а старшина долго еще сидел в канцелярии, смотрел в окно и сам с собой разговаривал: "И родился я в этом городке, и вырос, а ни о каком музее и слыхом не слыхивал, наверняка даже знаю, что нет у нас никакого музея! А этот парень, Сюртуков, настырный-то какой, а? Все ищет, ищет, тянется к прекрасному... Надо отпустить..."

Мировой Вратарь

*В нынешнем октябре исполнилось бы
65 лет Льву Ивановичу Яшину*

ВАГАНЬКОВО. Солнечная грусть бабьего лета. Нежаркие лучи, пробиваясь сквозь листву, высвечивают белораморный барельеф Вратаря. Лев Яшин — в полный рост. Увы, он уже не ступит на зеленую траву футбольными бутсами, не перешагнет белую черту своей последней вратарской площадки. На этот мраморный окаем удивительной судьбы ложатся принесенные Вратарю цветы. И мяч в руках — из белого мрамора, который не вбросить в игру. Так и нести эту ношу, с виду лишь легкую, как нес много лет.

В соседстве на вечном покое — русский поэт и певец Игорь Тальков. Судьба-провидица оставила их рядом и в земле русской, и в душах россиян. Сердечный мастер-ваятель Вячеслав Клыков памятники им сделал с любовью. Вратарь словно на церковной стене, полукруглая арка, как в храмах владимирских или на реке Нерль — светлая память Отечества. Поэту и певцу сотворен православный крест. Русский скульптор Клыков знает, как увековечивать православных людей, достойных благодарной памяти потомков, — Сергия Радонежского, Кирилла и Мефодия, маршала Жукова...

Он был великим Вратарем, наш Лев Иванович. Четверть века почти прошло, как отыграл, четыре года, как упокоился, а ведь нет другого такого. Будет ли? Так высоко поднял Лев Иванович планку футбольного искусства, что кажется она недостижимой.

Учредили приз его имени для лучшего голкипера чемпионата мира. Судилирядили, кому присудить. Вручили. Журналисты давай досье свои поднимать, чтобы рассказать болельщицкой публике о новом лауреате: где, с кем и как отыграл, чем отличился. Про Яшина не надо было давать каких-либо справочных данных. Яшин, он и был Яшин. Как Шаляпин в опере, Уланова в балете, Качалов в драме. Это если искать сравнений в искусстве, где талант природы одухотворен небесным.

Впрочем, он был очень земным человеком, наш Лев Иванович. Объездил все континенты, истоптал сотни футбольных лужаек и самых престижных, знаменитых стадионов, и раскисших тренировочных полей в заштатных городках Союза. Он был великий труженик еще с мальчишеских лет, первой

его наградой была медаль "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.". Уже потом пошли награды за безупречную службу — дошел до полковника внутренних войск, спортивные медали из бронзы, серебра и золота. Еще — два ордена Трудового Красного Знамени, два ордена Ленина. Венец многотрудной жизни — звезда Героя Социалистического Труда. Ее вручили вратарю за неделю (!) до смерти, уже тяжело, неизлечимо больному.

А несколькими месяцами раньше футбольный мир чествовал Вратаря всех времен и народов по случаю его 60-летия. Улыбался через боль, страдания свои старался скрыть за бесконечными шутками. И курьезного, и серьезного в его богатой спортивной биографии было предостаточно. В самых невероятных жизненных ситуациях, как и на футбольном поле, он находил единственно верный выход, спасая положение, выручая других. Вот какой эпизод зафиксировал в своем блокноте начальник сборной СССР Андрей Петрович Старостин на чемпионате мира 1970 года в Мексике.

Как-то на тренировке любивший шуточные розыгрыши Виталий Хмельницкий, воспользовавшись тем, что представленный к советской команде капитан полиции увлекся игрой, сняв предварительно китель, форменный кивер и портупею с увесистым кольцом в деревянной кобуре, облачился в его обмундирование. Все смеялись до упаду, от души веселился и капитан. Но на другой день, увидев в газете фотографию печатающего шаг в парадном полицейском мундире советского футболиста, а за ним хохочущего во весь рот своего подчиненного, полковник полиции, непосредственный начальник опростоволосившегося капитана, рассвирепел и в миг уволил его со службы.

Наша команда решила помочь впадшему в уныние мексиканцу. "О, Яшин, Яшин!" — с надеждой в голосе произнес пострадавший, когда ему сказали, что делегацию "просителей", возглавит наш знаменитый вратарь. В итоге конфликт разрешился как нельзя лучше. У полковника начальником оказался генерал, имевший прямое отношение к футбольной Федерации и к тому же бывший поклонником лично Яшина. Утром следующего дня радостный, возбужденный

полицейский офицер вновь подкатил на мотоцикле к служебному посту у отеля. На погонах у него добавился еще один знак различия...

Другой эпизод, из бразильского турне, вспоминал футбольный обозреватель Лев Филатов.

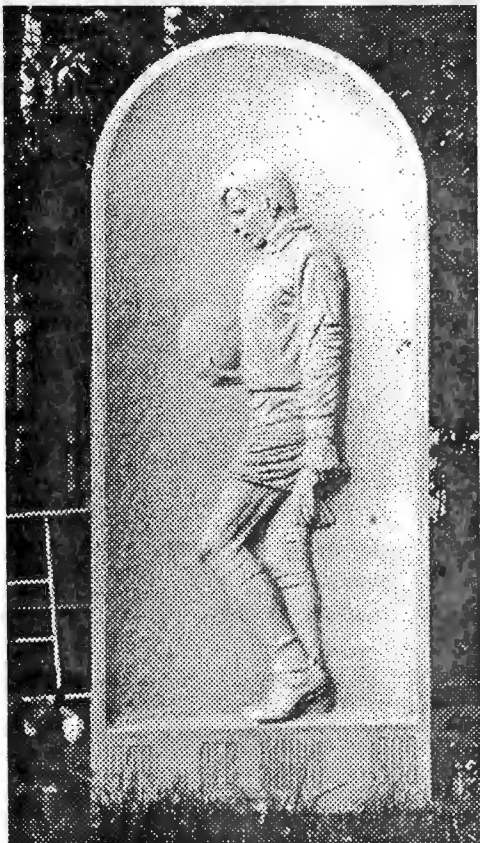
Автобус с игроками сборной Советского Союза должен был вот-вот отъехать от ворот стадиона «Фламенго» (дело происходило в Рио-де-Жанейро), где команда тренировалась. Все очень торопились, чтобы успеть в кинотеатр после ужина. Последний вошел в автобус переводчик, который, зная ситуацию, нерешительно произнес: «Там стоит репортер, он говорит, что если не получит у Яшина интервью, редактор его уволит...» «Уволит?!» — вскинулся Яшин. — Надо выручать, пошли...

Репортером оказался юнец, которого, видимо, проверяли на пригодность к журналистской профессии. Он уже считал, что все пропало, когда вдруг с подножки к нему прыгнул Яшин собственной персоной. Молодой человек растерялся и форменным образом потерял дар речи. Яшин мигом оценил ситуацию, кивнул переводчику: «Переводи» — и пустился рассказывать всякие штуки о футболе, о своих встречах с бразильскими игроками. Юноша строчил, не веря своему счастью. Яшин обратился к своему тезке — советскому журналисту: «Ну как, хватит, чтобы редактор его не уволил?»

Как тут не вспомнить наши с ним встречи. Меня бы, конечно, не уволили, не сделай я материал о Яшине, но ситуация тоже была неоднозначной. Льву Ивановичу после тяжелой операции, которая нанесла ему и тяжелейшую моральную травму, было, судя по всему, совсем не до разговоров с журналистами. Но отказать родному войсковому журналу он не мог, тут же назначил встречу. Откровенно поговорили, повспоминали лучшие годы советского футбола, посокрушались о сегодняшней неразберихе, о начинавшейся уже купле-продаже советских игроков...

Последняя встреча с живым Вратарем была незадолго до его юбилея. Надо было сделать снимок для цветной обложки: усаживали хозяина квартиры и так и эдак, просили переодеться для лучшего цветового решения, пожурили даже за то, что дымит сигаретой во вред и так уже подорванному здоровью... То и дело извинялись за дополнительное беспокойство и нашу суету вокруг него. Он нас мужественно терпел: «Ничего, у каждого своя работа». Когда сказали о сотнях надоедливых журналистов, он улыбнулся: «Так вы ж свои, войсковые».

Невольно вспомнились другие футбольные «звезды», нынешние перекапти-поле, которые шагу задарма не сделают, ни слова не скажут без «зеленьки», подачки. А как играют? Чемпионат мира в США, позорище футбольной России, заставил вспомнить настоящих патриотов из сборной СССР, рыцарей кожного мяча, для которых на первом месте всегда была честь флага,

чуждых торгашества и меркантильных дрызг. Здесь впору сказать: «Да, были люди в наше время! Не то, что нынешнее племя».

Лев Иванович и сегодня наверняка повторил бы слова, адресованные своим болельщикам в дни своего шестидесятилетнего юбилея:

«Мое поколение росло и формировалось в трудные для страны годы — военные и послевоенные — с их тяжелыми лишениями. Но я благодарен им, поскольку именно они сформировали характер моего поколения — мужественный и ответственный. Эти годы научили нас достойно переносить трудности, ответственно и честно делать свое дело, искать причины неудач прежде всего в себе, своих делах и поступках, не переоценивать свои усилия и не зазнаваться. В наши годы мы умели обходиться малым и думали прежде всего не о наградах и почете, а о полном раскрытии своих возможностей и способностей, чтобы оправдать внимание и доверие тех людей, что отдали нам свои симпатии».

Доверие преданных болельщиков Лев Иванович оправдал сполна. Он был мировым вратарем. И память о нем всегда будет у нас светлая.

Полковник Б. КАРПОВ.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА
и Б. БУЛГАКОВА.

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Сам себе тренер

Уроки дает
европейский
директор
Международной
тренинговой
ассоциации по боевой
подготовке
правоохранительных
органов
Иосиф ЛИНДЕР.

Тема занятия: практическое освоение техники психорегуляции в боевых искусствах

Для начала предлагаю несколько простых упражнений.

Упражнение 1. Сидячая медитация.

И. П. — сидя на краешке стула, спина выпрямлена, плечи немного опущены, голова чуть наклонена вперед, руки свободно лежат на коленях, глаза закрыты. Дыхание нижнее, ритм спокойный: 4-12 вдохов-выдохов в минуту (с учетом тренированности, возраста, конституции).

Упражнение 2. Стоячая свая.

И. П. — ноги на ширине плеч, ступни расположены параллельно друг другу, колени полусогнуты, спина и шея выпрямлены, глаза закрыты, руки на уровне плеч, пальцы кистей соприкасаются, как бы обхватывая ствол дерева.

Упражнение 3. Равновесие.

И. П. — опора на полусогнутую правую ногу, левая — согнута в колене и ее голень лежит на правом колене, спина и шея прямые, взгляд вперед, руки округло опущены (так называемое положение «стекающей воды»). Дыхание нижнее. Затем то же самое — на левой ноге.

Упражнение 4. Аутогенная тренировка.

Расположившись в удобной позе (лежа или сидя), уравниваете дыхание, в едином с ним ритме проговариваете формулы аутогенных комплексов: каждую фразу — 3-5 раз. Начинаящим не рекомендуется во время одного сеанса использовать более 3-4 фраз. Постепенно количество их можно увеличить. Примерные фразы для занятий:

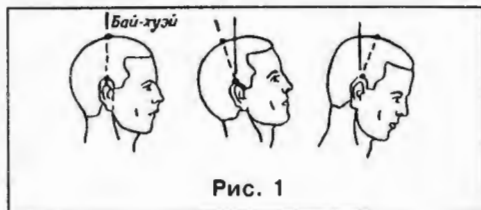

Рис. 1

— Я спокоен, все тело приятно расслаблено.

— Мышцы расслаблены, дыхание свободное, спокойное, ритмичное.

— Дыхание приятное, оно постепенно расслабляет все тело.

— Сердце бьется спокойно, ритмично.

— Кровь поступает ко всем органам.

— Дыхание помогает сердцу направлять кровь ко всем органам.

— Руки постепенно тяжелеют, я ощущаю тепло своих ног.

— Руки и ноги постепенно тяжелеют, я ощущаю тепло, распространяющееся по всему телу.

— Тепло распространяется вместе с дыханием.

Упражнения выполняются по необходимости, но желательно ежедневно делать хотя бы одно в каждый сеанс. Можно совмещать их, а можно остановиться на наиболее приемлемых, оказывающих наилучший эффект.

Время тренировки — от 3-5 поначалу до 30-40 минут впоследствии. Упражнения следует выполнять на улице либо в хорошо проветренном помещении. Очень важно контролировать дыхание. Если сосредоточение дается плохо, начните с других, более динамичных упражнений, а уж затем приступайте к статическим. В качестве подготовительных можно использовать циклы, изученные на предыдущих занятиях.

По мере приобретения навыков закладывается основа для сложных комплексов. Один из них — «Алмазный Цигун». Бодхидхарма рекомендовал своим ученикам и последователям делать их утром и вечером, повторяя трехкратно. Это помогало предотвратить многие заболевания, связанные с малоподвижным образом жизни, характерным для буддийских монахов того времени.

Впрочем, и сегодня подобные упражнения включаются в комплекс активной медитации, применяемый в профессиональном спорте и медицине.

Как и все в восточной гимнастике, система Бодхидхармы основана на четкой синхронизации дыхания и движения. Обычно используется нижнее дыхание с концентрацией внимания на точке Дань-тянь, расположенной примерно на 2 см ниже пупка. Вдохи и выдохи — свободные, через нос.

Упражнение 1.

И. П. — стоя, руки опущены вдоль тела, спина выпрямлена. Вертикальная ось проходит через точку Бай-хуэй («Стократный сборщик», или «Точка императоров») (рис. 1), что наиболее соответствует физиологическому состоянию тела. Язык прижат к стиснутым зубам. Вдох — руки сгибаются в локтях до тех пор, пока ладони не будут параллельны полу. Выдох — с напряжением всех мышц рук и плечевого пояса, как бы опираясь на воображаемый стол. Затем напрягаете мышцы ног, словно перед прыжком. Выдохнув, расслабляетесь (рис. 2).

Упражнение 2.

И. П. — то же. Кисти сжаты в кулак, большой палец — отставлен в сторону. Сами кулаки расположены на бедрах (рис. 3). Вдох — с задержкой, большие пальцы поднимаются с напряжением, как бы преодолевая внешнее сопротивление. Пауза. Выдох — большие пальцы медленно опускаются вниз, мышцы расслабляются.

Упражнение 3.

И. П. — то же. Вдох. Сжать кулаки так, чтобы четыре пальца сомкнулись вокруг большого, и одновременно расслабить мышцы плечевого пояса. Выдох — кулаки медленно разжимаются и расслабляются, в то время как мышцы плечевого пояса, напротив, напрягаются (рис. 4).

Упражнение 4.

И. П. — стоя, ноги вместе, ступни параллельны, спина выпрямлена, язык прижат к стиснутым зубам, кулаки сжа-

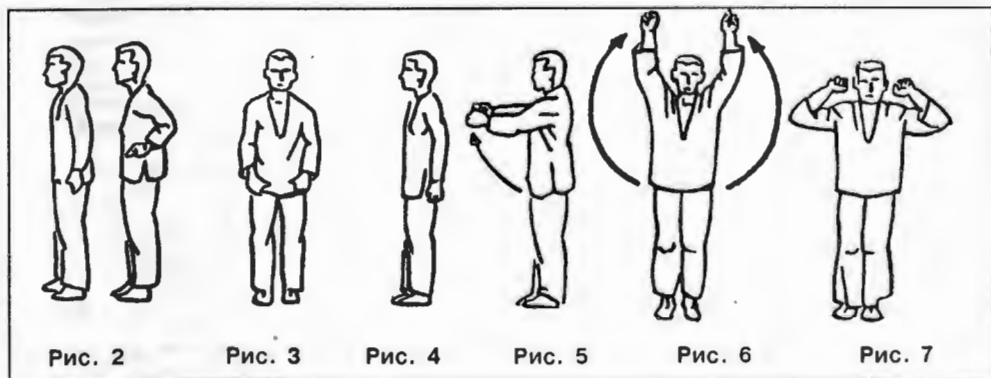

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

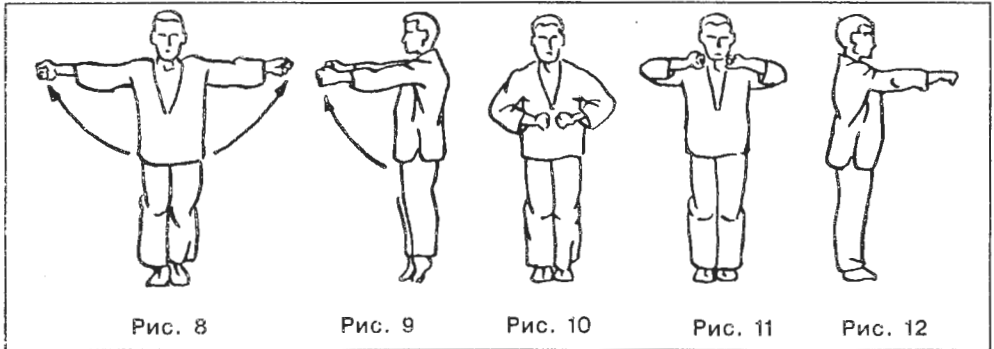

Рис. 8

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

Рис. 12

ты так, что четыре пальца обхватывают большой. Вдох — медленно с напряжением поднимаем руки, пока они не будут параллельны полу. Выдох — как бы упираемся кулаками в стену. Выдохнув, расслабляемся и опускаем руки (рис. 5).

Упражнение 5.

И.П. — то же, только кисти расслаблены. Вдох — медленно поднимаем руки в стороны-вверх, оставляя локти чуть согнутыми и поднимаясь на носки. В конце вдоха ладони параллельны вертикали. Пауза — медленно с напряжением сжимаем кулаки. Выдох — опускаемся на ступни и расслабляем руки (рис. 6).

Упражнение 6.

И.П. — как в упр. 1. Вдох — медленно поднимаем руки до горизонтального уровня, сжимая кисти в кулаки. Пауза — постепенно увеличиваем мышечное напряжение в стороны, как бы раздвигая стены. Выдох — кулаки разжимаются, руки расслабляются и опускаются вниз (рис. 7).

Упражнение 7.

И.П. — как в упр. 1, только ступни — вместе. Вдох — руки медленно поднимаются в стороны-вверх, пока не будут параллельны полу, кулаки сжаты. Одновременно встаем на носки. Выдох — попеременно опускаемся то на одну, то на другую пятку, разжимая при этом кулаки (рис. 8).

Упражнение 8.

И.П. — как в упр. 7. Вдох — сжимаем кулаки так, чтобы четыре пальца обхватывали большой, руки поднимаем прямо перед собой на уровень плеч, и ладони «смотрят», друг на друга. Одновременно встаем на носки. Выдох — крепко сжимаем кулаки и напрягаем мышцы рук, как бы стискивая воображаемый предмет, медленно опускаемся на ступни и расслабляемся (рис. 9).

Упражнение 9.

И.П. — то же. Вдох — кулаки сжимаются так, что четыре пальца обхватывают большой. Медленно сгибая локти,

поднимаем руки перед собой до уровня живота (до точки Дань-тянь) (рис. 10). Пауза — руки с напряжением поднимаются на уровень лица, и кулаки разворачиваются к нему ладонными поверхностями. Выдох — руки спокойно опускаются, мышцы расслабляются (рис. 11).

Упражнение 10.

И.П. — то же. Но кулаки сжимаются без напряжения. Вдох — руки поднимаем перед собой на уровень плеч (рис. 12), затем кулаки подводятся к околоушным областям так, чтобы предплечья были расположены вертикально; кулаки расположены ладонными поверхностями вперед. Выдох — напрягаем руки, разводим с усилием локти, сводим лопатки, представляя, что удерживаем кулаками тяжелый груз. Постепенно мышцы расслабляются и руки опускаются (рис. 13).

Упражнение 11.

И.П. — то же. Вдох — руки поднимаются к пупку, локти сгибаются, ладони обращены вниз. Выдох — кулаки крепко сжимаются, выпрямляя большие пальцы и стискивая воображаемый предмет. Постепенный переход в И.П. (рис. 14).

Упражнение 12.

И.П. — то же. Руки свободно свисают вдоль тела, ладони обращены наружу, а тыльная сторона кистей прижата к бокам бедер. Вдох — руки медленно поднимаются до уровня плеч ладонями

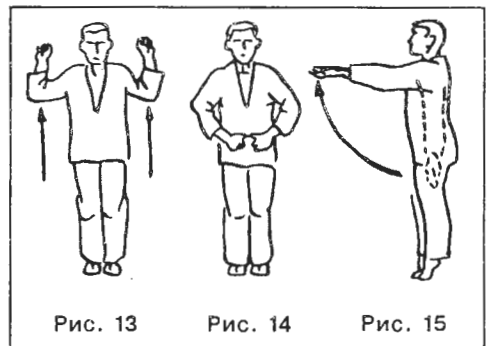

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

вверх. Одновременно встаем на носки. Пауза — мышцы тела напряжены, язык прижат к небу. Выдох — медленно опускаем руки и становимся на полную ступню (рис. 15).

Упражнения повторяются в зависимости от вашего общего состояния, возраста, цели тренировки и, наконец, просто наличия времени. В среднем каждое выполняется от 10 до 50 раз. Ритм дыхания — 4-12 вдохов-выдохов в минуту.

В требовании единства физического и психического может быть найден ключ к пониманию природы активной медитации не только в восточных боевых искусствах, но и в любых повседневных занятиях, связанных с движением. А это, в свою очередь, позволяет более широко осмыслить те механизмы психорегуляции, которые столь осознанно и эффективно использовались известными мастерами. В то же время не следует забывать, что для человека, вступающего на путь боевого искусства, идеал гармонии тела, техники и духа освещал долгий и трудный путь поиска истины, о чем свидетельствуют многочисленные легенды и притчи о старых наставниках. Вот, к примеру, фрагмент одной из таких бесед.

...Мастер Дэсимари, выдержав паузу, сказал своим ученикам:

— Существует три важных вещи: дух, техника и тело. Что же главное? В боевом искусстве хорошее знание техники просто необходимо. И если у молодого человека основной элемент — тело, то у человека средних лет превалируют техника и сознание, то есть дух. Фактически последнее — и есть самое главное. В борьбе человека, имеющего сильную технику, с человеком, обладающим сильным телом, побеждает техника. Если же сражаются техника и дух, побеждает дух, ибо он умеет найти уязвимое место.

Тренировку нельзя направлять только на развитие тела, так как исход боя решает дух. В воинском искусстве в старину один только жест нес смерть. Вот откуда сосредоточение внимания на движениях перед атакой. Все решается в доли секунды и решается именно сознанием, уж потом подключаются техника и тело. Во всех видах спорта существует время ожидания. В воинском искусстве его нет: промедлишь мгновение — потеряешь все. Сознание должно быть постоянно сосредоточено на ситуации, готово к действию и реакции.

— А как выбрать технику атаки, учитель?

— Вопросы о выборе не существует. Это должно проходить бессознательно, автоматически, естественно. Без вмешательства рассудка. Например, в кэндо есть удар — “дэбана вадза”, суть которого в том, чтобы опередить противника в начале атаки. В “дэбана” главное — интуиция, помогающая со-

знанию подобрать соответствующую технику. Если же вы станете подбирать технику намеренно и осмысленно — проиграете.

— Какое дыхание важнее?

— Смотря для кого. Очень важен момент вдоха противника. Вы же должны атаковать на выдохе. И запомните: нельзя показывать ваши слабые места ни в боевом искусстве, ни в повседневной жизни. Жизнь — это борьба. Нужно оставаться собранным, не раскрывать своих недостатков и избавляться от них упорными тренировками в самообладании. Чтобы найти слабую сторону противника, нужны внимание, воля и собранность. Важный компонент борьбы — наблюдение за его глазами. Если вы видите, что глаза “бегают”, “сомневаются”, немедленно атакуйте. В Киото я посмотрел на поединок двух восьмидесятилетних мастеров кэндо: пять минут противостояли они друг другу с мечами в руках, зрачки в зрачки, не двигаясь совсем, пока арбитр не провозгласил ничью. Это был поединок сознания — через глаза и с их помощью. Первый, кто уступил бы, “погиб”.

Вы помните историю о трех котях? У самурая в доме завелась крыса, от которой он не мог избавиться. Самурай принес прекрасного кота — сильного и храброго. Но крыса, более быстрая, потешалась над ним. Тогда хозяин взял другого кота — хитрого и нахального. Но крыса, остерегаясь его, показывалась только тогда, когда он спал. Сосед дал самураю своего кота. Тот все время дремал, равнодушный к происходящему вокруг. Хозяин возмутился, но сосед настоял, чтобы кота оставили в доме. Он продолжал спать, и крыса снова осмелела: она шмыгала туда и обратно перед самым носом своего врага. И вот однажды внезапно одним взмахом лапы кот поймал ее. Сила тела, умелая техника — ничто без бдительного сознания. Ясный дух — главное.

— Но что нужно делать, учитель, чтобы сохранить настоящую сосредоточенность? Напряжение утомляет, а в большинстве поединков нельзя не двигаться.

— Ваше сознание не должно делать интеллектуальных расчетов, только полностью адаптироваться к тому, что происходит. Лучше концентрируйте внимание на своем дыхании, глядя в оба за противником, контролируя его внутреннее движение...

Возможно, что-то из беседы мастера Дэсимари с учениками покажется вам несущественным или банальным. Не торопитесь с выводами, а постарайтесь пропустить прочитанное через сито собственного опыта, поразмыслите на досуге, и не исключено, что вам откроется сокровенный смысл этих “простых”, но вечных истин.

Автодайджест

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ
ОБОРУДОВАНИЕ АВТОМОБИЛЯ

Правила дорожного движения, введенные в действие с 1 июля нынешнего года, запрещают эксплуатировать автомобиль, если в нем нет медицинской аптечки.

Для аптечки, постоянно возимой с собой, рекомендуется следующий набор: бинты стерильные — один широкий и один средней ширины, пакет перевязочный первой помощи; пакет малых стерильных салфеток, вата стерильная — 25 г, узкий лейкопластырь — небольшая катушка, жгут кровоостанавливающий — кусок мягкой резиновой трубки или ленты, настойка йода в ампулах или флаконе, нашатырный спирт в ампулах, анальгин в таблетках, валидол или нитроглицерин, кофеин в таблетках, маленький складной нож. Аптечка обязательно должна быть закреплена в легкодоступном месте.

Если вы отправляетесь в длительное путешествие, в особенности в малонаселенные места, дорожную аптечку следует пополнить следующими медикаментами: марганцовокислым калием, содой питьевой в таблетках, сульфанилом или фталазолом, углем активированным, салолом с белладонной, симтомициновой эмульсией, спиртом (или одеколоном), борной кислотой.

Что касается шанцевого инструмента. Лопата, пила, топор никогда не будут лишними в автомобиле и не раз выручат вас в пути, даже если вы путешествуете в основном по благоустроенным дорогам. Удобнее всего переносить инструмент держать в специальных зажимах на одной из стенок багажника.

Не возите с собой стальной буксирный трос — он жесток, тяжел, царапает руки, рвет и пачкает одежду. Для буксировки легкового автомобиля вполне достаточно иметь крепкую веревку или, еще лучше, капроновый шнур. Такой буксир выгодно отличается от стального: он легок и эластичен, благодаря чему смягчаются резкие рывки при буксировке. Кроме того, в туристских поездках его можно использовать и для других нужд, например, для сушки белья.

В соответствии с Правилами дорожного движения в автомобиле обязательно должен быть огнетушитель. Достаточно эффективны и удобны порошковые огнетушители, а также углекислотные малого размера. Огнетушители следует периодически проверять и при необходимости перезаряжать в соответствии с технической инструкцией. Помните, что огнетушитель должен размещаться в легкодоступном месте, и уж во всяком случае не там, где наиболее вероятно возникновение огня. Удобнее всего держать его под сиденьем в пружинных зажимах.

Хотелось бы обратить внимание и на такую немаловажную деталь, как подголовники, которыми оснащены сегодня многих автомобилей. Они предназначены не только для создания удобства на отдыхе, как полагают некоторые. Основное их назначение в другом. Подголовники служат упором-огра-

ничителем для головы при ударах в заднюю часть автомобиля и этим уменьшают возможность переломов шейного отдела позвоночника. Вместе с ремнями безопасности подголовники намного снижают вероятность тяжелых травм при авариях.

Абсолютному большинству автолюбителей приходилось сталкиваться с таким неприятным явлением, как буксование. Против него есть довольно эффективное средство. Проволочный коврик-мат, который можно купить в хозяйственных магазинах, или металлическая сетка с крупными, в 2-3 см ячейками служат прекрасными противобуксовочными средствами, намного более действенными, чем доски, камни и другие подручные средства. Подложив сетку под колеса, можно легко тронуться с места даже на обледеневшей дороге и преодолеть скользкий участок.

Настоятельно рекомендую всегда иметь с собой два таких коврика, тем более что в багажнике они почти не занимают места.

Если во время туристской поездки вы ночуете в машине, то не лишними окажутся плотные занавески на окнах. Но днем, при движении, они не очень удобны и затрудняют обзор.

Сделайте легкосъемное крепление занавесок. Для этого используются обычные галтерейные кнопки большого размера. К углам занавесок пришейте те половинки кнопок, которые имеют "хвостик", а к обивке машины, около окна, — другие половинки. Кнопки можно не пришивать к обивке салона, а приклеить любым синтетическим клеем, например, эпоксидным. Одно движение — и занавески повешены или сняты. На ночь можно завешивать и ветровое стекло.

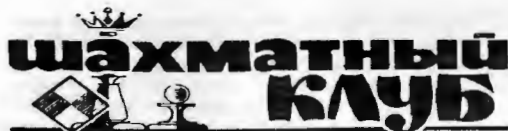
И несколько необычный совет. В дороге случается так: чтобы выбраться со скользкого места, надо слегка подтолкнуть автомобиль, для чего бывает достаточно помощи одного человека. Но помощника нет. Можно, конечно, включить передачу, поставить постоянный газ, выйти из автомобиля и самому подтолкнуть его. Но если владелец автомобиля недостаточно квалифицирован, то автомобиль может оказаться в кювете, а незадачливый водитель — в тяжелом положении.

Сделайте небольшое приспособление, которое в подобной ситуации не позволит вашей машине выйти из-под контроля. К тем клеммам замка зажигания, которые замыкаются при повороте ключа в положении "зажигание включено", изолированными проводами присоедините обыкновенную электрическую розетку, лучше автомобильного типа, и укрепите ее в любом удобном месте, например, под щитком приборов. Затем возьмите двухжильный гибкий изолированный провод длиной 3-4 м, к одному концу его присоедините штепсельную вилку, а к другому — кнопочный выключатель.

Когда появится необходимость подтолкнуть автомобиль, при работающем двигателе включите вилку в розетку, нажмите кнопку (при этом ее контакты замкнутся) и, не отпуская кнопки, поверните ключ зажигания в положение "выключено". Двигатель при этом не заглохнет, так как цепь зажигания осталась замкнутой через кнопочный выключатель.

А теперь можете смело выходить из автомобиля и подталкивать его, держа кнопку в руке. В нужный момент стоит отпустить кнопку и двигатель остановится. Теперь ваш автомобиль "не убежит".

Полковник В. ЛИТВИНОВ.

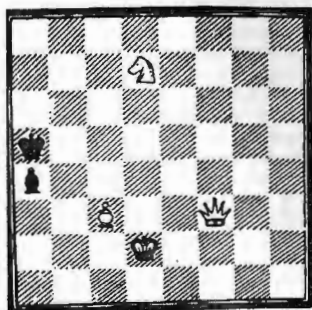
Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

Классические миниатюры

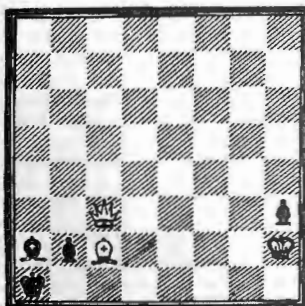
№ 10. Л. Куббель, 1908

№ 11. А. Галицкий, 1892

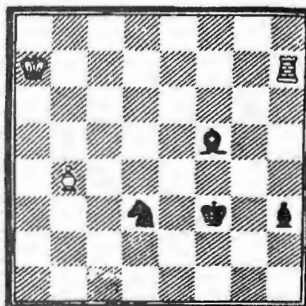
№ 12. А. Кременской

Мат в 2 хода

Мат в 3 хода

Ничья

Предлагаем нашим читателям решить первые две миниатюры. Обычно на решение каждой из них требуется не более пяти минут. Решение этюда № 12 приводим. 1. Л: h3+ С: h3. Белые пожертвовали ладью за пешку, и соотношение сил для них стало проигрышным. Но спасение все же есть: 2. b5 Кс5 3. b6 Сс8 4. b7!! К: b7 5. Крb8 Кd6 6. Крc7! и хэпи энд, т. е. счастливый конец для белых; 4... С: b7 5. Крb6 с тем же результатом.

ФИДЕ И ПРОФЕССИОНАЛЫ

Враждебное противостояние ФИДЕ и РСА (Профессиональной шахматной ассоциации) волнует весь шахматный мир. Причина этого в основном финансовая. РСА считает, что деятельность ФИДЕ строится на неправильной коммерческой основе и противоречит профессиональным правилам. ФИДЕ же обвиняет профессионалов в узурпации ее полномочий и не признает законными их чемпионаты мира.

Профессионалам везет, однако, больше, у них появился богатый спонсор — американская корпорация INTEL, производящая микродетали — «мозг», персональных компьютеров. Спонсором она стала потому, что видит выгоду в рекламе и в росте спроса на свою продукцию. С ней заключен контракт на финансирование соревнований 1994—1995 гг.

Первый в календаре РСА международный фестиваль «Кремлевские звезды-94» должен был якобы стать началом новой эры для мировых шахмат. Фестиваль, как известно, состоялся в апреле этого года в Кремлевском Дворце съездов, игра шла с контролем времени — 25 минут каждому игроку на всю партию. Профессионалы надеялись, что именно быстрые турниры вызовут зрительский ажиотаж и станут самым рентабельным начинанием РСА.

Увы, подобного не случилось, коммерчески выгодным фестиваль не стал, мечта о новой эре для мировых шахмат оказалась иллюзорной. Фестиваль с подобной оценкой

и войдет, видимо, в историю шахмат.

Призовой фонд фестиваля составлял 160 тысяч долларов США. Занявший первое место гроссмейстер В. Ананд (Индия) получил 30 тысяч долларов, занявший второе место гроссмейстер В. Крамник (Россия) — 20 тысяч, остальная сумма распределена между участниками финального турнира согласно особой системе набранных баллов.

Профессионалы России провели в начале апреля этого года съезд и создали свою Российскую шахматную федерацию. В России теперь две шахматных федерации, старая и новая. Последняя более богата, в ее календаре много соревнований, обещающих участникам большие призы.

Итак, шахматы попали в круговерть рыночной стихии, их жизнь и развитие зависят от индивидуальных и общественных меценатов, они должны пытаться эксплуатировать зрительский интерес и самостоятельно зарабатывать «на жизнь». Хорошо это или плохо? Не будем спешить с ответом, подождем, что покажет нам практика ближайших лет.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

(На боевом посту, № 8, 9, 1994)

№ 6. А. Калинин. Крc7, Ка4, п. b6 — Кра8, п. b7, b2, c5, выигрыш. 1. Кс3! c4 2. Крc8 b1Ф 3. К: b1 c3 4. Ка3! c2 5. Кb5 c1Ф 6. Кс7+ Ф: c7+ 7. bc с выигрышем.

№ 7. Э. Монтвид. Крh4, Фd2, Ch3, Kg1 — Кре4, п. e5, h6, мат в 2 хода. 1. Кf3! Кр: f3 2. Сg2X!, 1... h5 2. Kg5X.

№ 8. К. Войтыла. Крc3, Ла6, Сс4, п. a5, b4, c7, d6 — Кра4, п. a7, мат в 3 хода. 1. c8K! Кра3 2. Кb6! ab 3. abX! Просто и красиво!

Задача на коопмат. Крg1, Лf1, Ch6, п. g2 — Кре4, п. f7, кооперативный мат в 3 хода. 1. f5 g4 2. fg Ле1+ 3. Крf3 Лe3X! — идеальный мат.

Сад-огород

КРЕСС-САЛАТ

Это растение было известно в Древнем Египте и Древнем Риме. В настоящее время распространено во многих странах как салатное растение (Западная Европа, Ближний Восток, Африка). Эта культура известна еще под названием садовый кресс, перечник, хреница, перечная трава, клоповник.

В нашей стране кресс-салат широко распространен в центральных районах Нечерноземной зоны и в северных районах, но здесь его возделывают значительно меньше.

В пищу используют листья розетки и нижние стеблевые листья вместе с молодым стеблем. Нежная молодая зелень кресс-салата приятного острого вкуса, напоминает вкус хрена. Ее едят в сыром виде, так как при варке пропадают не только витамины, но и своеобразный аромат. Листья добавляют в различные салаты, винегреты, используют как приправы и гарниры к разным блюдам. В диетическом питании зелень кресс-салата применяют для профилактики цинги и при авитаминозах. Кресс-салат благотворно действует на пищеварение, самочувствие (улучшает сон, способствует снижению артериального давления).

Кресс-салат — однолетнее скороспелое пряное растение. Прикорневые листья этого растения черешковые, перисторассеченные или цельные овальные, по краю зубчатые. Стебель разветвленный, достигает высоты 1 м. Расположенные на ветках цветки мелкие, белые. Плод — стручок, овально-яйцевидной формы. Семена светло-коричневые.

Кресс-салат отличается скороспелостью и холодостойкостью. В полевых условиях он бывает готов к использованию через 15-20 дней после посева, семена созревают через 90-110 дней. Для хорошего развития культуры требуется достаточное освещение, влага и хорошая плодородная почва. Однако на чрезмерно удобренной почве листьев образуется мало.

В условиях длинного дня и высокой температуры в летние месяцы растения быстро переходят к стеблеванию, особенно скороспелые сорта. Для летних сроков посева лучше использовать поздние сорта, устойчивые к преждевременному стеблеванию и формирующие более высокие урожаи зеленой массы.

В центральных районах России чаще всего возделывают кресс-салат сорта "Узколистый-3". Этот сорт характеризуется быстрым развитием растений, листья у него с перисторассеченной пластинкой. Доли листа гладкие, узкие. Форма розетки листьев полуприподнятая.

Курчаволистные сорта — среднеспелые. Листья у них перисторассеченные, но доли более широкие и более изрезанные. Розетка листьев густая.

Кресс-салат выращивают на любых огородных почвах, но лучше он растет на легких почвах. В открытый грунт семена высеивают как можно раньше: в конце апреля — начале мая, для непрерывного использования свежей зелени в течение лета — через каждые 7-10 дней до наступления жаркой и сухой погоды. Возобновляют посевы в конце лета.

На огородах кресс-салат сеют рядками с расстоянием 10-15 см один от другого на глубину 0,5-1 см. На 1 м² высеивают 1,5, -2 г семян. Посевы мульчируют, а всходы прореживают на 6-8 см. Высевают также с междурядьями 30-45 см или двухстрочными лентами с расстоянием между строчками 20 см, между лентами — 50 см. Всходы прореживают в рядке на 8-10 см.

Уход состоит из однократного рыхления междурядий и полива в сухую и жаркую погоду. При густых всходах растения прореживают, розетка листьев развивается крупная, урожай получают более высокий и лучшего качества.

К уборке растений приступают, когда листья в розетке хорошо разовьются, а у единичных растений начнет расти стебель, — через две-три недели после появления всходов. Растения кресс-салата выдергивают или срезают, связывают в небольшие пучки и укладывают в неглубокую тару. Убранные растения слегка опрыскивают водой, чтобы они быстро не увядали. Чтобы подольше сохранить убранные растения, их следует поместить в прохладное место. Урожай зеленых листьев кресс-салата составляет 0,3-0,5 кг/м².

Кресс-салат можно выращивать зимой и весной в домашних условиях — на подоконнике в ящиках с небольшим слоем почвы (5-7 см) или неглубоких сосудах на влажной ткани или слое мокрой ваты. Семена в почву высеивают густо вразброс (15-20 г/м²) на глубину 0,5 см. В комнатных условиях всходы в ящиках появляются быстро, и на 10-14-й день растения с двумя настоящими развитыми листочками бывают готовы к употреблению. При этом нежные растеньица не выдерживают, а срезают.

Кресс-салат на семена высеивают рано весной с междурядьями 45 см или ленточным способом. Расстояние между лентами 50 см, рядками — 20 см, при прореживании расстояния между растениями оставляют 8-10 см. Почву содержат в рыхлом и чистом от сорняков состоянии.

В. ГУЩИНА,
садовод-любитель.

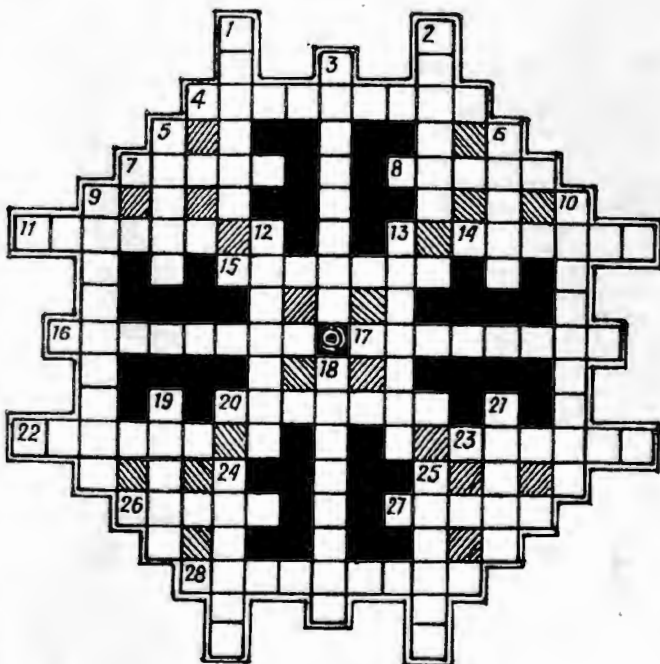

По горизонтали:

4. "Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно". 7. "Нет такой силы, которая поработила бы нас". 8. Автор выражения "Крылатые слова". 11. "Мудрость не скажет того, что противно природе". 14. "Я знаю только то, что ничего не знаю". 15. "Берегись, богачи, беднота гуляет". 16. "От великого до смешного один шаг". 17. "Сейте разумное, доброе, вечное". 20. "Я знаю Русь и Русь меня знает". 22. "Хорошее начало — половина дела". 23. "Молодость счастлива тем, что у нее есть будущее". 26. "Что посеешь в юности, то пожнешь в зрелости". 27. "Новое — это хорошо забытое старое". 28. "Напрасно в годы хаоса искать конца благого".

По вертикали:

1. "Все пройдет, как с белых яблонь дым". 2. "Всякая гибель начинается с утраты воли к сопротивлению". 3. "Не дворянская наука — география". 5. "Афоризм должен быть плодом с дерева жизни". 6. "Краткость — сестра таланта". 9. "Деньги не пахнут". 10. "Подписано, так с плеч долой". 12. "Всем смертям назло". 13. "Не-

КРОССВОРД**КТО СКАЗАЛ, ЧТО...**

достаточно обладать мудростью, нужно уметь пользоваться ею". 18. "Для человека с талантом и любовью к труду не существует преград". 19. "Цель оправдывает средства". 21. "Чем выше бы-

вает культура, тем выше ценится труд". 24. "Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе". 25. "Работа — мое первое наслаждение".

Составил **Е. КУЛИКОВ**

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 9**По горизонтали:**

5. Единоначалие. 8. Каморра. 9. Стратег. 12. Табун. 13. Единорог. 16. Репер. 19. Ленино. 20. Отпуск. 21. "Очаков". 22. Броненосец. 15. Поныри. 26. Задача. 27. Развод.

28. Редан. 29. Фатьянов. 32. Дозор. 35. Укрытие. 36. Капитан. 37. Северодвинск.

По вертикали:

1. "Идиот". 2. Снаряд. 3.

Кастро. 4. Бивак. 6. Ватутин. 7. Ветеран. 10. Ракетносец. 11. Белобородов. 14. Интендант. 15. Ростопчин. 17. Комбриг. 18. "Концерт". 23. Рыбалка. 24. Узловая. 30. Алигер. 31. Ошанин. 33. Вылет. 34. Минск.

СЕМИОХИН

Иван Степанович

На 79 году жизни скончался Иван Степанович СЕМИОХИН – полковник в отставке, один из старейших военных журналистов. От нас ушел замечательный человек, мужественный солдат Великой Отечественной, совсем немного не дожив до славного полувекового юбилея Победы.

Свой журналистский путь он начал на родной орловской земле, в районной газете. В тридцать девятом был призван в армию. Окончил ускоренные курсы Харьковского военно-политического училища и войну уже встретил младшим политруком.

Пожалуй, самой яркой страницей фронтовой биографии Ивана Степановича была его работа в газете 18-й армии «Знамя Родины»,. Орден Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», и «За оборону Кавказа», свидетельствуют о том, что политрук умел воздействовать на окружающих не только горячим словом, но и личным примером.

Решительность, принципиальность, умение говорить и отстаивать правду всегда были присущи этому человеку. Все, кто трудился с ним в окружной газете Московского военного округа «Красный воин», в журнале «Коммунист Вооруженных Сил», отмечали его взыскательную доброту, человечность, большое трудолюбие и поистине солдатскую скромность в быту.

О работе Ивана Степановича главным редактором нашего журнала в 1969–1974 годах хотелось бы сказать особо. Он воссоздавал «На боевом посту», подбирал и спланировал редакционный коллектив, передавал ему свой богатый опыт. Отсюда он ушел на заслуженный отдых. Но и все эти двадцать последующих лет он не стоял в стороне от наших проблем и забот. Живое интересовался ими, сам выступал в журнале с воспоминаниями о войне. Вот и совсем недавно он опубликовал у нас статью, посвященную 50-летию подвига героев-малоземельцев.

Он всегда был полон творческих идей, всегда тянулся к молодежи и, несмотря на возраст, на нездоровье, продолжал активно работать в Союзе журналистов, газете «Советский патриот», ветеранской организации. Орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями отмечены его два последних десятилетия.

Мы гордились Иваном Степановичем. Такая потеря невозполнима.

Коллектив редакции журнала
«На боевом посту»

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ЗАКРЫТОГО ТИПА

Фирма

ЩИТ

ПРЕДЛАГАЕТ:

- Ружья охотничьи гладкоствольные ИЖ-27М и ИЖ-43.
- Боеприпасы охотничьи.
- Революеры газовые отечественные РС-01 и РС-22.
- Пистолеты и революеры газовые импортные:
  - калибра 8 мм — «Mauser», «Reck G-5», «Walther PPK», «Detektiv», «Browning», «Record», «General»;
  - калибра 9 мм — «Remington», «Sheriff», «Combat», «Government», «Walther P-88», «RG-89», «Reck-Miami», «Agent», «Walther-Terminator»;
  - калибра 11 мм — «Sergeant», «Agent-45».

- Пистолеты для стрельбы красящими шариками «Paintball».
- Баллончики газовые «Щит», 5001.
- Пусковые устройства для сигнальных ракет центрального и бокового боя.
- Кобуры оперативные.
- Системы охранной сигнализации «Аргус», «Фотон» и «Кворум А-100», не имеющая аналогов в России и в Европе.
- Спецсредства защиты: шлемы, дубинки, спецкомплекты, бронежилеты.

ОПТОВАЯ И РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ

Адрес: 117279, Москва, ул. Профсоюзная, 93а.

Время работы: 10.00—19.00, суббота 10.00—17.00, воскресенье — выходной.

Телефоны для справок:

(095) 336-33-77 — оптовая торговля, 335-66-77 — розничная торговля.

Факс: (095) 330-79-33

НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

Московский округ

Северо-Западный округ

Северо-Кавказский округ

Главное управление
командующего
внутренними войсками

Приволжский округ

Уральский округ

Восточный округ

Сибирский округ

Управление по охране
важных государственных
объектов и
специальных грузов

Отдельная дивизия
оперативного назначения

Воинские части и
учреждения обеспечения
деятельности внутренних
войск, военные училища